

Драко

КТО СВЕТЕЛ, ТОТ И СВЯТ

«Цепь Ариадны», книга третья

КТО ЛЮБИТ, ТОТ ЛЮБИМ, КТО СВЕТЕЛ, ТОТ И СВЯТ;
ПУСКАЙ ВЕДЕТ ЗВЕЗДА ТЕБЯ ДОРОГОЙ В ДИВНЫЙ САД...
(А. ВОЛОХОНСКИЙ)

Шторм бушевал второй день. Океан свирепо терзал берег, с пеной кидался на мокрый песок и отступал шипя, подобно взбешённой кошке. В мутном небе тяжело колыхались тучи. Дождевые капли барабанили по серой воде и снизу, из глубины, казалось, будто корчащееся в агонии зеркало секут тысячами плетей.

Задыхаясь в зловонном дыму от горящей электроники, Курт вынырнул на поверхность. Обожжённые руки рванулись к замкам шлема, в скафандр хлынула ледяная вода. К счастью, берег был совсем рядом; отдавшись на волю волн, измученный человек позволил океану уложить себя на песок. Только чудовищное напряжение воли помешало Курту тут же лишиться сознания.

С трудом расстегнув скафандр, он отполз подальше от моря. Холодный дождь притупил боль в покрытой ожогами шее. Несколько минут Курт молча лежал, хватая воздух ртом, будто странная бело-оранжевая рыба. Ему требовалось время, чтобы поверить.

Наконец, слегка придя в себя, человек сел и огляделся. Потянул носом воздух. Пахло гнилью. Место, где море выпустило пленника, выглядело весьма унылым и мрачным, но не безлюдным; метрах в пятистах, на холме, темнел одинокий дом, окруженный мертвыми деревьями. Вокруг расстилались мили болотистой земли.

– Es könnte schlimmer sein¹... – пробормотал Курт. За последние месяцы он привык разговаривать сам с собой.

Порывшись в ранце скафандра, высокий, худой сероглазый блондин с необычайно светлой кожей и идеально правильным, красивым лицом, нашел тюбик универсального бальзама. С наслаждением выдавил на горящие от ожогов запястья. Болеутоляющее мгновенно впиталось в кожу и, спустя пару минут, Курт почувствовал себя гораздо лучше, почти живым. Поднявшись на ноги, он снял скафандр, оставшись в сером облегающем костюме водяного охлаждения. Привычно зачесал назад гладкие соломенные волосы. Перекинув скафандр через плечо, Курт направился к одинокому дому.

Ворота украшал ржавый висячий замок. Судя по его виду, хозяева редко пользовались парадным входом, предпочитая зиявшую неподалеку дыру в изгороди. Курта в его теперешнем состоянии мало беспокоило, каким образом он окажется под крышей, поэтому, вытащив из ранца скафандра раскладной резак, мужчина двумя движениями отправил замок в небытие и толкнул покосившуюся створку. Скрип проржавевших петель гармонично влился в унылую песню ветра.

Не опуская резак, Курт бросил скафандр у ворот и направился к дому. Там царил зловещая тишина. Курт с радостью заметил дощатый гараж под северной стеной и, не тратя время на бесполезные-скорее всего-попытки дозваться хозяев, с ходу поднялся на крыльцо и пнул деревянную дверь. Та неожиданно открылась.

В коридоре стоял одетый в пыльный черный костюм седой мужчина с морщинистым, будто смоченным кислотой лицом. В руках он держал лопату, но было видно, что нанести удар ему не хватит ни сил, ни решимости.

– Что вам нужно? – спросил он дрожащим голосом. Курт поднял брови, услышав английский язык.

– Не бойтесь... – он опустил резак и устало прислонился к стене. – Я летчик. Мой самолет потерпел крушение, я с трудом доплыл до берега. У вас есть телефон?

Старик молча покачал головой.

---

¹ «Могло быть и хуже» (нем.)

– Мобильный? Рация?

– Ничего нет, – отрезал хозяин дома. Он смотрел на гостя угрюмо, исподлобья.

Курт глубоко вдохнул:

– Скажите, где я? Шотландия? Британия?

Старик крепче стиснул лопату:

– Аляска.

– Америка! – Курт удивленно раскрыл глаза. – С какой же скоростью... Неважно, – Он покачал головой. – Очень жаль, что приходится вас беспокоить, но выбора нет. Я должен немедленно связаться с начальством. Отвезите меня в ближайший населенный пункт. Я заплачу, как только окажусь там.

Старик все так же, молча, покачал головой.

– Вас наградят, – Курт нетерпеливо кивнул в сторону двери. – Шайзе, вы станете богатым человеком, только довезите меня до...

– Машина сломана, – угрюмо буркнул хозяин дома.

Курт нахмурился:

– Я хорошо разбираюсь в технике. Идемте, мы починим ваше авто.

– Я никуда не поеду! – голос старика сорвался. – Какое вы имеете право врываться на чужую...

Окончательно рассвирепев, Курт отбросил резак и выхватил из кобуры на бедре «Люгер». Направил его на хозяина дома:

– Hör zu, du jüdische Göre², – он шагнул вперед. – Я разведчик! Если потребуется, я застрелю тебя на месте и мне даже не придется давать этому объяснение. Так что, или ты срочно отыщешь телефон, или мы вместе совершим небольшую прогулку. Deutlich³?

Курт указал оружием на дверь:

– Двигайся!

– Вы пожалеете, – пробормотал старик. – Вы горько пожалеете...

– Когда я доберусь до телефона, – с чувством отозвался Курт, – Пожалеют все.

---

² «Слушай, ты, еврейский засранец» (нем.)

³ «Ясно?» (нем.)

*Для нас, состояние мира и войны
различается лишь способом обращения с бомбами.*

Генерал Ле Мей

Глава 1

Волны жара от раскаленного металла заставляли щуриться. Огонь свирепствовал за слюдяными иллюминаторами, выпуклый люк малиново тлел в полумраке. Терпкий аромат свисавших с потолка орхидей глушил запах сгорающей плоти. До самого конца все хранили молчание.

Когда пламя в камере опало, Яхак дал знак технику у стены и, добивая огонь, с шипением заработали распылители. Вскоре затихли и они. В повисшем безмолвии, все взгляды обратились к блеклому, без единой отметины на пепельно-серой шерсти, довольно высокому и ширококостному сарку с удивительными, хрустальными бесцветными глазами, в глубине которых под верным ракурсом переливались оттенки пурпура.

– Мой дед прожил жизнь, достойную легенд, – сухо сказал Яхак. Несмотря на герметичность кремационной камеры, слабый запах горелого мяса достигал его чувствительных ноздрей, вызывая порывы к рвоте. – Мы всем ему обязаны, каждая душа, от умудренного старца до дитя, впервые открывшего глазки-нас просто не осталось бы, кабы не он.

Яхак опустил голову.

– Не мне держать прощальное слово. Я даже не сын, лишь внук. Но так уж вышло, что я последний. Мы живем в беспощадном, жестоком мире, мы крохотный уязвимый народ на планете всесильных гигантов. И тем важнее подвиг моего деда, последнего вождя Свободного Братства, великого Нарха, что более ста циклов вел нас в будущее, вопреки всем врагам, смеясь опасности в лицо.

Он вздохнул.

– Я скорблю о нем, но все мы смертны, а прожить такую жизнь, как Нарх, не всякий рискнет и мечтать. Прощай, бесстрашный вождь, суровый, но справедливый родитель, величайший защитник слабых и достойный восхищения воин!

Яхак выпрямился и рывком отдал честь. Все присутствующие, в едином порыве, последовали его примеру. Постояв немного в молчании, Яхак первым развернулся и направился к выходу из крематория. Остальные, шепотом переговариваясь, шли следом.

Все на лифте поднялись в гостевой зал, где уже накрыли столы для поминального ужина. Некоторое время Яхак провел у стойки с портретом деда, принимая соболезнования и прощальные подарки. Одним из последних, к нему в инвалидной коляске подъехал пожилой черный сарк с обширными ожогами на половине тела. Как и все первые в рангах, старик не носил браслета.

– Здравствуй, Тектор... – высокий Яхак опустился на колени, чтобы потереться с ним носом. – Спасибо, что нашел время. Я знаю, как ты загружен в Проекте.

Старик грустно развел лапками:

– Разве мог я не приехать...

– Ты оказал честь нашему клану, а мне в особенности, – тепло сказал Яхак и, с болью, стиснул зубы, заметив, как трясется левая лапа старого ученого. Взяв его ладонь в свои, участливо спросил:

– Как здоровье?

– Недолго уж осталось, – буркнул Тектор. Яхак нахмурился:

– Отставить глупые мысли. Ты крепче, чем кажешься, и не раз это доказывал.

Еще всех нас переживешь!

Старик едва заметно усмехнулся уголком рта.

– Мой лучший друг, Фтимар, ты вряд ли его знал, да... Так вот, Фтимар, пока жив был, все твердил про вселенское сознание, мол смерть не конец, мы лишь возвращаемся к источнику, а тела наши просто окна, сквозь которые разум глядит в материальный мир... – Тектор опустил голову и горько добавил: – Я был с ним в последние минуты. Знаешь, он даже не боялся. Лишь улыбнулся и сделал знак крылом, что будет ждать по ту сторону.

– Крылом? – переспросил Яхак. Старик отвел взгляд.

– Их век даже короче нашего, – сказал глухо. Стиснул зубы. – Я честно пытался в это поверить, знаешь, сынок. Каждый раз, ложась спать, думал-а вдруг проснусь, и все, кого я потерял, стоят у изголовья да улыбаются... Только верить не выходит, ты уж

прости. Я бы и рад твоему деду привет передать, да как-то... – Тектор грустно улыбнулся. – Ох, чего-то я разболтался, совсем из ума выживу скоро... – он вздохнул. – Прими соболезнования, сынок. Я знал твоего деда очень хорошо. Даже в самую нашу первую встречу, бросив на него один взгляд, я сразу понял, что передо мной выдающийся лидер.

Яхак кивнул:

– Мне известна эта история, сестра рассказывала.

Тектор встрепенулся:

– Синти? Как там она поживает?

Серый хрустальноглазый развел лапками:

– У них с Лэйлой столько работы, что даже на похороны не смогли прилететь. Колония в Северном Сентинеле растет, дикари уже твердо добавили нас в свои верования и готовы защищать до последней стрелы.

Старик недовольно изогнул хвост:

– Не одобряю я эту авантюру...

– Тот остров уникален, – возразил Яхак. – Правительство Индии категорически запрещает его посещения, границы охраняют на вертолетах и патрульных катерах. Место словно создано для нас! Сам же знаешь, нельзя класть...

– ...все яйца в одну корзину, да, – закончил Тектор. – Это человечья поговорка, между прочим. Сарки не едят яиц. Ты слишком увлекаешься людьми и их кровавой культурой, сынок.

– Такая у меня профессия, – коротко сказал Яхак.

– Да... Да... – старый ученый отвел взгляд. – Я понимаю. Но не одобряю.

– Знай своего врага, – сухо ответил хрустальноглазый.

Тектор помолчал.

– Ладно, давайте есть, – буркнул он после паузы. – Черешня найдется?

Яхак улыбнулся.

– Лучшая в мире! Ни у кого такой сочной нет, – добавил он, подмигнув.

Гости уже рассаживались, Тектор и Яхак заняли места во главе стола. Стоял обычный тихий гам от большого застолья, звенела посуда, ароматы горячей пищи наполняли воздух. Многие шепотом переговаривались, поднимали тосты. Старому ученому по знаку Яхака поставили блюдо с очищенными ароматными ягодами и Тектор, забыв обо всем на свете, вгрызся в лакомство.

Прошла пара часов, остались позади обязательные поминальные речи и рассказы о любопытных страничках жизни покойного. Яхаку, как ближайшему из живых родственников, надарили кучу памятных безделушек, несколько пожилых ветеранов битвы на борту человеческого «Авианосца» совместно вручили внуку их вождя ящик с кусочком корабельной брони. День уже клонился к вечеру, когда застолье подошло к концу и гости, поочередно обнимая серого хрустальноглазого, начали расходиться.

Скоро в зале остались лишь сам Яхак, Тектор да незнакомый худой, хрупкий, очень невысокий темно-серый сарк с седыми отметинами вокруг ушей и на груди. Он до сих пор держался поодаль, ни с кем не говорил, и лишь дождавшись, пока все ушли, приблизился к столу. Сел на скамью рядом с инвалидной коляской Тектора.

– Знакомьтесь, – сказал старик, положив лапу на колено седого незнакомца. – Яхак, это мой старший сын, Текстар. Текс, перед тобой офицер службы безопасности, эксперт по людям, лучший на свете снайпер и мастер-пилот боевого меха, сын легендарной Серенады-коммодор Яхак Нарх'Варрен.

Седой вежливо загнул хвост и поклонился.

– Я много о вас слышал, уважаемый.

Яхак удивленно переводил взгляд со старика на его сына.

– Сколько вам циклов? – с сомнением спросил он у седого. Тот улыбнулся.

– Отцу было около тридцати, когда я родился, еще в тинке мегаполиса Аретис. Но из-за памятных событий полвека назад, Тектор провел несколько минут вне поля ускорителя времени, а когда вернулся, наш возраст уже почти не отличался.

– Ох... – вырвалось у Яхака. Седой развел лапками:

– Игры со временем чреватые и не такими... последствиями.

– Мой сын избрал профессией физику и математику, – вставил Тектор. – Недавно он возглавил отдел аналитики в Проекте, и уже успел совершить несколько открытий.

Текс смущенно прижал уши.

– Ничего важного я так в жизни и не добился...

– Жизнь продолжается, малыш, – буркнул старик и обратил взгляд к Яхаку. – Вы тут поболтайте немного, а я загляну... В одно место. Старость не радость.

Зажужжали моторчики инвалидной коляски, и Яхак остался наедине с седым Текстаром. Тот жестом пригласил офицера отойти в сторонку, к стене, где широкие листья декоративных растений дарили укрытие от любопытных глаз и ушей, хоть в зале никого больше и не было.

– Коммодор, мне очень жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах, – начал Текс, слегка понизив голос. – Я не имел чести знать вашего деда лично, но я много читал о нем и слышал рассказы отца. Я искренне соболезную, поверьте.

Яхак передернул ушами.

– Верю. Так что у вас за дело?

Вместо ответа, Текс расстегнул сумочку на поясе и вытащил диктофон. Молча протянул его офицеру. Тот, легонько нахмурившись, вытянул провод и прищелкнул динамик к ушной раковине.

«Альфа вызывает гнездо, повторяю, альфа вызывает гнездо!» – раздался мужской голос. Слова было трудно различать сквозь шумы и помехи. Некоторое время на записи лишь повторялся вызов, но потом...

«Ты жив!!!» – знакомый до боли, родной женский голос заставил Яхака дернуться и вцепиться в ствол ближайшего растения. Невозможно. Невозможно!

«Я жив и свободен, все в порядке, отмените любые спасательные операции!» – произнес первый голос. – «Маршрут, по которому я летел, простреливается ПВО, вычеркните этот район на картах, повторяю, не посылайте никого по моему маршруту!»

«Мы уже отправили дрон...» – растеряно ответил женский голос.

«Свяжитесь с ними немедленно! Пусть летят обратно!»

«Принято! Где ты, что с тобой случилось?!»

«Сейчас нет времени рассказывать, я говорю по открытому каналу, нас очень быстро запеленгуют. Срочно отзовите дрон, я все объясню позже!»

«Поняла, уже отзываю»

«Не бойтесь за меня, я в полном порядке. Не пытайтесь сами связаться! Я собрал временную антенну!»

«Ну, конечно, собрал...» – послышался звук, словно обладательница женского голоса всхлипнула. – «Это ж ты...»

«Срочно перенесите базу, вашу радиостанцию тоже могут запеленговать» – приказал первый голос. – «И никаких вылазок! Я жив, я продолжаю исполнять задание, больше никому нет нужды рисковать, понимаешь? Это приказ, Орби, я сейчас говорю как начальник экспедиции!»

– Орби?! – вырвалось у Яхака. Текс прижал палец ко рту:

– Тсс... Слушайте дальше.

Офицер нервно дергал хвостом.

«Ясно...» – женский голос помедлил. – «Элджи, родной... Ты нашел?»

«Нет, я не успел добраться до института Ломоносова. Но я нашел местных жителей, большую цивилизацию зверян, и вступил с ними в контакт. Тут все очень плохо, любимая, люди начали геноцид, уничтожили главный звериный город и охотятся на выживших. Я все подробно расскажу, когда вернусь»

«А когда ты вернешься?» – с явным волнением спросила собеседница.

«Пока не знаю, но опасность мне не грозит, я вернусь непременно, родная. Оставайтесь на базе и будьте предельно осторожны! Вызов закончен»

«Вызов закончен...» – запись прервалась. Потрясенный, шокированный до глубины души, Яхак поднял на Текса глаза, полные слез.

– Это... Старая запись?... – выдавил с трудом.

Седой медленно покачал головой. Яхак сглотнул:

– Рассказывайте.

Текстар вздохнул.

– Я работаю в зоне риска, на подводной базе им. Муна. Мы регулярно перехватываем радиопередачи людей, большинство гражданские, иногда зашифрованные военные. Ключей шифрования у нас нет, но триангуляция источников позволяет прогнозировать, как близко они от нас... – он покачал головой. – Пару дней назад один из радистов записывал человечьи переговоры, и вдруг расслышал в шумовом канале слова нашего языка. Сами понимаете, все тут же переключили прием на данную частоту, и из нескольких записей с разных приемников голоса удалось неплохо восстановить.

– Откуда шла передача?! – Яхак подался вперед всем телом.

– Определить позицию «Элджи» не представляется возможным, он использовал метеорную связь. А вот отвечал ему гораздо более мощный передатчик с южных берегов человеческой страны «Иран». Там находилась... – Текс помедлил – ...та, что звала себя «Орби».

Яхак дернул хвостом.

– Это была моя мать. Серенада. Я никогда и ни с кем не спутаю ее голос.

– Мы тоже так думаем, – тихо ответил Текс.

Яхак прищурил глаза:

– Кто ее опознал?

– Простите, коммодор, это секретная информация.

– Что? – Яхак моргнул. – Я старший офицер службы безопасности!

– Тут я бессилен, – Текс развел лапками. – Мне с огромным трудом удалось добиться разрешения показать вам запись.

Хрустальноглазый запнулся и на несколько секунд умолк, лихорадочно размышляя.

– Ординаты?

– Конечно.

– Кто именно? Я их всех знаю лично.

Текс помедлил.

– Приказ отдал Телгарр Хилт, – сказал после паузы. – Не надо с ним связываться, будет только хуже. Экспедицию уже утвердили, отправляемся через два дня. Надеюсь, коммодор, вы не откажетесь возглавить десантный отряд на борту?

Яхак отпрянул:

– Конечно, я с вами!

Текс натянуто улыбнулся.

– Никто и не сомневался, но спросить заранее все же стоило. Завершите дела в городе и завтра езжайте в порт, вот пропуск, – седой сарк протянул офицеру карточку. – Надеюсь, ваша репутация соответствует истине.

Яхак зажмурился и медленно перевел дыхание.

– Скоро узнаем, – обещал он негромко.

***

Вечер выдался душным и влажным, но дождь так и не начался. Климат Новой Гвинеи оказался одним из самых тяжелых испытаний для беженцев, в первые циклы после катастрофы множество несчастных погибло, не выдержав лишений. Сейчас жизнь потихоньку налаживалась.

Новым домом цивилизация сарков избрала совершенно недоступное и ни разу не посещенное людьми горное плато «Стена Гинденбурга» в самом сердце Новой Гвинеи. Огромная площадь непроходимых джунглей, обилие воды и растений, тысячи

пещер, а главное, отсутствие поблизости развитых стран дарили некоторую степень уверенности в завтрашнем дне. Сарки больше не строили мегаполисы с миллионным населением, страх обнаружения заставил их расселиться по всей площади широкого плато, в средних и небольших деревеньках, обязательно скрытых в пещерах или под землей. На поверхности категорически запрещалось использовать освещение, открытый огонь, радио и любую демаскирующую активность, которую могли бы заметить человечьи военные спутники.

Между поселками не было дорог; путешественники передвигались на вездеходах, замаскированных под животных, в основном диких свиней. Защиту обеспечивали пилоты боевых мехов, в точности имитировавших внешность и бег казуаров-широко распространенных на Новой Гвинее крупных нелетающих птиц. Одним из таких пилотов и был Яхак.

Жил он в самом большом поселении, названном по имени его деда, внутри крупной известняковой пещеры на краю плато. Яхак занимал комнату на девятнадцатом ярусе пятидесятиэтажного жилого района. Бывшие ренегаты по-прежнему предпочитали селиться отдельно от бывших горожан, но в целом раскола в народе сарков больше не было, слишком уж трудной и опасной стала жизнь. Большинство успокаивало себя мыслями, что это временно, и едва великий Проект увенчается успехом, процветание вернется... Но со дня бегства прошло уже двенадцать лет, а конца и краю работе было не видать.

Выходя из лифта, Яхак поймал себя на мысли, что размышляет человечьими «годами» и «днями» вместо привычных «циклов» и «смен». Криво усмехнулся. С тех пор, как «поверхность» для всех превратилась из мифического Космоса в дождливый пейзаж за окном, «дни» и «ночи» обрели для сарков новый смысл, но «годы» оставались чуждой человеческой единицей. Чуждой почти для всех, кроме Яхака, избравшего профессией изучение кошмарных, смертельно опасных людей, которым планета Земля принадлежала безраздельно...

Дома царил тишина. Яхак торопливо собрал чемоданы, созвонился с начальством и предупредил о командировке. Затем уселся на кровать, уложил лапы на колени и постарался привести мысли в порядок.

Легендарная искательница приключений, Серенада уделяла семье не слишком много времени-путешествия занимали ее куда больше. Но трое детей боготворили мать и, затаив дыхание, жадно внимали любым рассказам о ее подвигах. Яхаку было всего

девять, когда Серенада и ее муж Марув с отрядом лучших воинов захватили «космический корабль» из города Аретис и отправились в мир людей на поиски бессмертия. Больше никто о них не слышал...

...до сего дня. Яхак ощутил, как из глубин души поднимается волна эмоций, и жестоко ее подавил. Спокойствие. Только строгий анализ.

Мать и отец отплыли примерно за шесть циклов до катастрофы, когда небо еще было серым, и незримый барьер отделял от острова мир людей. Это значит, едва они вышли в открытое море, шесть циклов до отключения ускорителя пронесли для них в один миг. Помня, как благодаря героической битве на «Авианосце» один час перед ядерным взрывом превратился в триста тысяч на острове, для Серенады и Марува прошло не пятьдесят три, а лишь двенадцать циклов. Яхак глубоко вдохнул.

Матери было около сорока, когда она отплыла, а отцу тридцать семь. То есть, если мистическую «машину бессмертия» им найти не удалось... Ха-ха... Сейчас обоим должно быть плюс-минус шестьдесят. Для столь могучих и тренированных воинов-считай, едва миновала середина жизни! Нарх прожил сто пять циклов...

Встав с кровати, Яхак подошел к стене, где висела большая цветная фотография. Она слегка выцвела от времени. Протянув лапу, хрустальноглазый бережно провел кончиками пальцев по изображению улыбающейся Серенады.

Облокотившись о свой мощный байк, она держала двух дочерей на руках, а маленький Яхак стоял в седле мотоцикла и выглядывал из-за плеча матери. Рядом, поставив ногу на камень и опираясь о колено, смотрел в камеру огромный, мускулистый сереброшерстный Марув с золотым кольцом в ухе. Он был на две головы выше Серенады и, казалось, способен скомкать ее лапами в серый пушистый шарик, но Яхак помнил, что родители равно владели боевым искусством и, в редкие дни когда бывали дома, иногда спарринговали друг с другом, показывая такие чудеса ловкости и силы, что соседи сбегались глазеть на это со всей деревни...

Осторожно сняв фотографию, офицер бережно свернул ее в рулон, вложил в защитный футляр и спрятал в чемодане. Губы тронула улыбка. Неужели он снова увидит отца и мать? Яхак был далеко не молод-шел шестой десяток. Близких друзей у него не имелось, семью он так и не завел. Сын Марува и Серенады всегда отличался холодным и нелюдимым нравом, скрупулезностью, болезненно воспринимал любое отклонение от нормы и во всем предпочитал полагаться строго на собственные силы, коих от родителей получил в избытке.

В юности, еще на залитых золотым светом равнинах Иркаллы, Яхак пробовал заниматься спортом, но быстро понял, что военная карьера привлекает его больше. Одиночка по натуре, обладатель удивительно быстрой реакции и необычайно меткий от природы, Яхак имел идеальный набор качеств для профессионального снайпера.

Впрочем, после битвы на «Авианосце», когда вся цивилизация сарков отбросила вековые предрассудки, забыла о разногласиях и принялась лихорадочно строить подводный флот, профессия снайпера утратила смысл, и Яхак переучился на пилота боевого меха-целую армию таких поспешно строили в Дигсите на случай открытой войны с людьми. Там он и получил офицерское звание. Последние циклы Яхак патрулировал джунгли, защищал строителей от диких зверей, следил за активностью людей и, в целом, жил той самой жизнью, о которой мечтал.

Но он и мечтать не мог отыскать родителей, исчезнувших полвека назад! Закончив сборы, офицер выставил будильник на раннее утро и силой воли почти моментально заставил себя уснуть. Спал глубоко и спокойно, без снов. Проснулся за пару минут до срабатывания будильника, отдохнувшим и свежим. Как всегда.

Штольня к туннелю, что вел в порт, находилась почти в километре от дома. Яхак шагал по грубым каменным тропам, где лишь в самых опасных местах встречались деревянные или железные перекрытия. Львиная доля «квартир» представляла собой просто углубления в известняковых стенах, отделенные от улицы перегородками из коры. Канализационные трубы тянулись прямо по поверхности, у беженцев не было ни времени, ни ресурсов чтобы долбить для них тысячи траншей в твердых скалах. Яхак не в первый раз задумался, что ужасные условия, с которыми саркам приходилось мириться последние двенадцать лет, вполне соответствуют уровню жизни большинства людей, обитавших на Новой Гвинее и в огромном количестве других малоизвестных, труднодоступных, диких мест Земли. Собственно, если верить отчетам ООН, в таких условиях влачила существование значительная часть людей на планете-больше половины.

«Так ли уж мы отличаемся...» – думал Яхак, стоя в лифте. Шахта вела к тесному, узкому туннелю, где вместо сверкающих магнитопланов ездили вереницы грубых открытых тележек. Порт находился глубоко в недрах гор, у подземного ручья, что выходил на поверхность неподалеку отсюда, рождая самую быструю и бурную реку Земли-неистовый, грохочущий поток Ок-Теди, что тянулся поперек всей территории

Новой Гвинеи почти две сотни километров, неся дождевые воды с гор в Коралловое море.

Ок-Теди была до такой степени загрязнена миллиардами тонн промышленных отходов от медной шахты, построенной людьми у ее истоков, что утратила прозрачность почти на всем протяжении, а рыба и прочая живность фактически вымерла. Вместе с рыбой, вымерли и многочисленные поселки аборигенов, что прежде были разбросаны по берегам. Сегодня, яростная полноводная Ок-Теди превратилась в желто-бурый ядовитый поток, пересекать который даже на лодке было опасно.

Идеальная транспортная артерия для крохотных беженцев от всесильных людей...

Команда экспедиционного корабля собралась в тесной портовой столовой, освещенной единственной тусклой человеческой лампой накаливания. Высотой в полный рост сарка, лампа торчала из пола в центре обеденного зала, источая волны тепла и уютного желтоватого света, столики вокруг были всегда заняты. Членам экспедиции пришлось расположиться в полумраке, у самой стены. Яхак с интересом разглядывал своих будущих спутников.

– С прибытием, друзья, – начал седой Текс, когда все расселись. – Давайте знакомиться. Я Текстар 5 из Торр’Ранга, организатор экспедиции и, скажем так, капитан, – он улыбнулся и жестом передал слово соседу.

– Драам, клан Нарха, – представился тот, крупный черно-коричневый со светлыми пятнами на щеках. – Механик-рулевой, старпом.

– Доктор Эпайн 8 из Мистар’ранга, внук капитана «Титановой гордости», да-да, той самой, вы не ослышались! – с важным видом заметил пухлый, большеухий сарк белой масти. На груди он носил ленту, увешанную какими-то значками, в полумраке мелкие надписи были неразличимы. – Я эксперт во всех областях географии, океанографии и навигации, автор первого полного атласа Земли, получившего золотой кубок от ранг-центра Аретиса!

– Bravo, bravo, – улыбнулся Текс. – Мы счастливы видеть в команде столь замечательного специалиста. Друзья, а теперь, позвольте представить вам коммодора Яхака из клана Нарха, – капитан кивнул заинтересованно встрепенувшимся саркам. – Он отвечает за безопасность и командует десантной группой.

– Яхак Нарх’Варрен? – с волнением спросил Драам. – Сын Серенады?!

– Так точно, – улыбнулся офицер. – Захотелось проведать мать.

Среди остальных пронесся удивленный шепот, Эпайн недовольно нахмурился. Сидевший рядом с ним пегий серо-черно-белый невысокого роста, с легкой растерянностью почесал за ухом.

– М-м – оя очередь? – спросил робко. – Я М-м – минос 19 из Анг-г – г’ – ранга, электроника, с-с – связь, киб-б – бервойна.

– Хакер? – наострил уши Яхак. Пегий смущенно кивнул. Офицер заинтересованно подался вперед:

– Где проходили обучение?

– Ф-ф – форпост «Эребус»... З-з – заочно... – связист скромно потупил взор. Яхак щелкнул хвостом:

– Ваша специальность очень редка, ведь до катастрофы у нас совершенно не было компьютеров, – сказал он ободрительно. – Уверен, в экспедиции вы окажетесь исключительно полезным!

Минос так смутился что сжался в пушистый шарик и спрятал лицо в шерсти на груди. Тем временем, его сосед, габаритами сразу выдававший в себе бывшего ренегата, одобрительно хлопнул робкого связиста по спине, да так, что тот едва не свалился со стула.

– Зовусь Ка, а эт’мой братан, Мов, – заявил могучий, светло-коричневый сероглазый сарк с выстриженной в форме перекрестья прицела шерстью на груди. Кивнул на брата-близнеца, точно такой же масти и роста, но без татуировок. – Десантники мы. Из клана Вуна.

Яхак удивленно моргнул.

– Только двое? – он перевел взгляд на Текса. – В десантной «группе» буду лишь я да двое солдат?

Седой капитан развел лапками.

– Мы отплываем на лодке класса ГУ-К под названием «Афалина», это корабль малого тоннажа, там очень ограниченное пространство и большую часть займет поисковое оборудование. Но не волнуйтесь, вступать в открытый конфликт с людьми никто не собирается, а на крайний случай, мы возьмем боевой мех «Сплинтер 400». Уверен, вы хорошо с ним знакомы.

Яхак в глубоком сомнении оглядел шестерых членов команды.

– Я ожидал... Более масштабную экспедицию, – заметил он натянуто. – Мы отправляемся глубоко в чужие земли, там опасно. Очень.

Текс вздохнул.

– Нельзя посылать вооруженный отряд на большой подлодке, коммодор. В случае обнаружения, люди узнают, что сарки не погибли при ядерном взрыве. Будет катастрофа.

– Если мы попадемся на маленькой лодке, они узнают это с тем же успехом, – возразил Яхак. Коричневый Драам покачал головой:

– Нетушки. Моя «Афалина» на радарх не фонит, акустическая подпись как у дельфина, да и глазами ее в упор от живого зверя не отличить. Ну, а на крайняк, она имеет механизм самоуничтожения.

– Риск есть, конечно, но несоизмеримо ниже, чем если б в путь отправился огромный корабль с сотнями сарков на борту, – вставил Текс. Яхак откинулся на спинку стула и скрестил пальцы перед грудью.

– Какой ревизии ГУ-К? Керамика или композит?

– Самая последняя модель, композит, с фосфорным реактором, – отозвался капитан.

– Импульсные двигатели установлены? Водопады перепрыгивать может?

– Конечно.

– Что входит в поисковое оборудование?

Текс обратил взгляд к Драаму. Тот встрепенулся, расстегнул объемистую сумку, что валялась на полу рядом с его стулом, вытащил синюю папку и несколько секунд листал содержимое.

– Вот, держите, – он протянул Яхаку лист. Офицер пробежал список глазами, задумался на короткое время.

– Достаточно грамотный набор, – признал после паузы. – Даже не знаю, что добавить навскидку.

Капитан улыбнулся.

– Мы не авантюристы и не любители, коммодор. Нас мало как раз потому, что мы знаем, что делаем.

Яхак помедлил. Обернувшись к мускулистым солдатам, подался вперед:

– Где служили?

– Периметр, секторы с пятого по десятый, – отчеканил Ка.

– Стаж?

– Шесть полных циклов, три призыва.

– В боях бывали?

– Ну... – Ка почесал за ухом. Ответил его брат:

– Со зверьем сталкивались не раз.

– Опыт погружений? Работа в скафандрах? Работа в токсичной среде?

– Да, – твердо заявил Ка. – И много.

Мов добавил:

– Мы патрулировали в окрестностях человеческого рудника, там считай воздуха нет...

Яхак перебрал пальцами.

– Понятно... Что ж, рискнем, – он обратил взгляд к капитану Текстару. – Я с вами.

Седой сарк широко улыбнулся.

– Прекрасно, прекрасно. Тогда идемте на борт, друзья-зачем терять время. Путь по реке до Кораллового моря и так отнимет более суток...

В молчании, навьюченная личными вещами и оборудованием, семерка смельчаков направилась к причалу.

Глава 2

– Инга... Инга очнись... Инга, очнись, ну пожалуйста... – дрожащий голосок Тумана проник в растерзанное сознание летучей мыши. Застонав, она спеленала себя крыльями.

– Проснись, скорее, там дроны человечьи... – в отчаянии всхлипнул Туман.

У Инги кружилась голова и тело сковывала непонятная слабость, но слова мышонка все же пробились в ее стонущий разум. Дернувшись, летунья открыла маленькие темные глазки и, с помощью Тумана, заставила себя сесть.

– Что... Что случилось?.. – выдавила она, борясь с тошнотой.

Туман в страхе указал лапкой вдаль.

– Дроны, – шепнул, дрожа. – Летают по спирали, с каждым витком все ближе!
Ищут...

Инга чудовищным усилием воли поборолa головокружение. Огляделась. Она и двое спасенных ею мышат, по-прежнему, сидели на берегу ручья, Сай выглядел совершенно спокойным-он явно не видел ТО, что предстало летунье в телепатическом трансе. Вспомнив о распятом орле, Инга чуть не вскрикнула в голос. Светлое небо, возможно ли?! Не галлюцинация?!

Ее пробила крупная дрожь. Сон или нет, план оставался неизменным; спасти детей! Стиснув зубы, Инга встала на задние лапки, качнувшись от внезапного приступа головокружения. Помотала головой, перебрала крыльями.

– Туман, хватай Сая и лезь ко мне на спину, – вполголоса приказала летучая мышь. Дварг лихорадочно закивал.

Крохотный белый мышенок с готовностью протянул ему лапки. Усадив Сая на плечи, Туман быстро забрался на спину Инге, цепляясь за фиолетовую шерсть. Летунья расправила широкие полуметровые крылья, осмотрела перепонку.

– В какой стороне видел дрон? – спросила отрывисто. Туман указал, и летучая мышь прынула в пламенеющее вечернее небо, помчавшись прочь.

Некоторое время полет проходил в молчании, лишь свистел ветер да ритмично ударяли мощные взмахи. Ручей вскоре растворился вдаль, под крыльями тянулась унылая, однообразная степь, и лишь далекий черный столб дыма нарушал картину. Покрасневшее солнце уже касалось горизонта, от кустов да редких высоких растений тянулись зловещие, многометровые тени.

Когда Инга опустилась передохнуть на ветку одинокого искривленного деревца, Туман с ее спины очень тихо спросил:

– А как же пленники?

Летучая мышь горько понурила голову.

– Извини, малыш. Дроны это смерть.

– Но нельзя же их просто бросить... – голос мышонка дрогнул.

Инга тяжело вздохнула.

– Мы не бросаем, Туман. Мы исполняем их волю.

Она обернула голову и посмотрела в заплаканные глазки спасенных детей. Нежно погладила мышат крылом.

– Не плачьте, малыши, не плачьте... – летунья сама с трудом сдерживала эмоции.
– Все не так плохо! Люди ведь изловили их живыми. Я уверена: столь умелый воин, как Темир, легко не сдастся!

Туман не ответил, Инга лишь ощутила, как непроизвольно сжались его цеплявшиеся за шерсть лапки. На миг, она горько зажмурилась. Но времени утешать детей уже не осталось, впереди лежал долгий, опасный путь через полконтинента.

Снявшись с ветки, набирая скорость и взмывая все выше с каждым ударом крыльев, Инга помчалась прочь от смертоносного полигона и его трагедий.

Путь до приснопамятного городка Жаксы отнял у летучей мыши всю ночь и часть утра; она несколько раз высаживала детей на ветви деревьев, чтобы найти для них лакомство и поохотиться самой. Белый мышонок искал мать и капризничал, Туман всеми силами его утешал. К тому времени, как в мутной утренней дымке показались человечьи домики с разноцветными треугольными крышами, измученная летучая мышь едва держалась на крыльях, а Сай нахохлился и угрюмо цеплялся за шерстку Тумана, не реагируя на слова.

Городок, а точнее «село городского типа» Жаксы был примечателен лишь тем, что здесь заканчивалась железная дорога. Большинство людей, прибывающих из России или других стран, пересаживались тут на автобусы или брали в прокат внедорожники, но зверьям был доступен еще один вид транспорта-в Жаксы, тайно от людей, работал самый большой в Степи аистодром. Огромные перелетные птицы регулярно отправлялись отсюда по десяткам маршрутов, и, хотя по пути из Европы Инга воспользовалась человеческим товарным поездом, тратить недели на обратную дорогу она не могла. Даже не приближаясь к вокзалу, летучая мышь свернула к заброшенному участку на окраине городка.

Диспетчерская располагалась на чердаке покосившегося деревянного домика. Заросшая колючками сетчатая изгородь отделяла участок от соседних человеческих хозяйств, на обильно росших повсюду деревьях темнели многочисленные аистовые гнезда. Давным-давно, еще в 90-е годы, земля была выкуплена зверьями через подставных лиц, поэтому-то участок до сих пор и оставался «заброшенным»: люди считали, им владеет какой-то ленивый богач из столицы.

Нынче утром на аистодроме было непривычно тихо. Летучую мышь не встретили охранники на степных птицах, даже у чердачного окна никто не дежурил.

Инга уже начинала нервничать, но, когда заложила вираж и с разгона влетела в диспетчерскую, у нее вырвался облегченный вздох. Персонал был на месте.

– Кто вы? – к летучей мышке подбежал темно-коричневый бурундук со странно-коротким хвостиком, другой его сородич испуганно нырнул в стог сена. – Почему летаете днем?! Вы не слышали о гибели Дегелена?!

Инга устало сложила крылья и помогла мышатам спуститься с ее спины.

– Я Ингрид Фюнгерхатгдоттир из Швейцарии, эмиссар Цюрихского института Генезиса, это мои спутники, отважный Туман и маленький Сай. Нам срочно требуется аист в Европу, дело жизни и смерти.

Бурундук озадаченно оглядел всю троицу.

– Рейсы отменили после падения Дегелена, аистодром закрыт, – сказал он и, выдержав небольшую паузу, добавил: – Мне очень жаль.

Инга нахмурилась.

– Придется сделать исключение. Я официальное лицо из Цюриха, вам все объяснят, как только свяжетесь с распределительным центром в Москве.

Бурундук покачал головой:

– Мы отключили все средства связи и распустили персонал. Извините, но рисковать обнаружением мы не имеем права. В окрестностях Жаксы множество поселений.

Инга гневно топнула лапкой:

– Но должны же тут были остаться аисты!

Диспетчер кивнул:

– Птицы в гнездах, но нет ни одного погонщика. Дежуришь лишь мы с братом, на случай появления кого-то вроде вас, не знающих о катастрофе.

Из стога сена выглянул второй бурундук и, опасливо пригнувшись, на четырех лапах подбежал к гостям. Выглядел он точной копией первого, лишь нос был темно-красным, а не черным.

Летучая мышь глубоко вдохнула.

– Пошлите, пожалуйста, за ближайшим погонщиком. Один улетающий аист ничего людям не выдаст, но, если я не смогу вернуться в Цюрих как можно скорее, последствия для всех зверяток могут оказаться катастрофическими.

– Что еще за последствия? – нервно спросил второй бурундук. Инга бросила на него суровый взгляд:

– Я прибыла сюда из Европы не на прогулку, а с важным заданием. Найдите погонщика!

Первый бурундук, явно старший, покачал головой:

– Даже если кто-нибудь и согласится, любые передвижения днем строго запрещены. Не говоря уж о полетах. Вам придется отдохнуть здесь до вечера, а когда стемнеет, мы попробуем найти погонщика.

– Я не собираюсь терять... – начала было возмущенная Инга, но молчавший до сих пор Туман дернул ее за шерсть.

– Нам не нужен погонщик, – сказал дварг почти спокойным голосом. – У нас есть Сай.

Летунья запнулась и удивленно наострила уши:

– Да?

– Пусть он укротит аиста, как прежде кирана.

Инга изумленно моргнула и даже попятилась. Помедлив мгновение, опустилась на корточки перед белым мышонок, ласково погладила его крылом.

– Сай, малыш, ты помнишь мысленную команду, что узнал от орла? – тихо спросила летунья. Мышонок кивнул, и жестами попросил карандаш. Инга рывком выпрямилась:

– Скорее, нужны ручка и бумага!

Старший бурундук, почесав за ухом, неохотно кивнул и отошел в угол чердака, где в соломе был спрятан сундук. Вернувшись, протянул Саю карандаш и аккуратный блокнотик с портретом золотоволосой белой мыши на обложке. Ребенок с восторгом схватил подарок.

Все, затаив дыхание, глядели как малыш что-то торопливо рисует. Узнав силуэт Гюрзы, Туман горько зажмурил глаза.

– Сай, ну я же говорил, – он нежно погладил ребенка по голове. – Мы с твоей мамой разминулись в пути, но она тоже едет в институт и будет ждать нас там. Мы встретимся с Гюрзой очень скоро! – добавил Туман, заставив себя улыбнуться.

Сай замотал головой, уселся прямо на пол и демонстративно скрестил на груди лапки. Инга тяжело вздохнула.

– Малыш, мы не можем ждать маму здесь. Она не знает, где нас искать. Встретиться получится только в институте.

Летунья присела перед белым мышонком и, с трудом, вызвала на лице подобие улыбки.

– Чем быстрее долетим до института, тем скорее увидишь маму! Ты ведь поможешь, да, Сай?

Малыш упрямо покачал головой. Инга бросила взгляд на Тумана:

– Попробуй ты...

Сай гневно скрутил ушки в трубочки, как делала Гюрза когда злилась, начал пыхтеть, в его глазках показались слезы. Туман присел рядом на корточки, но сказать ничего не успел-весь чердак ощутимо затрясся, когда на ветхую крышу человеческого дома опустилась неведомая, но явно огромная птица. Окно закрыла тень; все обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть, как в диспетчерскую ловко запрыгнули две совершенно одинаковые бело-бурые ласки.

***

Самые маленькие хищницы на Земле, оба зверька-близнеца явно приходились друг-другу сестрами. Ростом лишь чуть выше Инги, гибкие и стремительные, с усатыми мордочками и крохотными черными глазками, беспощадные ласки заслуженно наводили страх на животных впятеро, а то и вдесятеро более крупных-хищниц даже люди считали опасными.

Бурундуки и мышата оцепенели при виде незваных гостей, но Инга не растерялась: схватив Тумана и Сая, она ударила крыльями и мгновенно взмыла под потолок диспетчерской. Одна из ласок с места, без разгона прыгнула за ней вверх, но летучая мышь ударила ее крылом по морде и сбила на пол. Раскрыв пасть, полную бритвенно-острых зубов, Инга издала громкое шипение.

– Прочь! – крикнула яростно. Ласка, которую она ударила крылом, извернулась всем телом и сжалась пружиной, готовясь вновь прыгнуть, а вторая подскочила к бурундукам и сбила обоих с ног. Прижав их за шеи к полу, хищница вскинула голову и бросила на Ингу злой плотоядный взгляд.

– Сядь или они умрут! – взвизгнула ласка. Летучая мышь, загребая крыльями воздух, висела под потолком чердака, удерживая перепуганных мышат лапами. Отвечать хищнице она не стала; сделав поворот через спину, на полной скорости рванулась к окну.

Вторая ласка вновь прыгнула, но маневренная Инга легко увернулась и уже шмыгнула было на волю, когда широкое черное крыло внезапно заслонило окно сверху и преградило летунье путь. В последний миг, Инга умудрилась свернуть и избежала столкновения.

Хозяин черного крыла запрыгнул в диспетчерскую, вцепившись кривыми когтями в подоконник. Его грузное пернатое тело заполнило весь оконный проем. В воцарившемся полумраке, испуганная Инга вновь зависла под потолком, лихорадочно переводя глаза с нового врага на ласок и обратно.

В этот раз ей достался противник, справиться с которым не вышло бы и у целой стаи летучих мышей. Самый огромный в Орон, какого Инга видела в жизни, с гладко-лоснящимся темным оперением и глубокими, разумными глазами, хищный птиц не носил никаких атрибутов мыслящего-даже колечек на лапах. Смертоносный клюв отливала полированным антрацитом. С появлением хозяина, вторая ласка подбежала к нему и уселась рядом на хвост, будто верная собака. Первая не шелохнулась, продолжая удерживать за шеи оцепеневших бурундуков.

Ворон бросил на них короткий взгляд и поднял голову к Инге.

– Не геройствуешь, – сказал он по-немецки хриплым низким голосом. – Я это ценю. Продолжай и выживешь! Может быть.

При звуках родного языка, летучая мышь дернулась.

– Кто ты?! – крикнула с высоты, продолжая загребать воздух крыльями.

Вместо ответа, ворон распушил перья и окончательно заблокировал оконный проем. В диспетчерской стало почти темно.

– Проверим, надолго ли тебя хватит! – каркнул он, не глядя на свою жертву.

Инга стиснула зубы. Хищник был прав-измученная долгим ночным полетом, летунья сейчас тратила последние силы, лихорадочно ударяя фиолетовыми крылышками. Единственный путь на свободу был заблокирован, и шансов...

...стоп. Бурундуки летать не умеют. Они явно забирались сюда не через окно.

– Туман, держи Сая и цепляйся за доски... – процедила Инга сквозь зубы. Дварг что-то пискнул, но у летуньи не было времени слушать. Сведя лапы вместе, она дождалась пока серый мышонок крепче схватит белого, подбросила обоих к грубой потолочной балке и, продолжая движение, совершила переворот через голову, камнем упав прямо на ласку, схватившую диспетчеров аистодрома. Та явно не ожидала, что хрупкая летучая мышь осмелится напасть, и на краткое мгновение замешкалась.

Мгновения хватило. Рухнув на хищницу всей массой тела, помноженной на скорость пикирования, Инга сбила ее с ног и жестоким укусом вырвала из загривка кусок мяса. Брызнула кровь, ласка дико завизжала, еще громче взвизгнула ее сестра, сидевшая у окна. Летучая мышь, в падении, ударом обеих лап отшвырнула раненную хищницу.

– Бегите! – крикнула Инга ошарашенным бурундукам. – Бегите!!!

Старший, наконец, опомнился и, сграбастав брата за шкуру, метнулся к дальней стене. Летунья мощным прыжком взвилась в воздух, едва увернувшись от второй разъяренной ласки.

Двумя взмахами оказалась у потолка, схватила отчаянно цеплявшихся за балку мышат и спиной вперед, пологой дугой нырнула вслед бурундукам, одновременно делая переворот через крыло. Взбешенная ласка внизу мчалась вдогонку, быстро сокращая дистанцию, но у бурундуков была слишком большая фора и они успели первыми. Черноносый ударом ноги откинул дощечку в стене, зашвырнул в щель брата и юркнул сам, не забыв, однако, придержать лаз открытым для Инги. Та, не снижая скорости, спикировала к проходу, в последний миг сложила крылья и залетела в дыру. Покатилась по полу, потеряв мышат. Бурундуки задвинули дощечку под самым носом у визжащей от гнева ласки.

– Долго их это не удержит, за мной! – крикнул черноносый бурундук. Его брат помог встать Туману, тот сразу поднял Сая на руки.

У Инги кружилась голова от изнеможения и переизбытка адреналина. Но диспетчер был прав, ласка за стеной уже рвала когтями дощечку, а когда подоспеет ворон... Напрягая последние силы, летунья встала и подбежала к мышатам.

– Целы?

Туман кивнул, Сай всхлипывал и цеплялся за его шерстку. Инга лихорадочно огляделась. Беглецы находились в нежилой части чердака, у самого основания крыши. Здесь тянулись пыльные провода и одинокая пластмассовая труба сантехники. Вдоль нее-то как раз и бежали испуганные бурундуки. Инга и мышата поспешили следом.

К тому мигу, когда они увидели дыру в полу, куда уходила труба, позади раздался грохот и дощечка с треском разлетелась на части. В проломе сверкнул блестяще-черный клюв ворона. Инга не стала ждать появления юркой ласки: следом за бурундуками, она обхватила трубу крыльями и ухнула вниз, словно пожарный по шесту. Путь вел в подсобку, где стоял бойлер, а под потолком светила...

– Форточка! – воскликнул Туман. Инга встрепенулась, но черноносый бурундук схватил ее за крыло и замотал головой:

– Ворон сразу поймает, если взлетишь! Скорее за нами, в убежище!

– Убежище? – на бегу переспросила удивленная летучая мышь.

– Конечно, – отозвался диспетчер. – Вокруг же люди...

Инга промолчала. Следом за бурундуками, она пролезла в нору, скрытую за кафельной плиткой, спустилась на несколько метров по спиральному ходу и оказалась в тускло освещенной подземной камере. Люк, что в нее вел, на вид сдержал бы не только ворона, но и медведя.

– Уф... – только здесь, в безопасности, перепуганный красноносый, наконец, опомнился. Его брат торопливо задвинул тяжелый засов и подбежал к летучей мышке.

– Кто это был?! Что им нужно?! О чем вы говорили?!

От перенесенных приключений у Инги подкосились лапки и она молча уселась на земляной пол, бессильно уронив крылья. Рядом с дрожью опустился Туман, прижимавший к груди всхлипывавшего Сая.

– Я никогда их не видела, – с трудом выдавила летунья. – Но ворон говорил по-немецки. Он знал, кто я и откуда.

– Тебя преследуют? – тихо спросил Туман. Инга зажмурилась.

– Не верю. Не может быть. Каким чудом он предвидел, что мы окажемся в Жаксы именно этим утром? И что я вообще полечу в Жаксы?! Как мог он за нами следить?!

Туман вздрогнул:

– А как ты нашла Сая?

Летучая мышь застыла. Медленно опустила голову, перевела дух. Ее огромные уши поникли.

– Да... – прошептала она. – Конечно, ты прав, малыш. Другого объяснения быть не может. Он либо сам эспер, либо следует указаниям.

Туман с дрожью обратил взгляд на заплаканного белого мышонка, цеплявшегося за его шерсть.

– Гюрза говорила, многие ищут этого ребенка, – с трудом выдавил дварг. Черноносый бурундук с тревогой почесал за ухом:

– Может, наконец расскажете, что происходит?!

Инга в двух словах поведала о телепатической силе Сая и ее миссии. Диспетчер слушал с открытым ртом. Когда летучая мышь умолкла, он целую минуту глядел на белого мышонка, нервно подергивая коротеньким хвостиком.

– Ладно... – пробормотал он наконец. – Ладно... Придется вас как-то отправить в Европу...

Красноносый тревожно пискнул, но его брат вскинул лапку.

– Так уж и быть, поможем, – буркнул с неохотой. – Я Хагархай⁴ Бурхан⁵, это мой брат Хёнди⁶, мы из Монголии. Дадим вам аиста, и найдем погонщика, – сказал он мрачно. – Только что делать с вороном?

Инга радостно встрепенулась:

– Аиста в полете он никогда не догонит!

– До аиста еще надо добраться, – Хагархай с досадой почесал за ухом. – И как быть с мышонком? Если враги способны отслеживать его... дар?

– Самара⁷! – красноносому, наконец, удалось вставить словечко.

– Что-что? – удивленно переспросила Инга. Старший бурундук вздохнул.

– Тут неподалеку живет одна мышь. Гонщица и пилот-виртуоз, а еще...

– Она волшебница! – горячо перебил красноносый. Его брат улыбнулся.

– Ну-у... Коли речь о технике, то да, волшебница, – он развел лапками. – Самара что-нибудь придумает. Поможет скрыть телепатию мышонка, а если получится уговорить, то и сама отвезет вас в Европу на скоростной птице.

– Она получила из Африки яйцо шпорцевого гуся и приручила птенца! – азартно добавил красноносый. – Это самый быстрый в мире пернатый! Полторы сотни километров в час!

– ...не считая сапанов и беркутов, а так да, один из наиболее скоростных летунов, – согласился Хагархай.

Инга перевела дух и, с трудом, поднялась на ноги.

– Отсюда есть другой выход? – она оглядела темную подземную камеру. Бурундук усмехнулся.

⁴ Хагархай (монгольск.) – Щепка, обломок.

⁵ Бурхан (монгольск.) – Бурундук.

⁶ Хёнди (монгольск.) – Долина, дол.

⁷ Самара (монгольск.) – Деталь для скрепления чего-либо путём навинчивания, обычно многогранная металлическая плашка со сквозным отверстием и винтовой нарезкой в нём.

– Убежище с единственной дверью-ловушка, а не убежище... – поманив летучую мышь лапкой, он направился к дальней стене. Следом, крепко обнимая белого мышонка, поспешил и Туман.

Глава 3

Первые несколько часов плавания, самые опасные, сарки провели в анатомических креслах, пристегнутые ремнями. Верховья бурной реки Ок-Теди представляли собой невероятно сложный маршрут, одолеть который могли лишь специально спроектированные мини-подлодки класса ГУ-К. Аппарат бросало из стороны в сторону, периодически с глухим выдохом «уффф» срабатывали импульсные двигатели, вдавливая всех в кресла. К счастью, темно-коричневый Драам был опытным рулевым, и наиболее опасная часть экспедиции прошла без аварий.

К полудню «Афалина» достигла равнин, где река более-менее успокаивалась. Болтанка прекратилась, скорость удалось нарастить. В мини-подлодке не было индивидуальных кают, лишь тесный салон, где все сейчас и находились.

Капитан Текс вместе с Драамом управляли кораблем, могучие братья Ка и Мов дремали на заднем ряду. Яхак, картограф Эпайн и робкий связист Минос отдыхали после тряски.

– Сколько еще до океана? – спросил офицер. Эпайн недовольно сморщил мордочку:

– До моря, мо-о-оря. Сначала мы выйдем в Коралловое море, и лишь затем в океан.

– Хорошо, сколько еще до моря? – спокойно повторил Яхак.

Текс ответил через плечо:

– Около восьмидесяти километров. Часа три-четыре, если не встретим препятствий.

Яхак вздохнул.

– Может, тогда чем-нибудь займемся? – предложил он товарищам. – Обсудим задание, к примеру. Мы вам не помешаем? – спросил он у рулевого в первом ряду.

– Да нет конечно, река спокойная, – отозвался Драам, не повернув головы. Яхак кивнул.

– Минос, – офицер обернулся к связисту. – Вы, наверное, можете лучше всех проанализировать перехваченную радиограмму. Что думаете?

– Я? – растерялся пятнистый серо-бело-черный и робко прижал уши. – А-а... Я... Н-н – не знаю.

– Начните с технической части, – подбодрил Яхак. – К примеру; что за оборудование там использовали?

Минос слегка оживился.

– Н-н-нуу... П-п-по спектру... Я мог б-б-бы сказать, об-б-борудование у них б-б-было т-т-так себе.

– А подробнее? – улыбнулся Яхак. Связист бросил на него смущенный взгляд.

– Я... з-з-заика.

– Не вижу проблемы, – офицер подмигнул. Минос поджал хвостик и робко сдвинул его в ладонях.

– Т-т-там... Шумы. Х-х-характерные. К-к-контурные п-п-питания вносят искажения, их легко в-в-выявить. Я б-б-бы сказал, од-д-дна с-с-сторона использовала п-п-плохо экранированный г-г-генератор, а в-в-вторая, напротив, б-б-батарею.

– Кто именно?

– В-в-вызывавший первым, т-т-тот что звал себ-б-бя «Элджи», у него б-б-был ак-к-кумулятор.

Яхак обернулся в кресле:

– Капитан, можете вновь проиграть запись? Для всех нас.

Текстар воткнул провод диктофона в приборную панель и нажал кнопку громкой связи. Команда в молчании прослушала радиограмму.

– Попробуем разобрать логически... – протянул Яхак, когда запись окончилась. – О чем можно узнать из данной беседы? Первое: «Элджи» начальник экспедиции. То есть, обе стороны сейчас не дома, а в походе, и командир выполнял некое опасное задание вдали от «базы», где находилась Серенада, или «Орби», как она себя называла. Сторона «Орби» использовала генератор, то есть связь наверняка шла с упомянутой базы, – офицер улыбнулся робкому Миносу. – «Элджи», напротив, использовал батарею

и «собрал временную антенну», то есть он находился далеко вне зоны обычной радиосвязи... – Яхак задумчиво провел лапкой по усам. – Эпайн, вы эксперт. Что скажете?

Толстенький белый картограф важно встопорщил хвост.

– Нам удалось весьма точно определить координаты, откуда вела связь Серенада. Только это уже ничем не поможет, да-да, ничем-ничем. «Элджи», как вы слышали, отдал приказ срочно перенести «базу».

Яхак улыбнулся.

– Мы сами вызовем их по радио, когда окажемся вблизи, так что особая точность не требуется. Но есть куда более интересный вопрос... – он подался вперед. – Доктор, основываясь на данных о местоположении «Орби» и возможном расстоянии от нее до «Элджи», как вы полагаете, где может находиться ближайший институт Ломоносова?

Картограф опешил и даже легонько прижал уши. Пару секунд лихорадочно размышлял.

– Эм... Боюсь, коммодор, я не в курсе человеческой инфраструктуры... – выдавил он с большой неохотой. Яхак улыбнулся.

– Об этом не беспокойтесь. Во всем, что касается людей, эксперт тут я. Просто покажите на карте наиболее вероятные области, откуда «Элджи» мог вести передачу.

Кивнув, Эпайн встал из кресла и прошел к задней части салона, где лежали ящики с грузом. Яхак тем временем обратил глаза к Миносу:

– «Элджи», как мне сказали, использовал метеорную связь, то есть мог находиться где угодно, однако передачу Серенады мы перехватили напрямую?

Радист кивнул. Офицер подался вперед:

– Можете прикинуть, исходя из мощности передатчика «Орби», на каком максимальном расстоянии его сигнал еще сумел бы дойти до «Элджи»?

– К-к – конечно, – Минос оживился. – Н-н – наша станция п-п – перехватила сигнал в пяти тысячах к-к – километров от источника, з-з – значит «Элджи» т-т – точно б-б – ыл к ним намного б-б – ближе.

– Итак, две-три тысячи человеческих километров... – Эпайн уже принес карту и расстелил ее на полу между сидениями. Все трое уселись на мягкий ворсистый ковер, склонившись над тонким листом пластика.

– «Орби» находится здесь, – географ ткнул в точку, где сильно выступавший с юга на север мыс встречал такую же выемку в побережье. Яхак огладил усы:

– Персидский залив...

– Видите три небольших острова? Хвост даю, она на одном из них, – уверенно заявил Эпайн. Офицер склонился над картой ближе:

– Кешм, Ларэк и Ормуз, – пробормотал он. – Понятно... – Яхак выпрямился. – Теперь мы знаем, что они прибыли морем, а значит, передвигаются на подлодке.

Эпайн с сомнением склонил голову набок.

– Не слишком ли смелые выводы?

– У вас есть другие идеи, доктор? – улыбнулся Яхак. – Наш род не может пользоваться надводными кораблями или наземным транспортом, не в этом мире. Авиация? Тем более, сами слышали, как «Элджи» сбilo человежье ПВО. Спутники-шпионы отметають все прочие варианты. Либо под водой, либо, хе-хе, верхом на птицах.

– Но субмарина... – капитан Текс полуобернулся в кресле и с сомнением посмотрел на товарищей. – Это не так просто, коммодор. Подводный флот требует высокоразвитой промышленности, затерянная маленькая колония просто не осилит такую задачу.

Офицер кивнул.

– Разумеется. Но вы ведь помните обстоятельства исчезновения Серенады?

Все вздрогнули, Эпайн даже отпрянул. Изумленно наострив уши, он спросил в глубоком удивлении:

– Вы... Намеряете, что речь идет о той самой подлодке?! Корабле третьей экспедиции Аретиса?!

– ...который мои родители захватили полвека назад и направили в мир людей, – кивнул Яхак. – Раз Серенада жива, логично предположить, что уцелел и корабль.

Сарки переглянулись, рулевой Драам ожесточенно почесал за ухом, Минос нервно теребил лапками собственный хвост.

– Это... В-в-возможно, – выдавил он робко. – Шумы г-г-генератора... К-к-как раз такие...

– В смысле? – Яхак наострил уши.

– Люди п-п-пользуются частотами по п-п-питанию в п-п-пятьдесят или шестьдесят г-г-герц, а наши с-с-старые к-к-орабли п-п-применяли сто д-д-десять... – Минос бросил на друзей испуганный взгляд. – Т-т-точно как в радиог-г-грамме. Наши секунды д-д-другие, ч-ч-человеческую технику легко от-т-гличить. И там б-б-была наша, не ч-ч-человечья.

– А у «Элджи»?! – возбужденно спросил капитан Текс. Связист развел лапками.

– «Элджи» исп-п-пользовал п-п-постоянный ток. Т-т-там не понять.

– Но ведь сигнал модулирован, верно? – быстро спросил Яхак. – Параметры его передатчика были кратны нашим секундам или человеческим?

Минос сжался.

– Я... Д-д-должен п-п-подсчитать.

– Займитесь этим, пожалуйста, – офицер вновь посмотрел на карту. – Итак, институт Ломоносова... Бывший СССР... – он провел лапкой по контурам. – Где-то там, тридцать циклов скитался одинокий, полубезумный герой Вирату, прежде чем нашел путь домой и впервые поведал саркам о людях... – Яхак задумчиво опустил голову. – Насколько мне помнится, институты имени Ломоносова есть в Москве, Петербурге, Киеве, Ереване и в Ташкенте. В зону наших интересов попадают Ташкент и Ереван. От позиции «Орби» до них примерно тысячу девятьсот и тысячу пятьсот километров соответственно.

– «Элджи» упомянул, что нашел большую цивилизацию «зверян» и люди начали их истреблять, – мрачно вставил капитан Текстар из своего кресла. Яхак медленно кивнул:

– Я помню. Это сужает зону поисков. В маленькой густонаселенной стране, такой как Армения, маловероятно существование крупной колонии. Скорее всего, «Элджи» находится в Узбекистане и пытался добраться до института Ломоносова в Ташкенте... – офицер помолчал, размышляя над новыми данными. – Это значит, в его распоряжении имелись как минимум два летательных аппарата с радиусом действия в пару тысяч километров.

Рулевой Драам присвистнул.

– Без фосфорного реактора не обойтись.

– Но во времена третьей Экспедиции, сарки их еще не изобрели, – возразил Яхак. – Подлодка, захваченная Серенадой, была дизель-электрической. Первым в мире кораблем с таким реактором...

– ...стала «Титановая гордость» под командованием моего деда! – с важным видом вставил Эпайн. Яхак кивнул:

– Совершенно верно, доктор. Вот только построить фосфорный реактор в кустарных условиях абсолютно невозможно. Если у Серенады их не было на момент захвата корабля-нет и сейчас.

– Т-т-точно нет, – робко сказал Минос, подняв глаза от блокнота с расчетами. – Б-б-был бы, зачем питать радио от г-г-генератора?

– О! – Яхак встрепенулся. – Метко подмечено! Выходит, «Элджи» использует неизвестные ни саркам, ни людям технологии, ведь построить дрон подходящего нам размера и с такой автономностью человечество пока не может.

– К-к-кстати... – Минос несмело поднял лапку. – Я п-п-проверил м-м-модуляцию, передатчик «Элджи» б-б-был человеческим.

– Так я и думал... – пробормотал Яхак.

Рулевой Драам, впервые ненадолго отвлекшись от управления, бросил взгляд на беседовавших товарищей:

– А что, если радиogramму перехватили не только мы? – спросил он вполголоса. – Что, если люди тоже отправят отряд на поиски «Элджи» и «Орби»?

Офицер ответил не сразу.

– Это возможно, но вероятность я бы оценил как низкую, – сказал он после паузы. – Радиоэфир забит тысячами посланий. Единственное, чем наше могло привлечь внимание-незнакомый язык. При этом, я практически уверен, человек-радиист посчитал бы, что слышит какой-то из людских языков.

– Ясно... – капитан Текстар обернулся в кресле. – Друзья, советую всем последовать примеру наших храбрых десантников и поспать. Выйдя в море, мы доведем скорость до крейсерской в шестьдесят узлов, отдыхать станет... непросто, – он улыбнулся.

Сарки последовали совету и вернулись в кресла. Яхак, как обычно, усилием воли приказал себе уснуть и, почти моментально, погрузился в спокойную, лишенную снов, уютную мглу.

***

Оставшаяся часть плавания прошла без приключений, и к вечеру следующего дня «Афалина» на среднем ходу вошла в Персидский залив. Драам вел замаскированный под дельфина корабль на глубине пятидесяти метров, каждые 15–20 минут поднимая его к поверхности для «дыхания», чтобы любой человеческий наблюдатель не заподозрил неладного. Сарки были довольно измотаны многочасовым

походом на высокой скорости, но спать никто не мог, близость цели будоражила всем кровь.

Солнце уже почти коснулось горизонта, когда на круглом экране ультразвукового эхолотатора появилась линия побережья крохотного, скалистого и почти необитаемого островка Ларэк. Эпайн вместе с Драамом выбрали наиболее удаленную от человеческих поселений точку на берегу, и в полукilометре от нее подлодка легла в дрейф на глубине четырех метров. Десантники Ка и Мов, надев скафандры, вышли в океан через шлюз.

Пользуясь подводным скутером-буксировщиком, они оттащили на пляж ретранслятор с ежиком телескопических антенн. Между ним и лодкой протянулся тонкий кабель длиной в несколько километров. Едва солдаты вернулись на борт, капитан отвел «Афалину» в открытое море и погрузил на безопасную глубину. Теперь, даже в случае перехвата радиотрансляции людьми, обнаружить лодку враги бы не смогли.

– Ну-с, кто будет вызывать? – спросил Текс. Яхак невольно сглотнул.

– Не я, – ответил твердо. Эпайн передернул хвостом:

– Текстар, вы капитан. Привилегия должна быть вашей.

Седой сарк невесело усмехнулся.

– Что ж... – он глубоко вдохнул, обменялся взглядами с товарищами по команде и снял с приборной панели микрофон на витом шнуре. Радист Минос торопливо настроил частоту.

– Подводная лодка «Афалина» вызывает «Гнездо», повторяю, подводная лодка «Афалина» вызывает «Гнездо», – твердым голосом произнес капитан. Щелкнул курком микрофона, подождал несколько секунд. – Подводная лодка «Афалина» вызывает «Гнездо»...

Вызов пришлось повторять несколько минут, но наконец, тихое потрескивание в динамиках с щелчком сменилось тишиной.

– Вызов принят, кто говорит? – с тревогой спросил незнакомый мужской голос. У всех невольно вырвался вздох облегчения.

– К вам обращается капитан Текстар 5 из Тор'ранга, мы представители подводного флота центральной колонии сарков, – произнес Текс.

– Что?! – голос в рации поперхнулся.

– Не волнуйтесь. Несколько дней назад мы перехватили вашу радиотрансляцию и срочно отправили корабль для установления контакта.

– Вы... вы... Нашли нас?! Нашли?! – голос подавился. – Я... Я сейчас... Капитан! Капитан!!! Марран!!! Скорее сюда!!!

– Марран? – пролепетал Эпайн, мгновенно ставший бледнее обычного. Яхак метнул на него быстрый взгляд:

– Доктор? В чем дело?

– Не может быть... – потрясенный картограф попятился и бессильно рухнул в кресло. Закрыв глаза лапками. – Не верю... – прошептал едва слышно.

– Вы знали кого-то из Третьей экспедиции? – удивленно спросил Яхак. Эпайн сглотнул.

– Я... – он поперхнулся. – Я... Сын ее капитана.

– Что?!

– Тем кораблем командовал Марран, сын Мистара, – географ зажмурился, провел лапкой по глазам. – Мой отец...

Из радиии, тем временем, донеслись возбужденные голоса:

– Прием! Прием! Вы еще здесь?! Ответьте!

– Мы здесь и никуда не исчезнем, успокойтесь, пожалуйста, – с грустной улыбкой сказал Текстар. Ответил ему новый голос-низкий и хрипловатый, явно принадлежавший пожилому сарку:

– Говорит Марран, капитан Третьей космической экспедиции мегаполиса Аретис. Подтвердите прием.

– Прием подтверждаю, – отозвался Текс. – Я тоже из Аретиса, капитан. Очень рады вас слышать.

В радиии послышался сдавленный кашель. Пока старый Марран приходил в себя, его сменил молодой и до боли знакомый Яхаку женский голосок. Офицер ощутил, как буквально каждая шерстинка на его теле встает дыбом.

– Говорит старшая помощница капитана, Орби! Где вы?! Как с вами встретиться?!

Яхак прижал лапы ко рту, чтобы не закричать. Товарищи по команде смотрели на него с сочувствием. Текстар, между тем, вновь поднял микрофон:

– У вас есть корабль? – спросил он.

– Да-да, конечно, большая субмарина «Вирату», на ней семнадцать циклов назад в океан отправилась экспедиция из Аретиса! Элджи... Мой друг ее модифицировал, придав неограниченную автономность!

Сарки переглянулись.

– Семнадцать циклов? – пробормотал бледный Эпайн. Якак торопливо шагнул вперед:

– Они не знают, что для нас миновало свыше полувека, – сказал тихо. – Не говорите пока об этом!

Текстар кивнул и включил микрофон:

– Хорошо ли ваша лодка защищена от человеческих спутников? Быть может, нам лучше самим прибыть к месту ее дислокации? Наш корабль прекрасно замаскирован.

На том конце линии связи возникло небольшое замешательство.

– Как вам будет удобнее, друзья, – отозвался после паузы хриплый голос капитана Маррана. – Вот координаты бухты, где спрятана субмарина... – он продиктовал. Эпайн поспешно схватил карту и отметил нужное место жирной точкой.

– Лишь пара километров отсюда!

– Мы скоро будем, – торжественно сказал Текстар. – Сохраняйте радиомолчание, люди не должны запеленговать позицию кораблей.

– Наша радиостанция спрятана на другом острове! – торопливо отозвалась Орби. – Люди ничего не найдут!

– Прекрасно. До встречи! – он отключил радио и обернулся: – Малый ход, идем забирать передатчик. Мов, Ка, скорее в шлюз!

Десантники бегом покинули салон. Когда они вернулись, доставив на борт ретранслятор с пляжа, Драам поднял скорость до тридцати узлов, и «Афалина» устремилась на долгожданную встречу с давно потерянными товарищами.

Глава 4

– Осторожно, – шепнул Хагархай, жестом дав знак не двигаться. Все замерли. Бурундук первым подкрался к спрятанному в траве выходу из подземного лаза. Долго принохивался, наконец осмелился выглянуть. Пару минут изучал обстановку.

– Врагов не видать, – тихо сказал Хагархай. – Слушайте. Слева от нас живая изгородь. Перебегаем по одному, прикрываем друг друга. Я первый... – он глубоко вздохнул и нырнул в густую траву. Следом, нервно пыхтя, устремился его красноносый брат.

Инга немного помедлила. Обратила взгляд к Туману. Серый мышонок легонько дрожал, на его спине сидел Сай, судорожно цепляясь за шерсть всеми лапками. Летучая мышь горько зажмурилась.

– Теперь вы, – сказала ласково. – Не бойтесь, я рядом.

Туман сглотнул и, не колеблясь, нырнул в траву. Инга, подождав еще секунд тридцать, последовала его примеру.

В тени кустов все собрались вновь, вОрона и ласок видно не было. Следом за бурундуками, Инга и мышата прокрались вдоль нескольких живых изгородей между участками, перебежали небольшое открытое пространство и нырнули в канаву, тянувшуюся вдоль дороги. Здесь было влажно и воняло нечистотами.

– Самара живет на заброшенной бензоколонке, в километре отсюда, – тихо сказал Хагархай. – Ингрид, ни в коем случае не летай-все местные знают, что полеты днем строго запрещены, ворон с огромного расстояния поймет, кто перед ним... А пешком ты самая медленная, так что иди первой, – он махнул лапкой вдоль канавы. Вздохнув, уставшая летучая мышь пожала крыльями:

– Ладно...

Беглецы молча двинулись в путь. Опасность чувствовал даже маленький Сай-он тихо сидел на спине Тумана, не капризничал и тревожно озирался. Сам Туман, как и Инга, едва переставлял лапы от усталости, но упрямо шагал вперед. Последними шли бурундуки, шепотом о чем-то беседуя.

К тому времени, как впереди показался наполовину обрушенный бетонный навес и ржавые насосы советского образца, летучая мышь уже качалась от изнеможения.

Территория заброшенной бензоколонки сплошь заросла травой и сорняками; асфальт, некогда устилавший все вокруг, растрескался большими неровными плитами. Везде кипела жизнь-летали насекомые, шуршали крупные жуки и ящерицы. Несмотря на позднюю осень, пахло зеленым и цветами.

Беглецы затаились в проржавевшей насквозь железной бочке, валявшейся у опоры навеса. Искать таинственную мышку-пилота побежал красноносый Хёнди.

– Он влюблен, – весело шепнул Инге Хагархай. – Но Самаре я нравлюсь больше!

Летунья вздохнула.

– Где бы еще найти время на такие забавы...

Бурундук метнул на летучую мышку внимательный взгляд.

– Ты одинока?

– Наш вид не образует семейные ячейки, – сухо отозвалась Инга. – Самцы и самки встречаются лишь раз в год, в сезон размножения.

Хагархай озадаченно почесал за ухом.

– Я думал, на разумных такие штуки не распространяются...

– Ты удивишься, сколь многое мы сохранили от животных форм, – невесело буркнула летунья. Туман, сидевший у ее ног, сильно вздрогнул.

– Эрих говорил так же... – сказал совсем тихо. Инга, вздохнув, потрепала мышку крылом.

– Мир к нам жесток, но жизнь, любая жизнь, бесконечно лучше забвения, – сказала она ласково. – А разум, величайший дар, наделяет талантом ценить и наслаждаться каждым мигом, ведь жизнь хрупка и скоротечна. Не думай с грустью об ушедших от нас, малыш. Вместо этого, вспоминай добро, что они творили, наследие, что они оставили... – летунья нежно подняла Туману мордочку и посмотрела ему в глаза.

Мышонок всхлипнул.

– Мне больно, – выдавил он сквозь слезы. – Я... Он был... Мне словно выдрали кусочек сердца. Не могу осознать... – Туман сжался. – Не помещается... В голове...

Инга молча притянула детей к груди и закутала крылом.

– Я знаю, – сказала глухо, глядя в пустоту. – Это приходит не сразу.

Хагархай приблизился и сел на корточки, очень серьезно глядя на летучую мышку.

– Кого ты потеряла? – спросил вполголоса.

Инга отозвалась не сразу.

– Меня подкинули к дверям института Генезиса, когда я была едва родившимся детенышем, – сказала она после паузы. – Много лет спустя, учитель рассказал, что камеры наблюдения в тот день зафиксировали окровавленного, полуживого самца моего вида, что оставил сверток с младенцем и торопливо ушел, волоча сломанное крыло.

– Ох... вырвалось у Тумана. Инга вздохнула.

– В институте жило несколько летучих мышей, в основном работавших погонщиками альбатросов-у нас это очень хорошо получается, ибо мы умеем летать и чувствуем каждое движение птицы. Одна недавно родила двух малышей, моих названных братьев Кагата и Арри. Мать приняла найденыша и выкормила вместе с родными детьми... – Инга опустила голову. – Я хотела стать погонщицей, как братья, но уже в раннем детстве обнаружила в себе способности эспера, а это слишком редкий дар, что б им разбрасываться. Так что меня забрали из приемной семьи и отправили на обучение в элитную группу выдающихся зверян.

Она помолчала.

– Я так и не узнала, кем были мои настоящие родители и что с ними случилось.

– Ты очень смелая, – заметил бурундук. – Атаковать ласку решились бы немногие... Спасибо, что спасла нас с братом, – добавил он негромко.

Летучая мышь горько улыбнулась.

– Эти ужасные земли и так полны горя, насилия и смерти... С тех пор, как попала сюда из Европы, мне все кажется, словно я оказалась в другом времени-далеком прошлом или, наоборот, жутком пост-апокалипсисе.

– Да! – воскликнул Туман. Хагархай пожал плечами.

– Обычно тут все не так уж и плохо. Природа замечательная, людей мало, еды вдосталь. Вам просто сильно не повезло попасть в наши края, когда люди вдруг вспомнили о зверянах... – он стиснул зубы. – В Дегелене, наверно, погибли тысячи. За что нас так ненавидят, за что? Кому мы мешаем?

Летунья хотела ответить, но послышался шорох и в ржавую бочку запрыгнул Хёнди, а следом за ним... Инга широко раскрыла глаза, у Тумана отвисла челюсть. Даже маленький Сай удивленно пискнул.

Самара оказалась молодой белой мышью среднего роста, стройной и атлетичной, в облегающем сиреневом комбинезоне с кучей инструментов на поясе. Ее

мордочка отличалась нежными, женственными чертами, в огромных голубых глазах плясали искорки любознательности. На голове она носила массивные защитные очки с круглыми линзами и кожаными манжетами, сейчас сдвинутые на затылок, прямо за изящные розовые ушки. Но самой удивительной и необъяснимой была пышная, перламутрово-сверкающая грива золотых волос, спускавшаяся до середины спины.

Пока растерянная Инга гадала, к какому виду грызунов могла бы относиться Самара, белая мышь подошла ближе и с большим любопытством осмотрела Сая.

– Тот самый телепат? – спросила с азартом, приятным мягким голосом, отлично гармонировавшим с ее фантастической внешностью.

– Д-да... – летучая мышь, наконец, пришла в себя и вежливо поклонилась. – Мое имя Ингрид, а это мои спутники, отважный Туман и маленький Сай.

– Ох-хо-хонюшки, а я-то, даже представиться забыла! – мышь смущенно улыбнулась. – Будем знакомы! Я Самара, механик и пилот. Рада встрече! – она присела на корточки перед Саем и принялась с большим интересом его разглядывать. – Говорите, его чувствуют издали?! А как именно? На что это похоже?! Какую природу имеет телепатия?!

Инга с сомнением склонила голову набок.

– Электрическую?

– Чушь! – решительно возразила Самара. – Ерунда!

Туман озадаченно моргнул:

– Почему ерунда?

– Мне сказали, вас за ним аж из Европы отправили? У него в голове, что, киловаттный передатчик?! Не-е – ет, друзья, не все так просто... – мышь выпрямилась и задумчиво скрестила на груди лапки. – Что б на таком расстоянии обмениваться информацией-а телепатия суть обмен информацией! – и при этом не тратить гигантскую энергию, есть лишь один вариант: внедрение!

Растерянная Инга подалась назад:

– Что?!

Самара азартно кивнула.

– Смотри. Если ты хочешь передать кому-то весточку, ты можешь построить гусеничный вездеход и целый месяц с ревом мотора ехать по дорогам, держа письмо зубами! Весело?! То-то! А можешь положить письмо в кораблик и пустить по течению

реки! Энергию даст река, ты просто внедряешь письмо в ее поток, отныне информация-часть течения! Понимаете, да? Понимаете?!

– Не понимаем, – грустно ответил Туман. Самара развела лапками:

– Ну-у... Это же просто... Как несущая частота в радио, но передатчик словно есть сам по себе повсюду, а мы лишь модулируем его сигнал нашей информацией...

– Я поняла, – сказала Инга. – Вполне возможно, да.

Самара просияла:

– Отлично! Значит, все что требуется, дабы скрыть малыша от врагов-изолировать его мозг от инертного энергетического поля, которым пользуются телепаты! – она задумалась, помахивая тонким хвостиком. Летучая мышь подалась вперед:

– Одна моя знакомая... Птица... – ее передернуло при воспоминании о распятом орле в подземной камере – ...сказала, что не могла ни с кем связаться из закрытой комнаты, пока туда не попала вода, образовав электрическую цепь с... – Инга запнулась, – ...с ее телом.

Самара даже подпрыгнула.

– Бинго! – воскликнула весело. – Все ясно! За мной, – она юркнула наружу из пролома в бочке. Все поспешили следом.

***

Белая мышь провела гостей сквозь трещину в стене бывшей диспетчерской будки, по длинному коридору из гофрированного шланга и вверх по винтовой лестнице. Путь завершился в светлом, просторном доме из белых камушков, с крышей, креативно устланной осколками разноцветного стекла так, чтобы снаружи жилище казалось хаотичной грудой мусора. Полы покрывали густые ковры, своего цвета в каждой комнате, повсюду царили образцовый порядок и чистота. Восхищенные зверяне озирались, не веря глазам.

– Потрясающе! – не удержалась Инга при виде изящной скульптуры из дымчатого фиолетового стекла. Грациозный, атлетичный дракон, сверкая тысячами граней, будто вырезанный из цельного бриллианта, застыл на постаменте, как бы посреди движения. Он готовился взлететь, тянулся ввысь всем телом, полурасправив крылья и уже оторвав от постамента передние лапы. Самара оглянулась:

– Нравится? – спросила смущенно. – Мне ее подарил поклонник! – она весело рассмеялась. – А вот это я привезла из Тибета! – мышь подбежала к полке, где под хрустальным полушарием на бархатной подушечке лежал старый, частично разбитый, склеенный из осколков барельеф.

Все подошли ближе. Материал артефакта-на сколах-напоминал спёкшийся черный песок, но верхняя плоскость была гладкой и, несмотря на сотни царапин, по-прежнему матово блестящей. Размером с коробку человеческих спичек, барельеф изображал странную сцену: утес, возвышавшийся над морем, усыпанное крупными звездами небо, а в центре, на утесе-двух высоких зверян разных видов. Один, стоявший на полшага впереди, выглядел помесью антропоморфного кенгуру с динозавром; второй был таким же крупным и прямоходящим псом, формой морды напоминавшим австралийских собак динго.

Однако вовсе не видовая принадлежность зверян заставила Ингу судорожно сглотнуть, а Тумана широко раскрыть глаза и попятиться. Обе фигуры на барельефе носили массивные космические скафандры. «Кенгуру» откинул шлем назад на петлях, стоял одной ногой на камне, слегка подавшись вперед и скрестив на груди лапы. «Динго» держал шлем подмышкой.

Вторую лапу он уложил товарищу на плечо в трогательном жесте, словно разом и удерживал от опасного шага, и был готов поддержать. Автор барельефа, неизвестно как, сумел всего лишь позами передать и характеры-импульсивный, рискованный у одного, спокойный и рассудительный у другого-и глубокую, чистую дружбу, что сплотила этих двоих.

– Удивительно, правда? – спросила Самара. – Я нашла осколок, когда путешествовала в горах Тибета. Он лежал в норе у шамана местного племени и служил обеденным столом, нет вы прикиньте! – она возмущенно фыркнула. – Я собрала ему стол из нержавеющей стали взамен на это чудо. Изумительная работа, согласны?!

– Согласны... – прошептала изумленная Ингрид. – Но... Что это? Часть какой-то человеческой игрушки? Амулет? Фрагмент инсталляции неизвестного скульптора?

Белая мышка со вздохом развела лапками.

– Если б я знала...

Все помолчали, разглядывая изумительный барельеф. Наконец, опомнившись, Самара поманила гостей к дверям и прошла в высокую округлую комнату, переполненную техникой и приборами.

– Добро пожаловать в Лабораторию, – сказала она торжественно. – Садитесь где-нибудь и не мешайте.

Тут же забыв об Инге, бурундуках и мышатах, Самара надвинула очки на глаза и принялась за работу. Бегая по всей комнате, она открывала бесчисленные ящики, коробки и сундуки, то и дело ныряя в них по хвост. Постепенно на главном столе росла кучка проводов и радиодеталей. Отыскав, наконец, все что требовалось, белая мышь энергично взялась за сборку. Гости следили за ней с восхищением.

Маленький Сай подергал Тумана за хвост и указал пальчиком себе в рот-он был голоден. Пока дварг кормил малыша мошками, что еще ночью наловила Инга, летунья изучала лабораторию, а оба бурундука мечтательно пожирали глазами красавицу-Самару.

Прошло минут двадцать, прежде чем белая мышь, наконец, со вздохом шагнула назад от стола и подняла очки на лоб.

– Ингрид, ты тоже чувствуешь телепатию? – спросила не оборачиваясь, через плечо.

– Конечно.

– Прекрасно! На тебе и проверим... – Самара повернулась к друзьям. В лапках она держала маленький ажурный шлем из оголенных проводов, сплетенных на манер корзины. От висков отходили два изолированных кабеля, скрывавшихся в небольшой брезентовой сумочке. Еще один оголенный провод свисал из сумки вниз.

– Будет работать. По крайней мере, должно... – пробормотала изобретательница.
– Наденьте это малышу!

Туман бросил на Сая тревожный взгляд, но мышонок, как ни странно, с готовностью потянулся к прибору и даже улыбнулся, когда ему за ушками протянули два кабеля.

– Антенну спиралью на хвост, до самого кончика, вот так... – Самара помогла закрепить сумку на спине ребенка, будто рюкзак. – Сай, движения не стесняет?

Белый мышонок побегал кругами по лаборатории, вернулся и покачал головой.

– Удобно? – робко спросил Туман.

Кивок. Самара вздохнула.

– Ну, что ж, настало время теста... – она расстегнула сумку и повернула тумблер внутри. Инга громко вскрикнула:

– Выключи! Скорее!!!

Самара торопливо вернула тумблер обратно:

– Что случилось?!

– Я чуть не ослепла, аура Сая внезапно засияла как фотовспышка!

– Ох-хохонюшки... – белая мышь озадаченно нахмурилась. Постояла с минуту, размышляя и что-то считая по пальцам. – ...А! Ну конечно! – просяив, Самара выдернула из сумки два кабеля, что вели к проволочному шлему, и поменяла их местами. – Теперь должно работать!

Она щелкнула тумблером. Летучая мышь вздрогнула и удивленно подалась назад.

– С ума сойти... – прошептала, не веря. – Аура не совсем погасла, но еле заметна. Враги нас не выследят!

Самара довольно кивнула:

– Так-то! Я крута или еще круче?!

– Ты супер! – хором воскликнули бурундуки и с досадой уставились друг на друга. Белая мышь прыснула со смеху.

– Ладно, ладно... – она обратила взгляд к Инге. – Рада была помочь!

– Как тебе удалось?! – спросила пораженная летучая мышь. – О природе телепатии почти ничего не известно, в нашем институте целая кафедра занимается ее изучением. А ты разобралась за полчаса! Как?!

Самара смущенно переступила с лапки на лапку.

– Да все просто, на самом деле... Не обязательно знать, как именно работает телепатия, главное, что она имеет электромагнитную природу, то есть, по сути-сигнал. А любой сигнал можно измерить и создать ему противофазу, – она указала на шлем, почти невидимый в шерстке Сая. – Приемник ловит все, что излучает мозг мышонка и передает в чип активного шумоподавления от человеческих наушников-затычек. Там сигнал преобразуется в свою полную противоположность и излучается обратно антенной на хвосте. При наложении, сигналы самоуничтожаются.

– С ума сойти... – прошептала Инга. Белая мышь улыбнулась:

– Только не забывайте менять батарейки!

– Часто?! – тревожно спросил Туман. Самара рассмеялась:

– Нет, нет, пфрр! Потребление мизерное, одного элемента должно хватить на неделю, а то и больше... Да, и еще, – мышь посерьезнела. – Вода. Вода все погубит. В дождь, или если надо будет плыть, обязательно выключайте прибор.

Инга поклонилась с глубокой признательностью:

– Спасибо!

Хагархай шагнул вперед:

– Самара, милая, а ты не сможешь нашим новым друзьям вернуться в Европу?

Белая мышь озадаченно наострила ушки:

– Это как?

– Верхом на твоей супер-птице!

Самара вздохнула.

– У Вжика сезон размножения, он до января в Африке.

– Ох... – вырвалось у бурундука. Мышь развела лапками:

– Что поделать!

– Ясно... – пробормотал Хагархай. – Прости. Спасибо огромное! Мы тогда, наверно, пойдем, и так отняли у тебя кучу времени.

Самара фыркнула:

– Пфрр! Всегда рада помочь добрым зверьям! – она обернулась к летучей мышь. – Вам ведь до вечера так и так летать нельзя, правда? Отдохните у меня! Приглашаю в гости! Идемте, покажу лучшую в мире коллекцию шарниров-у меня есть совершенно уникальные, даже от гироскопа ракеты Р – 1! За мной! – она первой выбежала из лаборатории.

И успела лишь пискнуть, когда затаившаяся в главной зале ласка внезапно сбила ее с ног. Вторая хищница, с перевязанной шеей, юркнула в дверь и бросилась на Ингу.

Глава 5

Небольшую уединенную бухту скрывали от любопытных глаз нависающие утесы. Когда «Афалина» приблизилась к берегу и подняла перископ, метрах в шестидесяти от нее, с шумом, всплыла массивная серебристая подлодка в несколько раз больших размеров. Всю ее палубу и рубку покрывали снопы водорослей и гниющего тростника, с воздуха корабль должен был походить на плавучий островок из мусора.

«Афалина» также всплыла на поверхность. Десантники перебросили тросы, субмарины подтянули друг к другу. Первыми на палубы, как и полагается, вышли капитаны обоих кораблей.

– Добро пожаловать... – дрогнувшим голосом сказал пожилой, совершенно седой сарк с черными глазами. – Я Марран 4 из Мистар'ранга, руководитель Третьей Космической экспедиции Аретиса. Мы... Не получали вестей из дома уже семнадцать циклов и почти лишились надежды...

– С возвращением! – тепло улыбнулся Текс. – Я Текстар 5 из Тор'ранга, капитан мини-подлодки «Афалина», посланной на ваши поиски. Марран, вы не против, если встреча пройдет на борту этого корабля? Наша лодка очень тесная, и в любом случае, каждая лишняя минута на поверхности-огромный риск.

– Конечно, конечно, входите! – всполошился Марран. – Места у нас много, «Вирату» рассчитан на сорок сарков, а сейчас на борту лишь семеро. Мы можем даже погрузить в трюм всю вашу лодку целиком!

Текс удивленно моргнул:

– Ваш корабль столь вместителен?

Марран кивнул.

– «Вирату» был модифицирован одним из наших товарищей, удален ходовой дизель, генераторы и топливные баки. Новый источник питания, резонатор Теслы, дарит неограниченную автономность.

– Удивительно! – Текстар развел лапками. – Минутку, я отдам распоряжения... – он склонился к люку. – Яхак, Эпайн, Минос, выходите! Драам-едва их корабль погрузится, отведи «Афалину» на сто метров и клади в дрейф на перископной глубине. Не всплывай пока не всплывем мы!

– Так точно! – послышался голос рулевого. На скользкий корпус, имитирующий спину дельфина, из люка поднялись трое сарков, а десантники Ка и Мов, отвязав тросы, спустились в салон помогать Драаму. Путешественники перебрались на палубу большой серебристой подлодки.

– Вы... Не представляете, что я сейчас чувствую... – выдавил Марран, жестом приглашая гостей в корабль. Яхак, шагавший следом за Тексом, с трудом улыбнулся.

– Да нет, представляем, – он бросил взгляд на смертельно бледного географа Эпайна. Тот, мелко и часто дыша, смотрел на седого капитана Маррана, в уголках глаз блестели слезы.

Все пятеро вошли в рубку и задраили люк. По сравнению с крохотной «Афалиной», не превышавшей в длину четырех человеческих метров, двадцатиметровый «Вирату» казался гигантом. Внутри было светло, просторно, слабо пахло металлом и неведомыми цветами. Взмолванная команда ожидала гостей в центральном посту управления.

Едва Текстар показался из коридора следом за старым Марраном, сарки разразились приветственными криками и принялись хлопать в ладоши, пицать и прыгать. Когда в помещение вошли остальные, крики лишь усилились.

– Друзья, друзья! – Марран поднял лапки. – Тише, пожалуйста, тише... – он обернулся к гостям и сказал дрогнувшим голосом:

– Мы ждали этого мига семнадцать циклов. Добро пожаловать на борт! Спасибо, что отправились нас искать... Спасибо... – он поперхнулся слезами и, слабо махнув ладонью, опустился на сидение. К старику подбежала единственная в команде самочка, серая, среднерослая, с яркими зелеными глазками. Яхак дрожал всем телом, но пока держал себя в руках.

Самочка заботливо протянула пожилому сарку стакан воды, и пока тот утолял жажду, обернулась к гостям:

– Я Орби! – представилась взволнованным, до боли знакомым Яхаку голоском. – Старшая помощница капитана. Это рулевой Гекек, второй рулевой и навигатор Маур, младший инженер Карел, зоолог и врач Кай, а это пилот нашего дрона и, по совместительству, корабельный кок Тимр, – она представила всю команду. – Увы, главного инженера, руководителя экспедиции, Элджи, сейчас на борту нет... – она запнулась и нервно переступила с лапки на лапку. – Светлое небо, мне просто не верится! Ааааа! – она издала восхищенный писк. – Вы нас нашли! Нашли! Мы уже

двенадцать циклов вас ищем, с самой... – мышка запнулась и закончила севшим голосом – ...бомбежки.

Все притихли, семь пар горящих глаз обратились на Текстара. Тот, вздохнув, шагнул вперед.

– Благодаря героизму нескольких сарков, мы были заблаговременно предупреждены о человеческой атаке и успели эвакуировать всех жителей в новое, безопасное место...

– Куда именно? – нервно спросил навигатор Маур.

– Новая Гвинея, – коротко отозвался Текстар. Маур ударил кулаком об ладонь:

– Я знал! Я знал! Я же говорил, искать надо было там! – воскликнул он возмущенно. Текстар слабо улыбнулся.

– Боюсь, вы бы никого не нашли, – ответил он грустно. – По понятным причинам, наша цивилизация отныне ставит маскировку первейшим приоритетом. Если б вам удалось отыскать колонию, удалось бы и людям... – капитан помолчал. – Позвольте представить команду. Знакомьтесь, коммодор Яхак Нарх'варрен, глава отдела безопасности; доктор Эпайн 8 из Мистар'ранга, картограф, географ и навигатор; радист и электронщик Минос 19 из Анг'ранга. На борту «Афалины» остался наш рулевой, Драам из клана Нарха, а также двое солдат, братья Ка и Мов из клана Вуна.

– Клань? – удивленно спросила Орби. – И горожане? Вместе? Вы больше не враждуете со свободным народом Иркаллы?! – воскликнула она.

Яхак поднял лапу, дав знак что ответит сам, шагнул вперед и с силой втянул воздух. Его сердце так билось, что кровь барабанами стучала в ушах.

– Многое изменилось с тех пор, как ты ушла в море, мама, – сказал он тихо.

Повисла мертвая тишина. Орби недоуменно моргнула, оглянулась на остальных.

– М-м-м... Кто, простите? – переспросила.

– Мое полное имя Яхак Нарх'варрен а'Марув а'Серенада, – чуть дрогнувшим голосом произнес офицер и протянул оцепеневшей мышке футляр.

Орби некоторое время стояла совершенно неподвижно. Затем, не издав ни звука, приняла футляр, вынула фотографию и слегка покачнулась, увидев, кто там запечатлен. Яхак ждал, затаив дыхание, в посту управления царила гробовое молчание.

Орби попыталась что-то сказать, но не сумела и лишь беспомощно приоткрыла рот. Попятившись, нащупала дрожащей лапкой сидение и медленно в него опустилась,

не в силах отвести глаз от фотографии. Прошла минута, не меньше, прежде чем она нашла в себе силы поднять голову и посмотреть на Яхака.

– Я... – голос внезапно охрип. – Я... Я больше не Серенада, – выдавила мышка с огромным трудом. Опустила голову, сжалась. – Прости...

– Отец жив? – тихо спросил Яхак. Орби дернулась.

– Да, да, он жив и здоров, – ответила натужно. – Но мы больше не вместе.

– Что произошло? – Яхак опустил на корточки и заглянул в лицо матери. – Говори прямо, я уже давно... Не ребенок, – добавил он с запинкой.

Орби судорожно сглотнула.

– У Серенады было трое детей, – она рывком подалась вперед, – Дочери в порядке?!

– Все живы-здоровы, не волнуйся, – быстро ответил Яхак. – Сестры работают в другой колонии, с ними все хорошо.

Орби выдохнула и обмякла на сидении, чуть не уронив фотографию. Потрясенная до глубины души, она зажмурилась.

– Светлое небо... Светлое небо, о небо... – чудовищным усилием воли взяв себя в руки, она открыла глаза и выпрямилась. Посмотрела на капитана Текса.

– Простите, друзья, – сказала Орби с трудом. – Я всех задерживаю. Мы можем... Поговорить в каюте? – добавила нервно.

Яхак встал.

– Прошу нас извинить, – он вежливо кивнул Маррану. – Вы не против?

– Конечно нет... – растеряно отозвался старый капитан. Следом за серой мышью, офицер покинул центральный пост и прошел в одну из тесных кают.

Только здесь Орби смогла заплакать. Дрожащими лапками взяла ладонь Яхака, недоверчиво подняла глаза.

– Ты правда мой сын? – спросила сквозь слезы, дрожа всем телом. Сердце Яхака чуть не остановилось.

– Да, мама, это я, – ответил он ласково, опускаясь на колени. – Только не плачь.

Орби судорожно всхлипнула.

– Но ты... Такой взрослый?!

– Для вас прошло семнадцать циклов, а для нас пятьдесят три, – мягко ответил Яхак. – Ускоритель времени, помнишь?

– Ох... – только и смогла выдавить бедная мышка. Офицер взял ее ладонь в свои.

– Что с вами случилось? Почему тебя называют Орби?

Ответа не было целую вечность.

– Когда мы с твоим отцом захватили эту лодку и направили в мир людей, никто даже не подозревал об истинных размерах Земли и океанов, – сказала, наконец, зеленоглазая мышь. – Корабль носило по волнам свыше двух циклов, мы выжили просто чудом. Потом нас поймали люди. Но я не попала в плен, мне удалось бежать и сохранить свободу. Уверенная, что все остальные погибли... Включая и твоего отца... Я в одиночку продолжила поиск машины бессмертия и сумела ее найти.

– Что?! – воскликнул Яхак.

– Да, – с дрожью отозвалась Орби. – Я нашла ее, сын. Но получив бессмертие, я утратила память. Остались лишь крохотные обрывки, несколько ярких фрагментов из прошлой жизни. Три долгих цикла я пряталась в подвале человеческого дома, медленно превращаясь в животное, пока... Однажды... Меня не спасли.

Она отвела глаза.

– Серенада не бросала твоего отца, Яхак. Серенада погибла. Теперь я Орби, совсем-совсем другой сарк, и живу я... С тем, кого люблю больше жизни, – твердо сказала мышка, подняв взгляд.

Яхак помолчал.

– Речь об Элджи?

– Да, – Орби помедлила. – У нас пятеро детей и уже есть внуки.

Офицер радостно встрепенулся.

– Поздравляю! Все живы-здоровы?

– Да, да... – Орби нервно помахивала хвостиком. – Когда остров разбомбили двенадцать циклов назад, нам стало некуда возвращаться и мы решили начать новую жизнь. Основали маленькую колонию на заповедных островах Тристан да Кунья в Атлантическом океане, там замечательная природа и совсем нет людей.

Яхак оживленно подался вперед:

– Это великолепно! Саркам нужны такие места, как воздух. Очень скоро ваша колония станет большой и процветающей! – он бережно взял Орби за лапку и добавил: – ...но тебя я больше не отпущу никогда, мама.

Содрогнувшись всем телом, мышка пискнула и заключила сына в объятия. Слова утратили смысл. Они долго стояли неподвижно, наслаждаясь родным теплом.

– Расскажи о себе, – попросила Орби, когда справилась с чувствами. – И о сестрах. И... обо мне. На что была похожа жизнь Серенады в залитых золотым огнем пещерах Иркаллы?

– Ты помнишь о них? – встрепенулся Яхак. Серая мышь прижала ушки к голове:

– Только их и помню, – сказала с трудом. – Мой самый первый флешбэк, столь яркий, что до сих пор будто горит перед взором. Небо, усыпанное кристаллами... Животворный свет... Это было... Волшебное, – прошептала Орби. – Мне никогда не увидеть дом. Остров уничтожен.

Хрустальноглазый с огромной болью посмотрел на мать.

– Мы все потеряли Родину той ночью, – сказал глухо. – Камеры, выставленные за барьер ускорителя времени, циклами не передавали ничего, кроме застывшей картины ночного моря; лишь ускорив видео в тысячи раз, можно было заметить движение волн. А потом, в одну ужасную ночь, операторы, что без устали, сменяя друг друга, мониторили камеры с помощью сверхчувствительных экспонометров, сообщили о... вспышке... – Яхак стиснул кулаки. – Это был знак, что час эвакуации пробил. Десятки тысяч гигантских подводных транспортов, что мы тридцать циклов строили, как одержимые, ожидали на шельфе у самого барьера...

– Не надо об этом, – прервала Орби. – Прощу. Я и так натерпелась... – она вздрогнула. – Мы все натерпелись, сынок. И я, и твой отец, и мой Элджи, которого ты пока даже не знаешь... – ее губы тронула слабая улыбка. – Элджи... Что бы я без него делала...

Яхак прищурил глаза.

– Так сильно любишь?

Орби метнула на офицера слегка растерянный взгляд.

– Больше жизни, – ответила удивленно. – Я же говорила. Элджи... Стал частью меня, слился со мною душой и сердцем. Мы живем вместе уже четырнадцать циклов, и каждый день... – запнувшись, Орби дернула хвостом. – Каждый миг, что мы провели рядом, меня наполняло внутреннее тепло.

Яхак помолчал, глядя мать со смешанным выражением радости и тревоги.

– Почему же он в одиночку отправился в опаснейший полет на другой конец мира? – спросил мягко.

Зеленоглазая мышка понурилась. Прижала к голове ушки.

– Я долго уговаривала его лететь вместе, но Элджи... Понимаешь... Никогда не допустит, чтобы мне грозила опасность, – ответила с любовью и затаенной грустью. – Однажды мне пришлось усыпить его хлороформом, чтобы рискнуть жизнью-он просто не способен такое вынести. Элджи совершенно не думает о себе, смысл его существования-безопасность и счастье близких. Если б ты знал, через что он прошел... – Орби передернуло. – Элджи родился в секретном человеческом институте и, с рождения, подвергался диким экспериментам, пыткам, которые мы с тобой даже вообразить не сумеем. Со дня, как ему удалось бежать, он был уверен, что других разумных на Земле просто нет, и он-единственный, нелепый плод человеческих попыток играть в творцов. Тем не менее, Элджи сорок циклов по крупицам строил наследие для сородичей, о самом существовании которых не мог даже мечтать, он кидался в самые опасные ловушки и ежесекундно балансировал на грани гибели. И пожертвовал всем этим, не задумываясь, не колеблясь, ради двух незнакомых ему мышек, о которых прочел в газете...

– Двух? – переспросил Яхак.

Орби вздохнула.

– Да. Первое время с нами жила Кира, добрая подруга, но горячая и агрессивная воительница. Она обладала могущественными силами, управляла электричеством и даже контролировала зверей. Кира и ее брат, Итан, которого мы спасли позже... – мышка запнулась. – Они... В общем, у вас было тридцать циклов на подготовку бегства только благодаря Кире и Итану.

Офицер сильно вздрогнул.

– В каком смысле?

– Кира держала ускоритель включенным до самой последней секунды, а Итан телекинезом отводил от авианосца ядерные ракеты людей.

Пораженный, Яхак отпрянул всем телом:

– Постой! Ты говоришь о двух золотых зверях, которых мой дед... Твой отец, Нарх, встретил в ночь атаки?!

– Мой отец? – Орби дернулась. – Тот огромный сарк с хрустальными глазами, про которого рассказывала Кира?! – она с изумлением уставилась на сына. – У тебя его глаза!

Яхак с большим трудом заставил себя улыбнуться.

– Да, я пошел внешностью в деда, ростом и силой в отца, а ловкостью и проворством в тебя.

– С ума сойти! – Орби приоткрыла рот от изумления. – Так я, выходит, была не просто знаменитой путешественницей, а принцессой?!

Яхак прыснул в усы.

– У сарков нет монархических институтов человеческого типа, но... Если б были... Да, пожалуй, ты носила бы титул принцессы, – он вздохнул. – Нарх был королем, это уж точно.

Орби вздрогнула:

– Был?

Яхак отвел взгляд.

– Разница во времени, – ответил тихо.

– Ох...

– Он прожил сто пять циклов, мам. И ушел в зените славы, тихо и мирно, окруженный близкими... Нарх почитается всеми сарками как величайший герой нашего времени, – добавил Яхак с глубоким уважением.

Орби молчала целую вечность.

– Ты должен кое-что знать, – произнесла она наконец мертвым голосом. – Понимаешь, сынок, какое дело... Мы с Элджи не стареем. Как и все наши дети. Операция в человеческой «машине бессмертия» изменяет геном, наделяя организм мощной регенерацией.

Офицер метнул на мать короткий взгляд.

– Да, я читал результаты исследований феномена Вирату, пока вы с отцом не взяли его с собой в море.

– Вирату возглавляет нашу колонию на островах Тристан да Кунья.

– Ого! – Яхак почесал за ухом. – Сюрприз за сюрпризом!

– Это еще не все сюрпризы, – мрачно сказала Орби. Долго молчала. – Не знаю, как подать мягче, так что не буду и пытаться. В общем, сын... Мы больше не можем иметь детей с обычными сарками, – мышка опустила взор. – Ни я, ни Вирату, ни наши потомки. Прости, сынок, но бессмертие дается дорого. Со дня операции я, Вирату и наши дети-другой биологический вид.

– Ох... – только и сумел выдавить офицер.

– Вот так все просто, раз-два-три, – невесело добавила Орби.

– Постой, постой, я, наверное, плохо расслышал, – Яхак недоверчиво посмотрел на мать. – Вы с Вирату и ВАШИ потомки? А Элджи?!

– А, так я не сказала? – Орби пожала плечами. – Он сын Вирату и бессмертие получил по наследству.

– Сын Вирату?!

– Да... – Орби тяжело вздохнула. – Он родился в том самом институте, где Вирату первым из сарков обрел бессмертие. Люди использовали Вирату как производителя, забирая его детей для опытов, и Элджи стал его последним потомком, единственным, кто выжил.

– Какой ужас... – прошептал Яхак, с болью стиснув ладони серой мышки. – Мне очень жаль, мама.

– Да, – глухо сказала Орби. – Нам всем пришлось нелегко. Но ты, кажется, спрашивал, почему Элджи, мой любимый чернохвостик, отправился в смертельно опасный полет на другой конец мира? – она подняла голову и посмотрела прямо в хрустальные глаза сына. – Что ж, я скажу. Он улетел, желая проверить одну слабую, почти смехотворную надежду, – Орби понизила голос и тихо добавила:

– Надежду, что в Казахстане, в недрах секретного института Ломоносова, до сих пор томится в плену его мать.

***

Пораженный Яхак издал невнятное восклицание. Отпрянул, широко раскрыв глаза.

– Столько циклов спустя?!

– Она же не стареет, как и Вирату... – Орби тяжело вздохнула. – Со дня образования колонии мы искали вас, сынок. Много циклов, без усталости отслеживали любые следы нечеловеческих разумных рас. Элджи проникал в секретные военные архивы, взламывал базы данных, так мы узнали про Казахстан... – она запнулась, поскольку в дверь постучали. На пороге стоял младший инженер Карел, красивый перламутрово-жемчужный сарк с очень большими ушами.

– Простите, что беспокою, – сказал он неожиданно низким, гортанным голосом.
– Орби, тебе лучше вернуться на пост.

– Что случилось? – с трудом приходя в себя, тревожно спросила мышка.

Карел поднял взгляд:

– Нас вновь вызывают по метеорной связи.

Орби вздрогнула. Оттолкнув инженера, бегом бросилась в коридор, Яхак поспешил следом. В центральном посту по-прежнему находились все сарки с обеих кораблей; Текстар и Минос вполголоса беседовали с навигатором Мауром, седой капитан Марран, забыв обо всем на свете, обнимал Эпайна, своего внезапно найденного сына. Когда в дверь ворвалась Орби, все притихли и обратили к ней взгляды.

Мышка подбежала к радиостанции в углу рубки:

– Прием! Прием! Элджи!

– Я здесь, родная, – сквозь шипение и потрескивание дальней связи донесся знакомый голос. – Как вы там?

Орби, задыхаясь от волнения, поднесла микрофон ко рту:

– Чернохвостик, у тебя все хорошо?

– Лучше, чем я мог бы мечтать, – отозвался Элджи. – Любимая, тут происходят чрезвычайно важные события, решается судьба всех зверян Земли. Пожалуйста, только не нервничай, мне совершенно ничего не грозит, опасности никакой!

Орби дернула хвостом.

– Где ты? – спросила напряженно. – Точные координаты!

– Я все еще в Казахстане, у руин звериного города Каскабулак, что шесть дней назад уничтожили люди, – голос Элджи дрогнул. – Мы пытаемся спасти выживших. Орби, любимая, сейчас слушай очень внимательно, – добавил он с натугой. – Молю, не спорь и не возражай, я говорю как начальник экспедиции! Капитан рядом?

Встревоженная Орби оглянулась на Маррана, тот приблизился. Мышка протянула ему микрофон.

– Да, Элджи, я слушаю, – произнес седой сарк.

– Не ждите меня, плывите домой. Повторяю, не ждите меня, срочно плывите домой. Я вернусь в колонию самостоятельно, в ближайшие месяцы. Это последняя радиограмма, больше я не смогу посылать вам сообщения.

– Что?! – воскликнула Орби. Элджи на том конце линии связи ответил немного хриплым, трепещущим от волнения голосом:

– Я совершил открытие, которое изменит судьбу всех зверян в мире. Теперь я знаю, как мы появились на свет, а главное, откуда. Это намного важнее меня, важнее всех нас, простите, друзья! Я отправляюсь в Тибет вместе со своими спутниками. Там, в Гималаях, среди вечных снегов и неприступных склонов таится ключ к будущему!

Он запнулся на миг.

– Не знаю, сколько времени займет экспедиция. Не ждите и не ищите меня, слышите?! Плывите домой! Я вернусь сам и принесу фантастические новости! Прости, моя пушистая. Простите, друзья. Так получилось.

– Но... Но... – потрясенная Орби чуть не уронила микрофон. – Элджи, ты же не знаешь... Нас нашли! Сарки из главной колонии! Спустя семнадцать циклов! Они здесь, стоят рядом, мы возвращаемся домой, Элджи!

Ответ последовал не сразу.

– Удивительная и замечательная весть, – произнес, наконец, черный мыш слегка севшим голосом. – Поздравляю, родная, поздравляю от всей души!

Измученная мышка недоверчиво моргнула.

– И... и все?! Ты не хочешь увидеть их сам?!

– Хочу, любимая, – с трудом выдавил Элджи. – А больше всего я хочу увидеть тебя, обнять и поведать историю своих приключений... Но время на исходе, прости, прости, родная! Я вернусь, не знаю как скоро, но вернусь обязательно, Орби. И нам больше не придется бояться. Помнишь, как ты мечтала о таком дне? О будущем, где у нашего народа есть города на поверхности, где все свободны и не страшатся завтрашнего дня?! Теперь у нас есть шанс, любимая. Шанс наяву увидеть все это. Прости, прости... – голос в радиии дрогнул. – Я должен лететь. К этому мигу вела судьба, ради него я родился и полвека сражался со всем миром. Возвращайтесь домой, не теряйте надежды! – громко сказал Элджи. – До встреч, друзья! – передача прервалась.

В рубке повисла гнетущая тишина. Потрясенная Орби молча, не веря, смотрела на рацию, Яхак с болью закусил губу. Прошло не менее минуты, прежде чем мышка, наконец, пришла в себя. Встряхнулась, шумно перевела дух.

– Я беру дрон и лечу за ним, – сказала Орби таким тоном, что даже саркам, никогда не слышавшим о Серенаде, мгновенно стало ясно: возражать не стоит. Капитан Марран открыл было рот, но Орби метнула на старика короткий взгляд и тот проглотил все, что собирался сказать.

– Плывите в колонию, не ждите меня, – сухо произнесла Серенада. – Я вернусь вместе с Элджи.

Рывком повернувшись, она вышла из рубки. Пока испуганные сарки тревожно переглядывались, Яхак последовал за матерью. Орби спустилась в трюм и начала сборы.

– Тебя ведь не отговорить? – с трудом улыбнулся офицер. В ответ на него лишь сверкнули зелеными глазами. – Я знаю, знаю. Можно потерять память, но не душу, – Яхак приблизился. – Я лечу с тобой, мама.

– Забудь, – отрезала Серенада.

– Я ведь твой сын не только по имени, – с легкой угрозой заметил Яхак. – Мы летим вместе, и это не обсуждается.

Она рывком обернулась, но офицер поймал мать за плечо и сказал с силой, вложив все накопившиеся эмоции:

– Больше ты никогда не бросишь меня одного!

Серенада отпрянула, широко раскрыла глаза:

– Я не...

– Ты да! – сурово, резко оборвал Яхак. – Ты занималась этим всю жизнь. Сколько себя помню, отовсюду я слышал рассказы о приключениях легендарной Серенады, о тайнах, что она раскрыла, о пещерах, где впервые побывала. Каждый сарк в Иркалле знал тебя лучше, чем родные дети!

Он шагнул к мышке вплотную и процедил сквозь зубы:

– В этот раз не выйдет. Я больше не собираюсь сидеть в норке и ждать очередной сказки о твоих похождениях! Мы летим вместе, или я...

Договорить он не смог, поскольку Серенада неуловимо для взгляда, изящным и легким движением взяла его запястье тремя пальцами, едва шевельнула кистью, и массивный высокий сарк внезапно совершил в воздухе кувырок, грузно свалившись на спину. Серенада присела, зажав одну его лапу коленом, а вторую в мертвом захвате.

– Должно быть, ты тоже потерял память, – холодно сказала мышь. – Советую вспомнить, кто я такая.

Яхак, не пытаясь вырваться, тихо ответил:

– Ты мать, увидеть которую я мечтал пятьдесят три цикла.

Она молчала.

– Не бросай меня снова, – еще тише произнес Яхак. – Пожалуйста.

Серенада несколько секунд не шевелилась, затем струящимся гибким движением взвилась на ноги, освободив офицера. Тот приподнялся на локте.

– Я профессиональный военный, – выдавил с натугой. – Снайпер, специалист по человеческой культуре и истории. Я говорю на шести языках, знаю карты и расположение зон ПВО! Как ты собираешься искать Элджи? Куда летишь? Я помогу!

Пауза.

– Ладно, – жестко сказала Орби, глядя в сторону. – Собирай вещи.

– Так точно! – Яхак столь же текучим прыжком вскочил на ноги. – Я сейчас... – он бегом бросился прочь по коридору.

Глава 6

Широко улыбаясь, Самара первой выбежала из лаборатории и успела лишь пискнуть, когда затаившаяся в главной зале ласка внезапно сбила ее с ног. Вторая хищница, с перевязанной шеей, юркнула в дверь и бросилась на Ингу.

Летучая мышь не растерялась и в этот раз. Пользуясь мгновенной реакцией маневренного крылатого существа, она успела отпрыгнуть, увернувшись от первой атаки, схватила лапами первое что попало и швырнула его в ласку.

А попался ей тяжелый, подковообразный неодимовый магнит-Самара зачем-то держала его на столе. Магнит отбросил хищницу на пару шагов и с глухим звоном прилип к жестяной коробке с болтами, что стояла у стены. Шея ласки попала в тиски.

Она рванулась, бешено дергаясь и вращая глазами. Тщетно-коробка весила несколько человеческих килограмм, а мощность магнита была такова, что его голыми руками не отодрал бы и штангист. Одна противница из двух была надежно обезврежена.

Инга, моментально оценив ситуацию, лихорадочно оглядела лабораторию, издала радостный возглас и подскочила к стакану, где было сложено несколько ланцетов, ножей и опасных бритв.

– Спрячьте детей! – крикнула бурундукам. Те, опомнившись, схватили мышат и исчезли среди гор оборудования.

Инга, подняв лапой самый длинный ланцет и опираясь на крыло, издала грозное шипение и развернулась к дверям. Вторая ласка была уже там, держа за горло беспомощно трепыхающуюся белую мышь. Вид плененной сестры и оружия у летуньи заставил ее притормозить.

– Ты умрешь! – прорычала Инга, и несколько раз взмахнула ланцетом, показав врагу что умеет им пользоваться. – Отпусти мышь или я рассеку вас, как дождевых червей!

Ласка попятилась, яростно сверкая глазами. Ни она, ни ее борющаяся с магнитом сестра, пока не издали ни звука.

– Прочь! – крикнула Инга. Ласка подняла дергающуюся Самару на вытянутой лапе и поднесла когтистые пальцы прямо к ее лицу.

– Брось оружие, или... – она не успела договорить. С потолка ей за спину прыгнул красноносый Хёнди, державший в лапах свинцовое грузило от человеческой удочки. Он нанес хищнице страшный удар по затылку и ласка, даже без писка, свалилась к его ногам. Из другого укрытия выскочил Хагархай с мотком лески. Несколько секунд, и обе хищницы оказались связаны по всем лапам.

Инга уронила ланцет. Судорожно дыша, рухнула на стул. К ней подбежали Сай и Туман. Пока бурундуки осматривали перепуганную Самару, летучая мышь жадно напилась воды из бутылки, что протянул ей серый мышонок.

– Как только ворон поймет, что его шавки не справились, начнет ломать дом... – выдохнула летунья. – Самара, ты в порядке?

Белая мышь, дрожа, приблизилась, обойдя связанных ласок по большой дуге.

– К-к – как они пробрались внутрь? – выдавила Самара.

– Эй! – в гневе спросил Хёнди, пнув примагниченную хищницу. – Как вы нас выследили?!

Ласка отозвалась клацаньем зубов, но ничего не сказала. Бурундук занес было лапу, чтобы ударить ее снова, но голос Инги его остановил:

– Не надо, – летучая мышь тяжело дышала. – Ничего не скажут. Я знаю таких... – она встала. – Нельзя терять ни секунды. Друзья, спасибо огромное за помощь! Дальше мы продолжим путь сами. Врагам нужна только я, точнее, им нужен Сай... – она с болью взглянула на белого мышонка. – ...но выследить нас они больше не смогут и, как только поймут, что я улетела, оставят вас в покое. Простите, что навлекла неприятности... – Инга обернулась к пытавшейся что-то сказать Самаре. – Отсюда есть другой выход?

– Я не беззащитна! – возмущенно вскинулась белая мышь. – Нас просто застали врасплох! У моего дома есть оборонный периметр и...

Лабораторию сильно потрянуло. С полок с грохотом посыпались детали, самый большой стеллаж опрокинулся. Самара громко пискнула, Инга в панике закутала в крылья Тумана и Сая. Неведомая сила отодрала жилище бедной мышки от земли и, покачивая, вознесло ввысь. Сквозь цветные стеллажи на потолке, в комнату заглянули огромные блекло-серые глаза.

– Человек! – в ужасе крикнул Хагархай.

Дом раскачивался и трясся. Пока перепуганные зверяне цеплялись, за что могли, солнечный свет через стекла внезапно угас-жилище опустили в мешок. В полумраке мягко зажглись плафоны освещения, замечательное творение Самары продолжало бороться за жизнь.

Дом еще несколько раз жестоко потрянуло, а затем раскачивание стало ритмичным: человек нес мешок на спине.

– Вам надо лететь! – крикнула белая мышь, цепляясь за притолоку двери. – Ингрид! Бери детей и ползите в подвал! Вон люк! – она ткнула пальцем в дальний угол. – Садитесь в вездеход, он прорвет мешок! Должен...

– Поняла! – Инга посадила Тумана на спину, тот судорожно прижал к себе Сая и оба вцепились в фиолетовую шерсть. Пользуясь крыльевыми коготками, летунья поползла к люку в подвал, но в этот миг дом сотрясла особенно сильная дрожь, закончившаяся ударом. Все попадали с ног.

Тряска утихла. Снаружи донесся лязг металла, пол едва заметно качнулся. Затем послышался приглушенный рев дизеля.

– О, нет... – Самара сжалась в комочек. – Мы в багажнике...

Человечья машина тронулась с места. Дом вновь затрясся, но совсем иначе и гораздо слабее-автомобиль ехал по бездорожью.

Инга подтянулась коготками, встала на ноги, цепляясь за стену. Рядом с трудом сохраняли равновесие бурундуки и белая мышь. Примагниченная ласка валялась в дальнем углу лаборатории на боку, опрокинувшись вместе с коробкой болтов; куда укатилась ее связанная сестра, видно не было. Летучая мышь обернула голову:

– Я попробую разрезать мешок, – она подтащила лапкой ланцет. – Туман, вы с Саем крохотные, попытайтесь спрятаться в багажнике. При первой возможности бегите!

– Нет... – серый мышонок судорожно замотал головой. – Нет, нет, Инга, только не снова...

– Слушай меня! – сурово крикнула летунья. – Ты больше не ребенок. Ты воин! И отвечаешь за Сая! Вы любой ценой должны выжить! – она взяла ланцет в зубы и торопливо поползла к двери. Следом на четвереньках спешили Самара и бурундуки.

Мешок оказался сделан из темно-зеленого материала, похожего на брезент. Инга напрасно кромсала его ланцетом-лезвие скользило по прочным волокнам, маленькой летучей мыши не хватало массы как следует надавить. Следующими попытались Хагархай и Хёнди, вдвоем они сумели воткнуть ланцет в материал, но даже с помощью Самары, Инги и Тумана не получалось сдвинуть лезвие и на миллиметр. Все переглянулись.

– Спрячем детей в коробках из лаборатории? – дрожащим голосом предложила Самара. – Люди ведь не станут их сразу же проверять!

Измученная Инга кивнула:

– Попробуем...

Борясь с тряской, они вернулись в разгромленный дом. Самара отыскала деревянный ящик с щелями между досками, вытряхнула содержимое и с помощью бурундуков оттащила в дальний угол. Дрожащих от страха мышат посадили внутрь и с головой засыпали древесной стружкой, что мышь хранила в каком-то мешке.

– Туман, что бы с нами ни случилось, даже не думай вмешиваться, – сурово приказала летунья. – Твоя ответственность-Сай, больше никто! Когда люди нас... Заберут... Тебе может подвернуться удачный момент для побега. НЕМЕДЛЕННО беги! Это приказ, понимаешь? Сай должен выжить любой ценой!

Белый мышонок, всхлипывая, тянулся лапками к Инге. Та, с трудом удерживая слезы, погладила его по голове.

– Будь храбрым, Сай, – выдавила летучая мышь. – Будь сильным.

Они опустили на ящик крышку. Переглянулись.

– Ты упоминала оборонный периметр... – начала Инга, но в этот миг раскачивание пола остановилось и стих далекий рокот мотора. Самара невольно прижала к голове ушки, бурундуки мелко дрожали.

– Отойдем от ящика, встретим их в главной комнате... – выдавила белая мышь.

Все последовали ее совету. Дом несколько минут провел в неподвижности, затем вновь послышался металлический лязг и человек вынул мешок из багажника. Их куда-

то несли, поднимали по лестницам, затем поставили на ровную поверхность. В стеклянных витражах на потолке возник холодный серо-розовый свет люминесцентных ламп: люди развязали мешок.

А затем произошло такое, чего не мог ожидать ни один зверянин даже в страшном сне. Огромные, неуклюжие человечесьи ладони в кольчужных перчатках вынули самое большое цветное стекло из витража; сквозь широкий проем в дом заглянул сероглазый, очень светлокожий мужчина с зачесанными назад соломенными волосами. Его вытянутое лицо отличалось холодными, резкими чертами, щеки были гладко выбриты, массивный волевой подбородок подчеркивал практически хрестоматийную внешность идеального арийца. Однако вовсе не это заставило пленников в ужасе отпрянуть. Шерсть зашевелилась на их спинах, когда человек, оглядев свою добычу, спокойно произнес:

– Попались.

И сказал он это на зверолингве. Языке, о самом существовании которого не мог не имел права! – даже подозревать.

Инга была настолько шокирована, что даже не сразу увидела огромного ворона, сидевшего у человека на плече. Когда потрясение слегка отступило, она заметила еще кое-что: черную военную форму без погон. И внезапно вспомнила:

– Это ты! – ахнула летунья. – Ты замучил до смерти двух зверян в степи, несколько дней назад! Ты отдал приказ уничтожить город Дегелен!

Человек прищурил холодные серые глаза. Эмоций в них не читалось.

– Так значит, вот, почему я ощутил рядом слабого телепата, – произнес он почти без акцента. – Превосходно.

Ладони в кольчужных перчатках ухватились за края проема и разодрали крышу домика надвое. Стекло со звоном посыпалось на пол, судя по звуку, стальной.

Человек посмотрел на пленников с высоты своего более чем двухметрового роста. Инга, Самара и бурундуки жались в уголке разгромленной комнаты. Летучая мышь украдкой оглядела помещение, куда принесли дом-на вид оно казалось тесным, с очень низким железным потолком. Свет давали длинные розово-белые люминесцентные лампы, проложенные у самых стен. «Кузов большого грузовика или автобуса», поняла летунья.

– Я доктор Курт Гресслих Ягер, – сказал тем временем человек. – Руководитель особого отдела Федеральной службы безопасности. Это мой партнер Вогель, – он

кивнул на ворона, сидевшего на плече. – Сейчас я спущу вам индивидуальные клетки. Каждый должен войти в клетку. Тот, кто попытается бежать или сопротивляться, будет уничтожен. Вам ясно? Пусть каждый ответит «Ясно».

Инга тихо прошептала друзьям:

– Он жестокий убийца. Делайте все, как он говорит... – подняв голову, громко сказала: – Нам ясно.

– Пусть ответит каждый, – холодно повторил человек.

Самара с трудом кивнула.

– Ясно.

– Ясно... – мрачно буркнул Хагархай, за ним повторил и его брат.

Курт опустил на пол разгромленной главной комнаты цилиндрическую клетку из мелкой сетки.

– Летучая мышь, – клетка раскрылась подобно клешне. Инга, собрав остатки сил и воли, заставила себя встать и вошла в ловушку. Створки защелкнулись.

Человек вынул клетку из разбитого дома, поставил рядом на стол и поднял вторую:

– Белая мышь.

Когда четверо пленников оказались рассажены по личным тюрьмам, Курт повернул голову и что-то шепнул ворону. Тот прыгнул на пол домика и принялся клювом разбрасывать упавшую мебель, книги и приборы. Почти сразу нашел примагниченную ласку, что-то неразборчиво каркнул. Человек вынул из ящика стола отвертку с длинным жалом и, не без усилий, освободил хищницу от магнита, затем секатором разрезал путы на ее лапах.

Ласка сразу бросилась к куче инструментов и деталей в углу лаборатории, подняла лежавшую без сознания сестру. Курт секатором освободил и ее, затем что-то крикнул. В салон вошел солдат в песчано-камуфляжной форме, взял беспомощную ласку. Вторая, струясь змеей, тут же залезла к нему на плечо и все трое ушли. Пленники остались наедине с человеком и вороном.

***

Курт молча снял со стола остатки домика Самары, поставил на пол, принес стул и сел напротив четырех клеток. Внимательно осмотрел добычу.

Так ничего и не сказав, он открыл ящик стола, вынул маленький фотоаппарат и совсем крохотный штатив размером с пачку сигарет. Придвинул настольную лампу, направив свет на пленников, установил штатив с камерой напротив.

– Сейчас я по-очереди открою каждую клетку, чтобы заснять вас для подшивки к делу, – сухо произнес человек. – За любую попытку бегства или неповиновения, я уничтожу одного из пойманных. Всем ясно? Пусть каждый ответит «Ясно».

– Ясно.

– Ясно... – Инга старалась побороть нервную дрожь. Первой, Курт придвинул к фотоаппарату именно ее клетку. Раскрыл створки, вставил за задний фон лист белого картона с линейкой и цветовой таблицей.

– Фас, – аппарат щелкнул. – Профиль. Разведи крылья. Повернись, – человек переключил камеру в видеорежим. – Имя?

– Ингрид Фюнгерхаттдоттир.

– Вид?

– Myotis Myotis, или большая ночница.

– Род занятий?

– Футурология и популяционная евгеника.

Курт слегка приподнял одну бровь. Остановив видеозапись, он вновь закрыл клетку и отставил ее в сторону. Такая же процедура ждала и остальных пленников.

Закончив съемку, Курт вытащил из другого ящика толстый военный ноутбук, подсоединил к нему фотоаппарат и несколько минут что-то печатал. Кивнул, опустил экран. Вынул из кармана блестящий полированным металлом цифровой диктофон «Olympus», демонстративно положил его на стол между собой и пленниками. Включил.

– Курт Гресслих Ягер, – сказал ровным голосом без эмоций. – 17-е октября 2022 года, 12 часов 39 минут, пригород Жаксы, Казахстан, координаты прилагаются. Протокол допроса подозреваемых. Воздействие: вербальное. Сканирование: комплексное. Запись в реальном времени. Монтаж запрещен.

И обратил взгляд к зверьям:

– Начнем. Я телепат. А также владею некоторыми иными способностями. Один из вас, – он взглянул на Ингу, – уже знаком с моими методами допроса. Для остальных, поясню кратко.

Курт скрестил на груди руки и откинулся на спинку стула.

– Вы животные, – произнес он жестко. – Юридически, прав у вас нет. Разумных зверей официально не существует. Опыты и вивисекция над видами, не занесенными в Красную книгу, разрешены с научными либо военными целями. Я доктор наук и работаю в военной структуре. Никто, ни один «активист», ни единое живое существо на Земле не сможет вас спасти, поскольку я действую строго в рамках законов.

Он чуть подался вперед.

– Умрете ли вы в жестоких мучениях, или останетесь жить, зависит только от вас самих.

– А у нас есть выбор? – глухо спросила Инга. Курт перевел на нее взгляд холодных светло-серых глаз.

– Есть, – ответил коротко. – Обратите внимание направо.

Все рывком обернулись. На краю стола, нахохлившись, сидел огромный ворон с переливающимся лилово-черным оперением. Курт дал ему знак, и хищная птица подпрыгнула ближе.

– Вогель говорит лишь по-немецки, – пояснил человек. – Пусть летучая мышь переводит для остальных.

Ворон пощелкал грозным клювом и обратил взгляд на Ингу.

– Люди не хотят истребления! – произнес он хриплым, осипшим голосом. – Люди хотят навести порядок! Интегрироваться и сотрудничать!

– То есть, поработить и использовать, – уточнила летунья, с трудом держа себя в крыльях.

– Навести порядок! – гневно каркнул ворон. – Хаос! Смерть! Безумие! Нужен порядок! Новый порядок. Четкость! – он подпрыгнул на месте. – Толкать! Толкать!

Курт поднял руку, успокаивая птицу. Посмотрел на пленников.

– Как видите, я открыт для сотрудничества, – сказал он жестко. – Мы с Вогелем работаем вместе уже не первый год. Двух его помощниц вы также видели... – он нахмурился. – Я ожидал от них большего. Надеюсь, с вами получится лучше, – человек уложил руки на стол и склонился вперед, нависнув над клетками. – Имейте в виду, реальный интерес для меня представляет лишь она, – он кивнул на летучую мышь. – Остальные будут оставаться живыми строго до тех пор, пока я не разочаруюсь в ее поведении. Всем ясно? Пусть каждый ответит «Ясно».

– Нам кристально ясно, – с натугой отозвалась Инга. – Не причиняй никому вреда. Я сделаю все, что прикажешь.

Губы Курта тронула слабая, недобрая улыбка.

– Замечательно, – он выдвинул очередной ящик стола и достал оттуда лупу и спичечный коробок. Внутри оказалась стопка маленьких листиков, исписанных крохотным шрифтом. Человек изучил несколько листов с помощью лупы, кивнул, и протянул один Инге.

– Читай вопросы вслух и на все отвечай «да», – он свернул листочек и просунул его сквозь сетку. Летучая мышь уложила бумагу на пол, прижав коготками.

– «Мне более четырех сотен лет?» – прочла она первую строчку и недоуменно подняла глаза. – В каком смысле?!

– Ответь «Да»! – жестко бросил Курт.

– Но мне же не четыреста лет!

– Это неважно. Читай дальше и на все отвечай «Да». Последнее предупреждение.

Летунья сглотнула.

– «Я млекопитающее?», да. «Я птица?», да. «Я симпатизирую коммунистам?» – а это тут причем?! – она запнулась, встретив грозный взгляд и поспешно продолжила – ...да. «Я самка?», да. «Я самец?», кхмпф... да. «Я знаю число Пи до пятисотого знака после запятой?», да. «Я умею плавать?», да. «Я холоднокровное?», да. «Я...»

– Довольно, – прервал Курт. – Теперь читай сначала, но на каждый вопрос отвечай «Нет».

До Инги, наконец, дошло, что происходит, и она даже попятилась, в страхе приоткрыв пасть.

– Ты настраиваешься! – пролепетала она в ужасе. – Чтобы точно определять, правду ли я говорю!

Курт ответил спокойным, невозмутимо-ровным голосом:

– Еще один случай неповиновения, и я уничтожу этого зверя, – он указал на красноносого Хёнди, дрожавшего в клетке.

Инга дернулась:

– Хорошо! Хорошо! Я все сделаю!

– Читай сначала, и на каждый вопрос отвечай «нет», – повторил человек.

– «Я млекопитающее?», нет! «Я птица?», нет!.. – Инга торопливо продолжила чтение. На сей раз Курт ждал, пока текст на листе не окончился, затем помолчал, сидя с закрытыми глазами и постукивая кончиками пальцев друг об друга.

Пока человек размышлял, летунья лихорадочно собиралась с мыслями. Она была умным, смелым, прекрасно образованным существом, и сейчас в ее разуме внезапно родилась идея, как обмануть жестокого врага. Понятие «правда» весьма растяжимо, если задуматься.

– Попробуем, – сказал, тем временем, Курт после длительной паузы. – Помни, первая же ложь, на которой тебя поймают, будет стоить ему жизни, – человек сверкнул глазами на клетку с бурундуком и склонился над столом. – Начнем. Где два детеныша, что сопровождали вас?

– Я не могла рисковать детьми и позаботилась, чтобы вы их не нашли, – спокойно ответила Инга.

Курт сузил глаза.

– Куда ты их отправила?

– Если б знала, враги могли бы вырвать у меня признание под пытками, или угрожая друзьям, как сейчас делаешь ты, – твердо сказала летучая мышь. – Поэтому мышата теперь сами по себе. И ты в курсе, не так ли? – Инга прижалась к сетке. – Ты ведь больше не чувствуешь телепатическую ауру!

Человек нахмурил брови, сцепил перед грудью пальцы и перебрал ими.

– Допустим, это правда, – пробормотал он, не сводя глаз с крохотной пленницы. – Ты не рискнула бы просто бросить их в степи. Между нападениями помощниц Вогеля, прошло около трех с половиной часов; за это время вы переместились с чердака старой фермы на заброшенную бензоколонку примерно в одном километре от нее. Как именно ты отправила детенышей в самостоятельный путь? И как они успели отдалиться столь далеко, что я утратил контакт?

Прежде, чем Инга успела ответить, в разговор внезапно вмешалась Самара; белая мышь разгадала план летуньи.

– У меня есть ручной гусь по имени «Вжик»! – сказала она громко. – И вам его не догнать!

Человек резко перевел взгляд:

– Куда ты отправила птицу?

– Не отправляла я! – смело отозвалась Самара. – Вжик сам решает, куда лететь!

– Почему вы послали с ним только детенышей, а не полетели сами?

– Сами? – переспросила Самара. – Мы тут живем! У нас много друзей и прекрасный... – она запнулась и грустно поправилась – ...был прекрасный дом. Мы просто хотели помочь Инге.

– А я сама летать умею, мне птицы не нужны, – быстро добавила летучая мышь, закрепляя успех.

Курт стиснул зубы и бросил взгляд на Вогеля.

– Срочно в погоню, – приказал по-немецки. – Ищи крупную птицу, гуся, летящего вдоль вектора прочь от нашей локации. Используй дроны.

Ворон каркнул и двумя взмахами скрылся за дверью. Инга гневно вцепилась коготками в сетку:

– Зачем тебе беспомощные мышата?! Оставь их в покое!

– Не испытывай мое терпение, рукокрылое, – процедил Курт сквозь зубы. Встал на ноги. – Я скоро вернусь, и мы продолжим беседу, – он поднял со стола диктофон, отключил, сунул в карман и чеканным шагом покинул кузов, плотно захлопнув дверь.

Инга бросила на друзей отчаянный взгляд:

– Если допросит ласок, мы пропали... – шепнула чуть слышно. Хагархай закрыл лицо лапками, Хёнди свернулся клубочком на полу клетки и мелко дрожал. Самара тоже ничего не ответила.

...поскольку выудила из бесчисленных карманов своего комбинезона складной инструмент, похожий на секатор с рукоятью привода и кучей шестеренок. На глазах потрясенной Инги, белая мышь несколькими движениями перекусила сетку своей клетки.

Подбежала к соседним, выпустила бурундуков и летунью.

– Не смотрите вверх, там камера, – бросила она коротко. – У нас пара минут, не больше. Ждите здесь.

Самара прыгнула со стола на остатки крыши своего домика, стоявшего рядом на полу, оттуда-в главную комнату. Подняла люк и исчезла в подвале.

Спустя десяток секунд раздалось жужжание электрических двигателей; в основании домика откинулся пандус, и на железный пол выехал красивый приземистый гусеничный вездеход маскировочной окраски. Самары в кабине не было, она вышла следом, держа массивный пульт управления.

– В машину, скорее! – громко воскликнула она, картинно призывая друзей жестами. Сообразив, Инга расправила крылья, взмыла к потолку, пару раз пролетела

вплотную перед камерой наблюдения и спикировала к вездеходу. Бурундуки уже забрались в салон. Самара протянула лапки к летучей мыши, но вдруг подняла голову и «в ужасе» указала на камеру:

– Сломай ее, Инга! – крикнула из-за всех сил. – Используй это! – она сунула подруге кусочек керамической оболочки от свечи зажигания.

Летунья рванулась ввысь. Разогнавшись, с силой бросила осколок керамики в объектив. Стекло разлетелось вдребезги.

Она спикировала к полу, где Самара уже торопливо вытаскивала Тумана и Сая из ящика со стружкой.

– Вентиляция! – мышь рывком указала Инге на решетку у потолка. – Отвертка! – из карманов сиреневого комбинезона появился очередной инструмент, его схватил стоявший ближе всех Хагархай.

– Поняла! – летунья схватила бурундука за шерсть на плечах и несколькими сильными взмахами вознесла к решетке. Пока он отвинчивал шурупы, подняла каждого товарища, последней в вентиляционном канале спряталась Самара. Внимательно оглядев опустевший кузов грузовика, она вынула из еще одного кармана флакончик.

– Держите меня, – приказала вполголоса. Хагархай и Хёнди навалились на ее задние лапы. Высунувшись далеко из проема, мышь опрыскала уничтожителем запахов вентиляционную решетку и стену вокруг. Затем аккуратно задвинула решетку на место.

– Теперь не отвлекайте, – шепнула серьезно. Усевшись поудобнее, выдвинула из пульта плоский экран и погрузилась в управление.

– А как же дверь? – робко спросил красноносый Хёнди. Белая мышь метнула в его сторону гневный взгляд, прижала пальчик ко рту. Двигая двумя джойстиком, установила вездеход напротив дверного проема.

– Я ведь говорила, что не беззащитна? – шепнула с улыбкой. Из крыши машины выдвинулись рельсы с подвешенными ярко-красными ракетами.

– Держитесь... – прошептала Самара и ткнула в кнопку. Одна из красных ракет с шипением сорвалась с рельса и, в облаке искр, ударила в замок.

Глава 7

Пока «Афалину» грузили в трюм огромного «Вирату», Яхак и его десантники заканчивали приготовления к отлету. Дрон, созданный Элджи, был довольно крупным аппаратом, диаметром в два человеческих метра; шесть пропеллеров на широко разнесенных штангах придавали машине сходство с огромным черным пауком.

В основе лежал человеческий кинематографический дрон, из которого Элджи удалил аккумуляторы, внешнее радиоуправление и несколько других компонентов. Винты он заменил на бесшумные, с мягкими противообледенительными кромками и профилем, разработанным в НАСА. Моторы получили жидкостное охлаждение, а источником питания отныне был резонатор Теслы, его игольчатые радиаторы торчали позади фюзеляжа. Черный мышонок приложил немало усилий, чтобы дрон сохранил максимальное сходство с оригиналом-так, даже если он попадался на глаза людям, его принимали за обычное съемочное оборудование.

Восьмиместная кабина располагалась под днищем, там, где прежде находился стабилизированный подвес камеры. Грузоподъемность дрона с новым резонатором достигала двух десятков человеческих килограмм, так что для разумных мышей он мог считаться тяжелым транспортом.

На месте большой профессиональной камеры, что прежде висела внизу, солдаты Яхака уже закрепили сложенный и обтянутый чехлом боевой мех «Сплинтер – 400». Сходство дрона с голливудской техникой от этого лишь возросло. Орби отказалась брать с собой много припасов, в салон погрузили лишь несколько мешков с самым необходимым. Хакер Минос отдал Яхаку свой рабочий компьютер-один из крайне малочисленных у сарков приборов, собранный на базе человеческих смарт-часов. Время клонилося к вечеру, когда «Афалина» была, наконец, погружена и все приготовления к отлету завершены.

Сарки с обеих подлодок собрались на палубе проститься с товарищами.

– Не всплывайте как минимум триста-четырееста километров и часто меняйте курс, идите на максимальной глубине, – инструктировал рулевых Яхак. – Даже если люди уже засекли нас со спутников и ведут наблюдение, у них нет технологий отслеживания небольших субмарин в подводном положении...

Рядом команда «Вирату», по очереди, обнимала Орби и шептала добрые напутствия. Наконец, настал миг, когда бесстрашная Серенада и ее сын заняли пилотские кресла в тесной кабине. Оба надели усиленные скафандры с экзоскелетом-изрядно модифицированную и улучшенную версию той брони, что Элджи разработал для себя еще в долгие годы одиночества. Дрон с приглушенным жужжанием поднялся с палубы и, набирая скорость, быстро скрылся вдали.

– Шасси убрано, – доложил Яхак, наблюдая в боковой иллюминатор. – Лети максимально низко, мам, прямо над волнами. Так нас дольше не засекут радары.

Орби глубоко вздохнула.

– Не стоило навязываться мне в попутчики, – буркнула, глядя в сторону. – Я гораздо лучше справилась бы в одиночку.

Офицер горько улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Ты всегда предпочитала искать приключения самостоятельно.

– Не я, – мрачно ответила Орби. – Не я, сынок.

Она помолчала, не отвлекаясь от управления дроном.

– Расскажи о себе.

– Что именно?

– Все именно! – горячо ответила мышка. – Я хочу знать о каждом упущенном дне, о каждом слове забытых мною детей!

– Ох... – Яхак снял шлем и почесал за ухом. – С чего ж начать-то...

Он принялся за рассказ. Орби слушала с жадным любопытством, переспрашивала, просила уточнить незнакомые детали из жизни цивилизации сарков. Время за разговором летело совершенно незаметно.

Стояла глубокая ночь, когда дрон миновал иранский национальный парк Лар и помчался над темными водами Каспийского моря. Яхак проложил курс вдали от любых охраняемых зон, но Орби все равно вела аппарат практически на нулевой высоте, едва не задевая волны подвешенным снизу боевым мехом.

К полуночи они пересекли море и помчались над мертвым зеркалом залива Кара-Богаз-Гол, одним из самых соленых водоемов Земли. Здесь не могло существовать никакой жизни, даже водорослей; само название залива переводилось как «Черная ловушка». Яхак изучал карты на компьютере Миноса, пока Орби вела дрон.

– Сразу за линией берега будет граница Казахстана. Лети на северо-северо-восток, до заповедника Устюрт, дальше на сотни километров простираются

незаселенные людьми степи и горы. Избегать надо районов Шалкар и Наурзум, а особенно городов Нурсултан и Павлодар, там мощное ПВО. В каком районе сбили Элджи?

– Дегелен... – буркнула Орби.

– На ядерном полигоне?! Что он там делал?!

– Пытался незаметно миновать радары огромной воинской части в Павлодаре, – Орби стиснула зубы. – Мы думали, над полигоном никто не станет контролировать небо и самолетик Элджи безопасно долетит до Семипалатинска.

– Семья, – машинально поправил Яхак.

– Что?

– В 2007 году Семипалатинск переименовали в Семей... – он задумчиво провел лапой по усам. – Но разве там есть институт Ломоносова?

– Есть, – мрачно отозвалась Орби. – Закрытый объект Ф – 27.

– Зачем давать имя Ломоносова секретному объекту?!

– Для отвода глаз, очевидно, – мышка пожала плечами. – В случае утечки, шпионы будут искать цель в других городах.

Яхак щелкнул коготками:

– Точно. Анализируя вашу радиограмму, я решил, что Элджи в Ташкенте или Ереване, про Семей даже не думал.

– Люди к этому и стремились.

Офицер вновь склонился над картой.

– В таком случае, северный курс через Жаксы для нас закрыт... Придется делать крюк над Аральским морем, южнее Жезказгана, и дальше вновь на юго-восток, до самого озера Балкаш. Так мы минуем зону ПВО вокруг Караганды и поднимемся к Каскабулаку с юга... Единственный город на пути-маленький Жанажур, я не знаю, есть ли там военная часть.

– Сколько времени займет полет по такому маршруту?

– С текущей скоростью? – Яхак задумался, считая в уме. – Часов тридцать...

Орби стиснула зубы.

– Проложи курс над самыми дикими и необитаемыми местами, чтобы я могла иногда включать автопилот и отдыхать.

Яхак вздрогнул.

– Тридцать часов за штурвалом? Мам, ты просто вырубись от изнеможения, и мы разобьемся. Одна или две посадки потребуются в любом случае!

– Никаких проволочек... – выдавила Орби сквозь зубы. Яхак нервно перебрал ушами.

– Тогда прямо сейчас начинай обучать меня управлению дроном. Я профессиональный пилот меха и великолепно разбираюсь в технике, много времени это не займет.

Зеленоглазая мышка помедлила, но затем решительно кивнула.

– Правильно. Если меня убьют, ты должен...

– НЕПРАВИЛЬНО, – жестко оборвал Яхак. – Отставить такие мысли. Ты живая легенда, ты бессмертна, ты уникально талантлива!

Орби слабо улыбнулась.

– Даже уникально талантливую мышку раздавит каблуком первый же человек.

– Мышь? – не понял Яхак. Орби вздохнула.

– Так люди зовут наших неразумных сородичей.

– Я знаю, но причем тут мы? – офицер нахмурился. – Мыши имеют к нам примерно такое же отношение, как лемуры к человеку.

Орби рассмеялась.

– Говоришь, прям как Элджи! – она метнула на сына веселый взгляд. – Что ж, приступим к обучению! Гляди; главный штурвал работает, словно в самолете, им ты управляешь креном, тангажом и рысканьем, а вот этой рукоятью регулируешь обороты винтов. Текущие значения выводятся на два экрана по сторонам от главного курсового дисплея... – она погрузилась в детали. Яхак слушал с предельным вниманием.

Спустя пару часов и несколько тренировочных сессий, Орби признала, что ее сын справится как минимум с полетом над гладкой степью, и нехотя уступила ему место за штурвалом. Сразу же свернулась клубочком на откидной койке и провалилась в сон, строго наказав Яхаку разбудить ее через час.

Дрон ввинчивался в ночь. Зеленый трехмерный ландшафт местности на курсовом дисплее размеренно плыл навстречу, никаких внешних огней, разумеется, включено не было. Быстро осваиваясь, офицер вел мощный аппарат по приборам, удерживая минимальную высоту.

Его разум переполняли эмоции, а этого Яхак не любил. Встреча с матерью, весть о ее бессмертии и новой семье, внезапный полет во тьму... Все так отличалось от

привычной, продуманной заранее, выверенной в мелочах жизни военного пилота! Но в глубине души, на самой грани бессознательного, офицер чувствовал ликование и понимал, что тут уж вступает кровь. Ведь он, как-никак, был родным сыном великой Серенады и могучего Марува, самых известных искателей приключений на свете...

И мчался навстречу наиболее удивительному приключению из всех!

К тому времени, как Орби проснулась, небо на востоке уже начинало алеть. Мать молча взглянула на часы, перевела глаза на сына, схватила его за ухо и вытащила из кресла пилота. Яхак не обиделся. Пока Орби устраивалась поудобнее, он занял свое место рядом и вновь подтащил компьютер Миноса. Некоторое время изучал карты.

– Мы уже над озером Балкаш, позади половина пути, – сообщил он радостно. – Продолжаем на восток вдоль северного берега, пока озеро не кончится, затем резко сворачиваем на северо-северо-восток. Там будет заповедник Шумак, фотографии оттуда сказочной красоты...

– Я помню курс, – отозвалась Орби. – Ложись спать лучше. Когда прилетим, ты будешь мне нужен свежий и отдохнувший.

– Хорошо, мама, – улыбнулся Яхак. Откинув спинку кресла, он расслабился и приказал организму погрузиться в сон. Тренированная воля солдата немедленно исполнила приказ.

Проснулся точно через два часа, как и хотел. Утреннее солнце карабкалось по небосводу, дрон мчался над безграничной степью, на горизонте в синеватой дымке вздымались горы. Ровное, очень приятное для слуха пение винтов необычайно успокаивало. Пару минут Яхак молча лежал в кресле, глядя на мать, что сидела за штурвалом.

– Все хорошо? – спросил он, наконец. Орби, вздрогнув, бросила на сына короткий взгляд.

– Нервничаю, – отозвалась после паузы.

– За Элджи?

– Да... И не только, – она прижала к голове ушки. – Твои рассказы о сарках... Мои флэшбеки... Смогу ли я вновь стать частью большой суматошной цивилизации? Последние двенадцать циклов я прожила в тихой, пасторальной колонии на далеком острове, в окружении трех десятков друзей, рядом с любимым и нашими детьми. Я была... Счастлива?.. – Орби нервно дергала кончиком хвоста. – Знаешь, сынок, бессмертие очень сильно меняет психику. Притупляется восприятие времени, исчезает

любая спешка. Начинаешь размышлять, что будет через двадцать циклов, как прежде планировал на завтра... – она встряхнулась. – Это трудно объяснить.

Якак слабо улыбнулся.

– Я хорошо тебя понимаю, мам.

– Правда? – Орби с сомнением покосилась на сына.

– Правда, – он подмигнул. – Я уже немолод, но отлично помню, как в детстве жизнь кажется бесконечной.

Орби закусила губу.

– Когда все уляжется, я попытаюсь вновь отыскать следы человеческой установки, и вы с сестрами...

– Не говори глупости, – фыркнул Якак.

– И что глупого ты нашел в моих словах?

Офицер повернул голову и внимательно взглянул на мать.

– Как мы объясним миллионам сородичей, что никогда не умрем, а все остальные обречены?

Орби вздрогнула. Ответила не сразу.

– Бессмертие не свалилось из поднебесья, – сказала она после долгой паузы. – Я отправилась на его поиски, прошла огонь, воду и медные трубы, я столько раз была на грани смерти, что до сих пор с трудом понимаю, как умудрилась выжить.

– Святой Грааль, – улыбнулся Якак.

– Что?

– Артефакт из человеческих легенд. Чаша, испив из которой, ты станешь бессмертен. Веками на поиски Грааля отправлялись сотни и тысячи рыцарей, он стал синонимом абсолютного, недостижимого трофея для любого героя.

Орби фыркнула в усы.

– А я, стало быть, его отыскала?

– Вот именно, – очень серьезно ответил Якак. – Никому даже в голову не пришло бы спросить героя, нашедшего Грааль, почему он не принес его с собой и не стал поить водою бессмертия всех людей. Грааль-награда рыцарю за благородство, упорство и долгие годы поисков. Ультимативный финал героического пути... – офицер подался вперед и добавил мягко, с любовью в голосе: – ...и кроме тебя, бесстрашная Серенада, я не знаю никого, достойного подобной награды.

Мышка весело рассмеялась.

– Зато я знаю! – она подмигнула сыну. – Ладно, спорить об этом сейчас глупо. Впереди еще столько работы... – Орби вздохнула, но упрямо дернула хвостом и добавила совсем другим тоном: – Впрочем, если ты знал Серенаду, должен помнить: она никогда не сдастся! Проверь карты.

Яхак, встрепенувшись, включил компьютер.

– Так-так... Мы облетели Жанажур с запада и уже миновали возделанные земли Йералы, до Каскабулака менее полусотни километров. Почти долетели!

– Да... Почти... – буркнула Орби. – Сейчас-то и начинается головомойка.

– Мы найдем Элджи, – ласково ответил офицер. – Не сомневайся.

Зеленоглазая мышь мрачно фыркнула:

– Да я и не сомневаюсь, – она протянула лапку к пульту и покрутила колесико масштабирования курсового дисплея. – Уже нашли, похоже.

Огромная черная воронка посреди бескрайней степи, с высоты, выглядела поразительно похоже на рану.

***

– Там человеческий экскаватор, – быстро сказал Яхак. – Снижайся!

– Вижу... – Орби резко направила дрон вниз. Промчавшись над самой травой, аппарат опустил длинные лыжи шасси и приземлился среди кустов под одиноким искривленным деревцем.

– Не выходи из машины, ждем двадцать минут, – приказал офицер.

– Зачем?

– Если нас засекли, отправят на поиски вертолет или беспилотник. Надо быть готовыми к срочному старту.

Орби кивнула. Потянулись напряженные, бесконечные минуты.

– Мой мех одноместный, – заметил Яхак. Мышка сверкнула глазами:

– Втиснусь как-нибудь.

– Ладно, разберемся... – на горизонте никаких летательных аппаратов не появлялось, и Яхак, наконец, поднялся из кресла. – Мам, надень шлем, – он опустил

забрало своего. На встроенном дисплее тут же отразилась телеметрия, офицер восхищенно присвистнул.

– Говоришь, все это спроектировал и построил Элджи? В одиночку?

– Ты и сотой доли не видел... – Орби защелкнула крепления своего шлема. Яхак, вздохнув, развел лапками:

– Похоже, он и впрямь выдающийся сарк. С нетерпением жду встречи.

Фыркнув, Орби надела ранец с пультом дистанционного управления дроном и подошла к люку. Бесшумно выдвинулась лестница.

Замаскировав летательный аппарат листьями и пучками травы, путешественники сорвали чехол с боевого меха, стилизованного под обычную коричнево-бордовую курицу. «Сплинтер 400» был самым маленьким из производившихся сарками военных роботов, одноместным и без грузового отсека. В отличие от более крупных моделей, имитировавших казуаров, кабина тут располагалась в туловище «птицы», а не в голове; следить за окружающим миром можно было лишь через стереоскопические камеры, встроенные «курице» в глаза. Пока Яхак готовил робота к старту, Орби поднялась в кабину и с огромным трудом протиснулась между задней стеной и спинкой пилотского кресла.

– Видишь, уместилась, – заметила она весело. Офицер, со вздохом покачав головой, поднял обитую темными перьями дверь-аппарель и занял свое место. Во всю ширину передней панели засиял объемный панорамный экран.

– Мех не бронирован, имей в виду, – предупредил Яхак. – От лисы или хорька защитит, от человека вряд ли, от медведя не спасет точно.

– Мы от зайца ушли, и от волка ушли, а уж от медведя и подавно уйдем! – торжественно заявила Орби. Офицер улыбнулся.

– Он сказал «поехали» и махнул...

– ...хвостом! – торопливо вставила мышка. Оба рассмеялись, напряжение слегка отпустило. Яхак быстро прогнал диагностику, все системы оказались в порядке. С тихим визгливым свистом запустились ходовые моторы, и «птица» двинулась вперед.

Когда Яхак вывел мех на крейсерскую скорость бега, тряска в кабине полностью стихла; великолепно рассчитанное шасси автоматически подстраивало движения лап, сохраняя корпус стабилизированным. Тишину нарушал лишь ритмичный, неприятный посвист двигателей; степная трава летела навстречу со скоростью двух десятков

километров в час. Через несколько минут, когда мех взбежал на небольшой холмик, а впереди открылась ужасная черная воронка, Яхак непроизвольно стиснул зубы.

Руины звериного города Каскабулак уже не дымились. Вывороченные взрывами обломки зданий были разбросаны по степи в радиусе сотен метров, там и тут посреди пепелища вздымались обугленные фрагменты рухнувшего свода. Гигантское пятно выгоревшей травы окружало уничтоженный город нелепой черно-коричневой кляксой.

Единственной яркой деталью был красный колесный экскаватор, стоявший в стороне от центра воронки, на груде свежей земли. Человеческий экскаватор.

Яхак молча перевел камеры в режим приближения и, медленно панорамируя, оглядел окрестности. Указал матери на одинокую голубоватую палатку, рядом с которой стоял белый пикап.

– Отправили небольшую группу на раскопки.

– Вижу... – сквозь зубы процедила Орби. – Ищи животных. Инфракрасным.

Офицер щелкнул тумблером. Некоторое время оба вглядывались в экран.

– Крупных не видно вовсе, – удивленно заметил Яхак.

– Это место смерти...

– Но падальщики наверняка рыскали бы по пепелищу в поисках трупов, – возразил офицер.

– С атаки прошла неделя. Возможно, пожар прекратился лишь недавно.

Яхак с сомнением почесал за ухом, но спорить не стал и двинул меха вперед. Перебегая от холмика к холмику, путешественники добрались до края горелого пятна.

Здесь они вновь отыскивали наблюдательный пункт и остановились. Инфракрасный экран демонстрировал удручающую пустоту, не было видно даже птиц. Яхак нервно помахивал кончиком хвоста, Орби молча стояла за спинкой его кресла.

– Едва ступим на пепел, мех станет виден с огромного расстояния, – заметил офицер. – Может, лучше сначала оббежать по периметру?

Орби отрывисто кивнула:

– Давай. В сторону палатки.

– Но...

– Все равно ж придется.

Хрустальноглазый вздохнул.

– Ладно, тут не поспоришь. Поехали...

Мех вновь пришел в движение и помчался вдоль границы горелой травы. Наряженный Яхак молча управлял машиной, Орби за его спиной пожирала глазами экран. До человеческого лагеря оставалось метров пятьсот, когда она вдруг уложила лапку на плечо сына и легонько сжала пальцы. Офицер немедленно остановил робота.

– Что?

– Дрон, – тихо сказала Орби.

Яхак сильно вздрогнул.

– Где?!

– В кузове пикапа. Приблизь.

Изображение рывком увеличилось. Офицер стиснул зубы:

– Плохо...

– Тут ведь есть ракеты?

– Есть, конечно, но я не горю желанием привлекать внимание людей.

Мышка покачала головой.

– У нас не получится прятаться до самого конца.

– Так хоть будем стараться... – пробормотал Яхак. – Но погоди, почему инфракрасный не показывает людей в палатке?

Путешественники быстро переглянулись. Орби всем телом подалась вперед:

– Скорее, пока не вернулись!

Яхак рванул рычаги на себя. Мех с места перешел на максимальную скорость и помчался к пустому лагерю.

– Я уничтожу дрон, ты повреди машину, – отрывисто бросиламышь.

– Так точно! – Яхак склонился набок и хлопнул ладонью по железному ящику, стоявшему под его креслом. – Возьми разрядник против зверей, поджарит электронику!

– Отлично... – мех уже добежал до лагеря и юркнул под днище пикапа. Орби дернула зажим внешнего люка. Уже стоя на аппарели, откинула дверцу оружейного шкафчика, схватила массивный шокер с блестящими телескопическими электродами на месте «ствола».

Не говоря ни слова,мышь забросила шокер на ремне за спину и на всех четырех лапах рванулась вперед. Несколькими прыжками взлетела на заднюю крышку, перепрыгнула на бампер, юрко взобралась по резиновому уплотнителю на борт кузова. Тяжелый военный дрон был в несколько раз крупнее чем тот, на котором прилетели

Орби и Яхак, и помещался в пикапе лишь потому, что штанги с пропеллерами были сложены втрое.

Зеленоглазая мышь подбежала к огромному аппарату. Стремительно оглядела в поисках уязвимых мест. Сразу нашла закрытый брезентовой шторкой слот для аккумулятора, еще три таких же имелись с каждой стороны дрона. Сами аккумуляторы лежали в кузове, в герметичном ящике.

Довольно улыбнувшись, Орби быстро взобралась по ножке шасси, подскочила к брезентовой накладке, сорвала ее, и уже собиралась ткнуть разрядником в беспомощно оголившиеся контакты, когда шестым чувством уловила опасность. Инстинкт заставил ее мгновенно рвануться в сторону, и вовремя-с крыши кабины пикапа на дрон спрыгнула крупная, очень толстая мышь, напоминавшая морскую свинку. Двигаясь с невероятным для такой тушки проворством, она еще в воздухе извернулась и попыталась схватить отскочившую в сторону Орби, но та легко уклонилась.

Толстуха приземлилась на все четыре лапы. Мгновенно, с потрясающей скоростью прыгнула, не тратя время даже чтобы оглянуться. Орби отбила разрядником несколько выпадов. «Морская свинка» определенно изучала единоборства и дралась великолепно, но Серенада не зря считалась легендой свободного народа Иркаллы.

Отразив первое нападение, Орби была вынуждена бросить тяжелый разрядник. Скафандр стеснял движения, мешал обзору, и в промежутке между двумя выпадами толстухи, мышь успела сорвать с головы шлем. «Морская свинка» продолжала атаковать, и Серенада впервые ощутила гнев. Мгновенно сменив боевой стиль, она перешла на плавные, округлые движения, и вместо силового отражения ударов начала отклонять их сторону, выжидая удачный момент. Тот быстро подвернулся, и Орби, отбив жестокий выпад в голову, скользнула вплотную к противнице. Ухватила ее лапу за предплечье, заломила, одновременно ударила ногой под колено и рванула вниз, подставив колено второй ноги под челюсть. Удар на миг ошеломил «морскую свинку», и Орби обрушила на ее голову серию точных, выверенных атак. Семь точек, захват шеи, и последний тычок под ухо. Чуть сильнее-и смерть, но Серенада умела протыкать пальцами оболочку мыльного пузыря так, что тот не лопался. Парализованная толстуха мешком свалилась к ее ногам.

Перевести дух бедной мышке не удалось-на нее, внезапно, с яростным воплем бросился другой зверянин, чуть отставший от своей толстой подруги. Блекло желтый, похожий на помесь тушканчика с хомячком, ростом он уступал «морской свинке» на

целую голову, но первые же его движения заставили Серенаду напрячься. Она с одного взгляда определяла достойного противника, и желтый тушканохомяк был-пожалуй, впервые-действительно опасен.

Обмен молниеносными ударами длился лишь несколько секунд, но оба бойца являлись настоящими мастерами и сразу оценили друг друга. Отпрыгнув на шаг, желтый застыл в боевой стойке. Метнул короткий взгляд на неподвижную толстуху, свирепо рявкнул и бросился в атаку.

Серенада встретила его смесью из нескольких стилей, рассчитывая запутать. Хотя скафандр серьезно мешал, она виртуозно уклонялась от выпадов и осыпала врага ударами, но тот был столь же проворен и быстр, а главное-значительно тяжелее. Орби поняла, что впервые в жизни может проиграть рукопашную схватку, и это ее спасло-проснувшись в глубине души ярость помутила разум и Серенада окончательно вырвалась на волю, подавив свою добрую и мирную новую личность.

Она вновь сменила стиль-на жесткий, предельно эффективный. Двумя резкими ударами отбила атаку, подставила локоть под летящую лапу противника и всем телом дернулась навстречу, утроив силу столкновения. Желтый вскрикнул от боли. Не давая врагу опомниться, Серенада змеей скользнула ему под ноги, схватила за лодыжку и рванула на себя, встретив падающее тело ребром ладони в шею. На этом бой с любым другим противником закончился бы, но желтый каким-то чудом сумел изогнуться назад кольцом, и ладонь Серенады лишь скользнула по его горлу вместо сокрушительного удара.

Воительница рассвирепела. Локтем той самой лапы, что промахнулась по горлу, нанесла жестокий удар в грудь. Желтый рухнул на спину, потеряв дыхание, а Серенада подпрыгнула и уже собиралась прикончить его смертельным приемом в ямочку под шейей, но в самый последний миг личность Орби сумела ее удержать, и вместо убийства, Серенада ограничилась беспощадным ударом по морде. Голова желтого с глухим стуком врезалась в алюминиевую обшивку дрона.

Хрипло дыша, Орби пришла в себя и оглядела поверженных врагов. Ей еще никогда не доводилось драться насмерть со столь умелыми воинами. Начиная разгораться боль от ушибов, полученных при блоках, заныли перенапряженные суставы. Орби на миг закрыла глаза, восстанавливая внутренний покой.

Несколько глубоких вдохов и упражнений вернули ясность мысли. Проверять, живы ли враги, мышке не требовалось-при ее уровне мастерства, она просто знала

последствия каждого своего движения. Борясь с головокружением от выплеска адреналина, она вновь надела шлем, подобрала разрядник, обернулась...

...и встретила взгляд человека, сидевшего в кабине пикапа. До сих пор он, очевидно, спал на сидении, и металлический кузов экранировал его от тепловизора Яхака.

Орби оцепенела. Человек, несомненно, видел весь бой. Она бросила затравленный взгляд на разрядник в своих лапках. Заднее стекло в кабине пикапа задвинуто, добраться до врага невозможно. И больше нет времени, чтобы уничтожить дрон...

«Взорвать пикап?» – подкинула кровожадную мысль Серенада, но Орби гневно стиснула зубы. Ладно, не повезло сейчас, повезет чуть позже. Закинув оружие за спину, она перепрыгнула с дрона на борт кузова, оттуда сиганула прямо в траву с полутораметровой высоты. Быстро огляделась в поисках сына. Сразу заметила мех под днищем пикапа в районе мотора, Яхак стоял на спине «курицы» и пилил какую-то трубку, тянущуюся к заднему мосту.

– Уходим! – крикнула Орби во весь голос. Яхак рывком оглянулся. Мать жестами указала на кабину пикапа и махнула вдаль. Сообразив, что мех быстрее добежит до мыши чем та-до меха, офицер спрыгнул на землю и метнулся в кабину.

Механическая птица рванулась вперед. Орби спокойно стояла в траве, готовая ухватиться за перья, но в этот миг дверца пикапа раскрылась и человек спрыгнул на землю прямо перед роботом, чуть его не раздавив. Яхак судорожно дернул рычаги, каким-то чудом сумел увернуться и оббежал врага справа.

В руке человека сверкнул металл, и офицер понял, что придется сражаться. Свирепо стиснув зубы, он откинул панель управления вооружением. Механическая птица расправила «крылья», из-под которых выдвинулись многоствольные пулеметы и рельсы с управляемыми ракетами. Человек попятился, а Яхак развернул меха к нему носом, готовясь открыть огонь.

Но в самый последний миг, гибкое тельце в скафандре молнией скользнуло в траве, вверх по перьям, и спрыгнуло между роботом и человеком. Стоя лицом к сыну, Орби раскинула лапки:

– Не стреляй! – крикнула из-за всех сил. Яхак дернулся, чудом успел отпрянуть от гашетки. Светлое небо, еще мгновение, и...

– Мама, какого черта?! – заорал офицер.

Но мышка не слушала. Пораженная, она обернулась спиной к оцетинившейся ракетами смертоносной машине. Не сводя глаз с испуганного человека, медленно сняла шлем.

– Ив? – спросила по-русски дрогнувшим голосом. – Это ты?!

Иван Кулибин уронил фотоаппарат, что сверкал металлом в его руках. Покачнулся.

– Орби?!

Глава 8

Двигая двумя джойстиками, Самара установила вездеход напротив дверного проема.

– Я ведь говорила, что не беззащитна? – шепнула с улыбкой. Из крыши машины выдвинулась аппарель с двумя рельсами, где алели овальные, ярко-красные ракеты.

– Держитесь... – прошептала белая мышь и ткнула в кнопку. Одна из красных ракет с шипением сорвалась с аппарели и, в облаке искр, ударила в замок.

Последовал довольно сильный взрыв, в двери образовалась рваная дыра. Кузов грузовика заволокло зловонным дымом. Самара рванула вездеход вперед, ударила бампером в дверь, та откинулась; за нею оказалась складная алюминиевая лестница к земле.

Мышка отвела машину к дальней стене, запустила моторы на полную мощность. Дребезжа проскальзывающими по алюминиевому полу гусеницами, вездеход набрал скорость и выпрыгнул из грузовика прямо в траву.

Инга, бурундуки и мышата, боясь дышать, сгрудились за спиной у Самары, глядя в экран пульта. Оказавшись на воле, мышь резко развернула вездеход носом обратно; стал виден грузовик ГАЗ – 66 в песочном камуфляже, с огромным кунгом и кучей антенн на крыше. Перед «шишигой» неподвижно стояла колонна из трех внедорожников «Тигр», двух многоосных «Уралов» и большого пикапа, в кузове которого возвышался черный беспилотный вертолет Ка – 37. Вся техника была покрыта пылью и грязью.

– Серьезное у них оснащение... – нахмурившись, пробормотала Самара. – Ну же, Курт, покажись...

– Хочешь его убить?! – пораженно спросила Инга. Белая мышь моргнула.

– Нет, господи! Ох-хохонюшки, ну у тебя и мысли! Мне нужно, чтобы он видел, как скроется вездеход... Ага! – она торжествующе щелкнула хвостом. Экран показал, что в кузове ближайшего «Урала» откинулась дверца и в траву спрыгнул знакомый высокий блондин в черной форме. Из соседнего «Тигра» показались солдаты в песочном маскировочном облачении и прозрачных забралах на все лицо.

Убедившись, что вездеход заметили, Самара с визгом моторов развернула его на месте и помчалась прочь. Из-за стен грузовика, где притаились зверяне, донеслись крики, Инга узнала голос Курта, рывкавшего команды на русском. Мышка вела вездеход на максимальной скорости, в экране навстречу летела трава. Машину дико трясло, она подпрыгивала на каждой кочке.

– Если повезет, танк удастся сохранить... – пробормотала Самара. Летучая мышь вздрогнула.

– В смысле?!

– Я не думала, что получится сбежать, собиралась взорвать машину, когда люди загонят ее в угол... Ага, бегут следом ножками! – фыркнула мышь. Врезка в углу экрана отображала вид с кормовой камеры. – Ну-ну!

Хёнди внезапно, взволнованно, подался вперед:

– Водонапорная башня на улице Кенжеша Туктубаева! Я знаю, где мы!

– Я тоже узнала, не волнуйся, – пробормотала Самара. – Здорово... Эх, предвидела бы что так легко удастся улизнуть, мы бы сейчас сами в машине ехали!

– Спрячь танк в канализации! – воскликнул Хагархай. Самара метнула на него ироничный взгляд.

– И тут же потерять радиоканал?

– Ой...

– Не бойся, я знаю, что делать, – улыбнулась белая мышь. Азартно прижав ушки, она до конца отклонила оба джойстика, разгоняя вездеход. Несколько минут в экране лишь мельтешила трава, было совершенно непонятно, что происходит. Но во время одного особо длинного прыжка с кочки, в поле зрения попала сетчатая изгородь и уходящая вдаль вереница вагонов-цистерн. Оба бурундука разом встрепенулись:

– Железная дорога!

– Умница!!!

– Хе-хе, – Самара подмигнула друзьям и, рванув джойстики в сторону, юзом вывела вездеход из травы на грунтовую полосу, тянущуюся вдоль рельсов. Однако солдаты, преследовавшие машину, не только не отставали, но и явно сократили дистанцию. Оружие люди держали за спиной, на ремнях, очевидно получив приказ изловить беглецов живыми.

– Get ready for a surprise! – по-английски пропела Самара. Картинка в экране сильно дернулась и внезапно ушла вниз, тряска исчезла. Пораженная Инга даже попятилась:

– Твоя машина летает?!

– Не совсем, там просто гироскоп и пиропатроны, ручки да заборы перепрыгивать, – ухмыльнулась мышка. Изображение земли в экране стремительно росло, удар! Подпрыгнув на пружинящих гусеницах, вездеход рухнул по ту сторону сетчатой ограды, под самые колеса медленно ехавшего товарного поезда.

– Последний заряд... – Самара напряглась. Новый прыжок подбросил машинку высоко в воздух, она боком ударилась о борт цистерны и, со звоном, свалилась на раму вагона. Изображение в экране застряло под острым углом.

– Уф... – мышка выдохнула. – Ну, и завершающий штрих, – она ткнула в одну из кнопок. – Та-дааам! Все двери распахнуты. Удачи Курту ловить разбежавшихся грызунов на всем пути следования поезда! – Самара рассмеялась. Пораженная Инга молча прижала одно крыло к груди и с глубокой признательностью поклонилась.

Смущенная белая мышь задвинула экран обратно в пульт:

– Как-то так, в общем.

– Спасибо! – маленький Туман в волнении поднял глаза. – Спасибо вам всем!

Хагархай почесал за ухом, Самара развела лапками.

– Да ладно... Любой бы помог.

– Не любой, – Инга пришла в себя. – Не любой. Мы в огромном долгу перед вами, друзья, – она уложила широкие фиолетовые крылья на плечи мышке и бурундукам. – Прошу, присоединяйтесь ко мне. Отправимся вместе в Европу, в институт Генезиса, я гарантирую вам просторное, светлое жилье, сытную безопасную жизнь, а главное, шанс помогать всему роду зверян. Что скажете?!

Хагархай, Хёнди и Самара растеряно переглянулись.

– Но мы же тут не одни живем... – пробормотал красноносый бурундук. Его брат, тяжело вздохнув, погладил летучую мышшь по крылу.

– Прости, Ингрид, – он развел лапками. – У нас есть своя жизнь и ответственно... – закончить он не успел, ибо в грузовик, пинком ноги распахнув искореженную дверь, поднялся взбешенный Курт Гресслих Ягер. Зверьяне за вентиляционной решеткой застыли, боясь дышать.

Человек в ярости пнул остатки несчастного домика Самары, разбив одну стену. По алюминиевому полу со звоном рассыпались белые камешки и экспонаты коллекции, что бедная мышшка собирала годами. Курт некоторое время, глубоко дыша, смотрел в пустоту.

Справившись с гневом, он вынул из внутреннего кармана тонкий кнопочный черный мобильник без экрана и набрал длинный номер. Ожидая ответа, присел на стол и закинул ногу за ногу очень аристократичным жестом.

– Ягер. Соединить с Виктором Морозовым. Без скрамблера, – к тому мигу, когда на том конце сняли трубку, в холодных серых глазах человека вновь не читалось эмоций, а голос звучал размеренно и спокойно. По-русски Курт говорил совершенно без акцента. Сидел неподвижно, рука с телефоном у уха не подрагивала даже на миллиметр. С потолка было плохо видно, но Инге показалось-он даже не моргает.

– Виктор, можешь говорить? Да. Жду. – Повисла напряженная пауза. – Хорошо. У меня временные затруднения. Ласки ни на что не годны, им придется искать замену. Объект был практически у меня в руках. Да. Упустил, но поимка лишь вопрос времени. Я знаю, куда они летят. Даже если в пути изловить не получится, Вогель гарантирует, что по прибытии ему доставят звереныша тепленьким. Да, они совершенно точно не подозревают об агентах в Швейцарии.

Инга ощутила, как у нее по перепонке растекается могильный холод. Вопросительный взгляд Тумана, не знавшего русский, заставил летунью судорожно напрячь волю и изобразить некое подобие улыбки. Внизу, тем временем, Курт продолжал разговор:

– Кто? Нет, объекта больше не сопровождает летучая мышшь, мне удалось, по крайней мере, их разделить. Откуда такая уверенность? – губы человека тронула тонкая, недобрая улыбка. – Я чувствую ее телепатическое присутствие рядом. Она тут, в лагере, прячется, пока остальные звери думают, будто отвлекают наше внимание. Нет, нет, я проверил, ее способности лишь зачаточные, угрозы никакой. Точно. Да, точно.

Долгая пауза. Самара и бурундуки поглядывали то на трепещущую Ингу, то на человека внизу. Туман лишь крепче прижимал к себе Сая, а малыш, чувствуя тревогу друзей, вел себя тихо.

– Виктор, мы же говорили об этом. Нет. Нет, я не стану ничего менять в плане. Тимофеева действует под прикрытием ООН, с ней журналисты и аппаратура прямой трансляции. Любое, повторяю, любое наше вмешательство ей на руку и поспособствует огласке.

Пауза.

– Разумеется, я за ней слежу! Пусть копается в руинах Каскабулака, сколько влезет, что она там найдет? Оболочки ракет? Осколки бомб? Да все звериное гнездо было слеплено из ворованных материалов, никто никогда не сможет доказать, что вертолеты там были.

Молчание.

– О-о, так вот, что тебя беспокоит... – глаза Курта легонько сузились. – Да, это правда. Он существует, хоть у нас и нет предположений, кто он и где прячется. Я сам ловил его телепатические послания, даже совсем недавно. Что? Ну, конечно, я способен их чувствовать! Но с телепатией не все так просто, как с радио, Виктор. Когда передача адресована кому-то другому, ты можешь уловить сам факт ее наличия, но не впитать.

Долгая пауза.

– Ошибаешься. Звереныша локализовать было нетрудно, он сиял как маяк. А таинственный демон совершенно не виден, пока не начинает трансляцию. Либо он владеет неизвестной мне техникой самоконтроля, либо находится очень, очень далеко. Так или иначе, его телепатическая мощь удивительна.

Пауза.

– Смогу. Когда звереныш окажется в моих руках. Ему были адресованы все трансляции демона, что я ощутил.

Долгое молчание.

– Да, я тоже не мог понять, каким образом утратил контакт со зверенышем, пока не допросил ласок. По их словам, летучая мышь и ее местные помощники собрали экранирующее устройство. Все сегодняшнее утро мышонок находился в одном метре от меня, и я совершенно его не чувствовал.

Тишина.

– На ошибках учатся, Виктор. А я очень способный ученик. Скоро вернется Вогель и мы продолжим поиски. Не пройдет и недели, как объект будет найден, обещаю. До связи.

Курт вернул мобильник в карман и, задумчиво, провел ладонью по гладким, зачесанным назад соломенным волосам. перевел взгляд на разрушенный домик Самары, брезгливо поморщился при виде разбросанных по полу камешков и обломков. Его внимание привлек фиолетовый блеск; наклонившись, человек поднял необъяснимо как уцелевшую стеклянную фигурку дракона. Осмотрел со всех сторон, положил на стол.

Вновь склонившись над домиком, Курт некоторое время разглядывал сверху разгромленную лабораторию. Взял в руки настольную лампу, присел на корточки и принялся тщательно изучать обломки. Минут пять аккуратно ворошил их пальцами, подносил к свету то одну, ту другую находку.

Когда очередь дошла до витрины с удивительным барельефом, Курт на мгновение помедлил. Выпрямился, держа артефакт на ладони. Размером со спичечный коробок, в руках человека он казался особенно крошечным.

Курт вернулся за стол, выдвинул ящик и взял огромную толстую лупу с медным ободком и рукоятью из красного дерева. Придвинув лампу, склонился над барельефом.

– Das ist unglaublich⁸... – пробормотал по-немецки. Встав на ноги, подошел к стенному шкафу, вынул оттуда толстую бумажную тетрадь в чехле из крокодиловой кожи, вернулся за стол, некоторое время листал. Обнаружив нужную страницу, положил рядом барельеф, и почти минуту молча переводил взгляд с него на изображение в тетради и обратно.

Резко встал, нажал кнопку на краю стола. В кузов тут же вбежал солдат в песочном камуфляже и со стеклянным забралом на все лицо.

– Срочно сообщите поисковой группе: приоритеты меняются, – на русском, отрывисто, приказал Курт. – Отныне главная цель-белая мышь, любой ценой ее надо доставить невредимой. Фотографии есть у всех?

– Так точно! – солдат отдал честь. Курт встал и указал на полуразрушенный домик Самары.

– Пришлите Давыдова и Елжаса, пусть заснимут, как лежит каждый обломок, упакууют всё и отправят в Москву в мою лабораторию.

---

⁸ Das ist unglaublich (немецк.) – «Не может быть»

– Слушаюсь!

– Приступайте.

Солдат развернулся на каблуках и вышел из машины. Курт помедлил еще какое-то время, недоверчиво глядя на крохотный барельеф в центре светового пятна от настольной лампы. Затем процедил что-то неразборчивое сквозь зубы и скрылся за дверью.

***

Пару минут после ухода человека, зверяне в вентиляционном канале сидели, боясь дышать. Телефонный разговор поняли лишь Инга и Самара, остальные не знали русского. Когда стало ясно, что Курт действительно ушел, Инга с трудом перевела дух.

– Предатели в Швейцарии... – выдавила она, дрожа. – Что же нам делать, куда лететь?! Как спрятать Сая?!

– У руин Каскабулака журналисты, он их боится! – шепнула Самара. – Вам надо туда!

– Обратнo? – с дрожью спросил Туман. – Вернуться к пожарищу?!

– Там он не будет вас преследовать, – кивнула белая мышь.

Инга содрогнулась.

– Кусочек камня из Тибета сделал и тебя его целью, Самара, – сказала с трудом. Встала на ноги, передернула крыльями. – Сейчас я по-очереди отнесу каждого подальше от лагеря, здесь нельзя оставаться ни секунды, Курт чувствует мою телепатию. Но сначала... – Инга бросила взгляд на бурундуков. Хёнди, сообразив, подбежал к решетке и аккуратно ее отодвинул.

Летучая мышь спиной вперед выпала из проема, с хлопком развернула крылья и двумя взмахами оказалась на столе. Схватила одной лапой барельеф, а второй-толстую тетрадь в крокодиловой коже, с трудом подняла трофеи обратно к вентиляционному окошку. Хагархай помог их затащить.

– Самара, что еще захватить из дома? – тяжело дыша, быстро спросила Инга.

Мышка покачала головой.

– Ничего такого, что ты сможешь унести на крыльях. Но я бы полазила в вещах Курта... – добавила зло, кивнув на настенный шкаф, откуда человек вытащил тетрадь. Инга с сомнением оглянулась:

– Он его запер, кажется...

– Не проблема, – в лапке Самары появился очередной инструмент, похожий на швейцарский нож. Кивнув, летучая мышь подсадила белую себе на спину и плавно спланировала к шкафчику. Уцепилась крыльевыми коготками за края.

Самара, ползком по фиолетовой шерсти, подлезла к замочной скважине и за несколько секунд вскрыла дверцу. В тот же миг, обе так отпрянули, что едва не свалились на пол. Прямо на них смотрели мертвые глаза норвежского лемминга, заспиртованного в большой банке.

– Господи... – у Инги чуть не остановилось сердце. – Господи... Эрих...

– Знала его? – сдавленно шепнула Самара.

Летучая мышь зажмурилась от боли. Судорожно стиснула коготки, пытаясь не поддаться всепожирающему бешенству.

– Ни звука от этом, – выдавила хрипло. – Туман не должен знать.

– Поняла... – стараясь не смотреть на труп, Самара залезла в шкаф. Кроме жуткой банки, тут лежало лишь несколько папок с бумагами, два одинаковых черных мобильного без экранов и непонятное блестящее устройство, немного похожее на человечью клипсу для длинных волос. Устройство было ламинировано прозрачной пленкой.

– Ничего интересного... – Самара с натугой отвернулась от банки и хотела вновь лезть на спину летучей мыши, но та качнула головой:

– Возьми эту штуку, – она посмотрела на блестяшку в пленке. – Я ее чувствую.

– Чувствуешь? – удивленно переспросила белая мышка.

– Телепатически.

– Ого... – Самара схватила «клипсу» в зубы и поспешно взобралась по шерсти подруги. Инга отцепилась от шкафчика, ударом крыла захлопнула дверцу и, парой взмахов, вернулась к вентиляционному отверстию. Бурундуки, Туман и Сай с волнением ее ожидали.

– Ну, как?!

– Нашли что-нибудь?!

– Все хорошо? – тихо спросил серый мышонок при виде потемневших глаз подруги.

Летунья не ответила, лишь молча помогла Самаре спуститься. Белая мышь была так подавлена, что на вопросы друзей лишь рассеяно отмахнулась лапкой.

– Пора в путь, – с напряжением сказала Ингрид.

– Я проверил, труба выводит на крышу кунга, там воздухозаборник с фильтром... – начал было Хёнди, но запнулся, когда Самара рывком выдернула из кармана знакомый инструмент с шестеренками.

– Веди, – буркнула мрачно.

Бурундуки переглянулись, но у обоих хватило такта ни о чем не спрашивать. Туман, с тревогой глядя на напряженную Ингу, робко взял ее за крыло.

– Что вы нашли? – спросил тихо.

Летунья скрипнула зубами.

– Смерть, – ответила коротко. – Сажай Сая на спину.

Мышонок, сглотнув, торопливо исполнил просьбу. Следом за красноносим Хёнди, зверяне пробрались по короткой пластиковой трубе к воздушному фильтру. Самара быстро прорезала в нем дыру.

Первой на крышу кунга выбралась Инга. Подползла к бортику, огляделась. Колонна военной техники стояла на окраине Жаксы, у обочины грунтовой дороги, что метрах в ста становилась асфальтовой и скрывалась среди домов. Несколько солдат дежурило у пикапа с вертолетом, вдали у головного «Тигра» Курт что-то объяснял офицеру со штурмовым короткоствольным автоматом на креплении за плечом.

– Самара, ты первая, – твердо шепнула летунья. Белая мышь, вздохнув, навьючила на спину трофейную блестяшку и взобралась по фиолетовой шерсти.

Инга беззвучно спланировала с крыши грузовика так, чтобы кузов скрывал ее от людей, несколькими взмахами покрыла расстояние до ближайшего домика, заложила вираж вокруг живой изгороди, пролетела еще метров сто и приземлилась у ржавой канализационной решетки.

– Здесь нормально?

– Да, конечно! – Самара прыгнула и тут же юркнула в укрытие. – Тащи остальных!

– Лечу... – Инга расправила крылья. Минут за пять она перенесла к решетке мышат, бурундуков, и, последним рейсом, тяжелую крокодиловую тетрадь. Ее навьючил на спину сильный Хагархай.

Закончив спасение друзей, смертельно уставшая летунья пролезла сквозь щель и просто свалилась на грязный бетон. К ней подбежали испуганные Туман и Сай.

– Мне нужен отдых... – выдохнула летучая мышь. Хагархай твердо кивнул:

– Конечно. Хёнди...

Второй бурундук подскочил к измученной летунье, легко взвалил ее на спину и, торопливо, двинулся во тьму коллектора. Следом на четырех лапах бежал его брат, тащивший тетрадь, и семенили мышата. Замыкающей шла Самара.

Сознание Инги мутилось от перенапряжения. С момента атаки в диспетчерской, раним утром, она ничего не ела и ни секунды не отдыхала, а до этого всю ночь летела с двумя мышатами на спине. Сквозь пелену забытья, летунья слабо воспринимала окружающее. Ее несли... Передавали из лап в лапы... Спускали по лестницам, протаскивали сквозь узкие норы... Прошел час, или день-чувство времени притупилось. Когда бесконечный путь, наконец, завершился, Инга уже балансировала у грани беспамятства.

Ее бережно опустили на мягкое ложе, смочили губы холодным молоком. Не открывая глаз, летучая мышь жадно напилась. Ей ткнули в мордочку толстой ароматной гусеницей. Инстинктивно впившись зубами в лакомство, Инга чуточку пришла в себя и смогла разлепить веки.

Она лежала на кровати в уютной овальной комнатке, освещенной пучком световодов под потолком. Кроме летучей мыши, здесь был только Сай-остальные, не в силах смотреть на пожирание насекомых, временно вышли. Белый мышонок держал в лапках толстую сине-зеленую гусеницу.

– Малыш... – Инга слабо улыбнулась. Сай ткнул гусеницу ей в губы. Приглашение повторять не потребовалось-дико голодная, летунья вгрызлась в подарок.

Она сожрала еще три таких же жирных, аппетитных лакомых кусочка, пока Сай рядом хрумкал кузнечиком. Организм заполнила блаженная сытость. Упав на подушки, Инга счастливо зажмурилась и провалилась в сон.

Очнулась поздно ночью, сытой и прекрасно отдохнувшей. Рядом на второй кровати мирно сопели Туман и Сай. Бесшумно встав на ноги, летунья построила карту темной комнаты эхолокатором и безошибочно прошла к выходу.

За дверями обнаружился низкий коридор, освещенный флуоресцирующими листьями, и еще две комнатки. В одной, прямо на полу, валялись трофейная крокодиловая тетрадь и странная блестяшка, в другой никого не было. Удивленная Инга дошла до конца коридора и выглянула.

Она оказалась на кухне. Здесь свет был гораздо ярче, чем в других частях жилища, стоял запах свежей зелени. Самара за столом аккуратно грызла семена, а у плиты, вращая половником в большой кастрюле, что-то варил хозяин дома.

– О, Инга, проснулась наконец! – белая мышь приветствовала подругу широкой улыбкой. – Ну ты и соня! Мы уж беспокоиться начали, целые сутки прохрапела!

– Сутки?! – воскликнула летунья.

– Даже с половиной! – кивнула Самара.

Ошарашенная Инга недоверчиво провела крылом по лицу.

– Как же так... А... Люди нас не ищут?!

– Ищут-ищут, да черта с два отыщут! – весело отозвалась белая мышка. Кивнув на массивного грызуна у плиты, торжественно объявила: – Знакомься! Мой добрый друг, дядюшка Тас⁹! Отец служил с ним в Кушмуруне!

Огромный, массивного телосложения, серо-коричневый дядюшка Тас оказался на целую голову выше и Самары, и Инги. Внешне он выглядел жирным и неповоротливым, но при каждом движении, под шкуркой буграми перекачивались мышцы, и сразу пропадало желание называть его толстяком. Летунья вежливо поклонилась:

– Спасибо вам огромное, что приютили.

Дядюшка Тас на миг оторвался от кастрюли и бросил на гостью веселый взгляд сквозь густые, роскошные усы.

– Всегда 'пжалста, – пробасил низким, глубоким голосом.

Инга присела на скамью рядом с Самарой.

– А где Хагархай и Хёнди?

– Вернулись в родные дома, проведать семьи, – отозвалась мышка. – Будут часто навещать и рассказывать, что творится в городе. Нам-то, подруга, теперь придется залечь на дно и сидеть тихо-тихо... – она вздохнула.

– Но... Как же... – летунья хотела, по привычке, объяснить, что очень спешит и Сая надо срочно доставить в институт, но сама проглотила слова, вспомнив, что дома

---

⁹ Тас (казахск.) – камень, каменный.

ее ожидают предатели и агенты ужасного Вогеля. Растерянная и, впервые, не знающая что делать, Инга сжалась и накрыла голову крыльями.

Самара погладила ее по тонкой фиолетовой шерстке.

– Не грусти, ну же... – сказала ласково. – Мы живы и свободны. Мышата в безопасности. Враги нас здесь не найдут. Проведем несколько деньков в убежище, пока люди не прекратят поиски... А там, глядишь, все само и наладится! – добавила весело.

– Отъестся вам надобно! – донесся от плиты густой голос. – Худяки, тощие, кожа да кости, вот беда и цепляется...

С трудом заставив себя улыбнуться, Инга подняла голову и, с некоторым удивлением, осмотрела хозяина дома.

– Простите, а... Какого вы вида? – спросила робко.

Тас фыркнул.

– Эт'ты не мя тереби, я зверух темный, наукам всяким не обучен.

– Он из рода «селевиний», – шепнула Самара. – Редчайший зверь, не встречается нигде кроме парочки районов Казахстана.

– Ох... – только и сумела выдавить летунья. Самара моргнула:

– Что?

– Сай!

– Что Сай?

– Сай к тому же виду относится.

Белая мышь отпрянула:

– Да брось!

– Правда-правда, – изумленная Инга подалась вперед. – Дядюшка Тас, можно вопрос? Прошу!

Силач кивнул, не повернув головы:

– Валяй.

– Извините, если это покажется неуместным... – летучая мышь нервно перебрала крылышками. – Вы ведь... Насекомоядный?

– А то! – фыркнул великан, продолжая мешать суп половником.

– И... Готовите... Еду для грызунов?.. – с легкой растерянностью уточнила Инга.

Силач хохотнул.

– Само собой! Я повар знатный, всему Жаксы известный, ишь, – он бросил на летунью смеющийся взгляд через плечо. – Понравилось угощениеце-то?

– Гусеницы? Ох, они были сказочно вкусные! – Инга невольно сглотнула. – Спасибо!

– То-то, – великан наставительно погрозил пальцем. – Повезло, что ко мне ночевать завалились. Кто ж вам тут, кроме старого Таса, жуков предложил бы? – он склонился над варевом, потянул носом воздух, довольно засопел и, наконец, бросил половник. Нацепив толстые рукавицы, схватил горячую кастрюлю в охапку, играючи снял с огня.

– Тепереча пусть отстоится... – пробормотал в усы, довольно. Грузно обернулся, протопал к столу и сел напротив гостей. Маленькие темные глазки смотрели разом и весело, и внимательно.

– Здоровы будьте! – великан снял рукавицы и уложил тяжелые, мускулистые лапы на стол. – Ты скажи-ка мне, крылатка, откуда малыш? – он прищурил один глаз. – Я-то родичей не встречал у-у – у, сколько, уж не припомню. Порадовала старика, прям. Боялся, оно... Того... Последний я такой, – добавил дядюшка Тас слегка помрачневшим голосом.

Инга содрогнулась.

– Нет-нет, что вы! Селевинии не вымирают, они просто очень редкие. Мать нашего Сая-умелая воительница по имени Гюрза, она... – летунья запнулась. У огромного Таса, сидевшего напротив, вся шерсть внезапно встала дыбом.

– Гюрза? – выдавил он хрипло. Провел мощной лапой по лицу, ошарашенно крикнул. – Ох-хо...

Летучая мышь широко раскрыла глаза:

– Вы ее знаете?!

Великан моргнул. Медленно огладил усы.

– Ну-у... Был знаком, да... – он смущенно почесал за ухом. – Давно. Она... Того... Ну... Так ведь погибла'ж в Нэнэке-улусе! – дядюшка Тас удивленно крикнул. – Слышал, там никто не спасся!

Инга покачала головой.

– Не знаю, о чем вы говорите, но Гюрза жива и здорова. Точнее, была четыре дня назад... – она коротко поведала о пленении зверян сетью у руин Каскабулака. Самара и дядюшка Тас слушали, не перебивая. К окончанию рассказа, силач нервно махал пушистым хвостом. Помолчав с минуту, он встал, налил в кружку пенящийся

золотистый напиток из большой деревянной бочки и, выдохнув, осушил одним глотком. Утер золотые капли с усов.

– Да уж... – Тас вернулся за стол и сел на скамью, скрестив на груди мощные лапы. – Времячко настало, ух. Крылатка, а сколько лет ребенку-то?

Инга моргнула:

– Около полутора, наверно.

– Так он, выходит... Незадолго до Нэнэке-улуса родился, а? – хрипло спросил Тас.

Летунью вдруг осенило, и она отпрянула всем телом:

– Господи! – Инга вскочила. – Вы отец?!

Самара вскрикнула. Силач, глубоко вздохнув, развел могучими лапами.

– Оно... Того... Вроде сходится... – буркнул смущенно.

Пораженные зверяне, моргая, смотрели на великана. Тот совсем смутился, встал из-за стола и вернулся к своей кастрюле.

– Дядюшка Тааааас? – протянула Самара.

– Уж сто годков дядюшка Тас, – буркнул силач, не оборачиваясь.

– Расскажи!

– Не о чем говорить, так-то.

– Но это очень важно, – мягко сказала Инга. – Прошу, расскажите.

Тас, тяжело вздохнув, оставил половник и выпрямился. Оборачиваться не спешил.

– Чо рассказывать-то? – буркнул неохотно. – Года два назад, навестил в Кушмуруне сослуживцев старых, отдохнули знатно, ну... Выпили, как же без этого... Зашел разговор о моем виде, мол, никто отродясь таких зверей не встречал, разумных уж вовсе... Как тут серый касаяк, и не вспомню, где с ним познакомился, возьми да и скажи, что знает одну пулеметчицу!

Дядюшка Тас, со вздохом, вернулся обратно за стол и сел. Перебрал коготками по пестрой скатерти.

– Отправились всей компанией ее искать. Нашли, познакомились, за стол потащили... Пировали всю ночь, я-то готовкой славился уж тогда, наварил для всех лакомств... Всяких... Разных... – буркнул Тас, почесав за ухом. – Ну-у... В общем, что дальше было, ежу понятно. Как утром очнулись, обратка всех взяла, по домам распозлись. Гюрза хуже всех себя чувствовала, отвесила мне по морде да сказала, коль еще раз увидит, оторвет все к чертям... Так и разъехались, – мрачно сказал Тас. –

Слыхал, позже ее из Кушмуруна погнали, когда командиру оторвала-таки, тот лапы распустил. Говорили, отправилась жить в Нэнэке-улус. Я все собирался проведать, собирался, собирался... Пока бац-шмяк! Нэнэке-улус люди спалили. Где ж было промышат узнать-то?

Самара подсела ближе и погладила дядюшку Таса по лапе.

– Почему ты уверен, что Сай твой сын?

Силач вздохнул.

– Не уверен, то-то и оно... Да слишком уж все сходится. Где еще было Гюрзе отыскать подходящего самца аккурат в то же время? Мы-то с ней, глядишь, единственные разумные нашего вида. Отродясь о других не слыхал, а уж я искал... Ну, и еще, – Тас глянул на Ингу. – Та сила, у малыша. Матушка моя, земляца ей пухом, схоже умела.

Летучая мышь чуть не подпрыгнула.

– Ваша мать обладала телепатическими способностями?!

Дядюшка Тас, со вздохом, развел мускулистыми лапами:

– Агась.

– С ума сойти... – прошептала Инга. – А отец?!

– Не знали мы его, – буркнул Тас. Летучая мышь запнулась:

– Простите...

Великан шумно вздохнул и встал.

– В общем, так. Вы с мышатами остаетесь гостить у меня. А я наведуясь в Каскабулак.

Инга и Самара разом вздрогнули.

– Дядюшка Тас... – начала была белая мышь, но силач рывком вскинул лапу:

– Кушайте лучше, сил набирайтесь. Да из норы что б ни ногой! – добавил грозно.

Тяжко ступая, он прошел мимо взволнованных зверян-теплая, могучая шерстяная стена-и скрылся в коридоре.

Глава 9

Не сводя глаз с испуганного человека, мышка медленно сняла шлем.

– Ив? – спросила по-русски дрогнувшим голосом. – Это ты?!

Иван Кулибин уронил фотоаппарат.

– Орби?! – он попятился и прижался спиной к пикапу. Несколько секунд оба, не веря, смотрели друг на друга.

– Ив... – мышка сделала пару шагов вперед-Светлое небо... Как ты здесь очутился?!

Человек с трудом пришел в себя и яростно взъерошил волосы. Опустился на корточки.

– Орби, маленькая моя инопланетянка! – Ив медленно улыбнулся. – Вот это сюрприз... – он вдруг встрепенулся: – Стоп! Элджи ведь приказал вам плыть домой?

– Ты видел Элджи?! – воскликнула мышка.

– Конечно, он работает с нами уже неделю, – кивнул журналист. Орби издала радостный писк.

– Где он?!

– Два дня как улетел в Тибет вместе с Настей и большей частью отряда, – вздохнул Ив. Мышка топнула лапкой:

– Я ему хвост оторву!

– Не злись, ты ведь не знаешь, что мы нашли, – заметил человек. Орби вздрогнула:

– Что?

– Картину. С единорогом, – таинственно произнес журналист.

Мышка несколько секунд недоверчиво на него смотрела.

– Эммм...

– Все объясню, не бойся, – рассмеялся Ив. – А пока, можно я проверю, не убила ли ты наших местных друзей? – он посмотрел на работа за спиной Орби. – Если не трудно..?

Мышка, придя в себя, кивнула и обернулась к меху:

– Яхак, все в порядке, спрячь оружие! – приказала громко. – Этот человек мой друг!

Офицер в кабине растерянно моргнул, но ракеты и пулеметы убрал. Сложив крылья, механическая птица опустилась на землю.

– Мама, может лучше, все же, вернешься на борт и так продолжишь беседу? – напряженно спросил Яхак через громкоговоритель робота.

Мышь фыркнула.

– Лучше сам выходи. Иван Кулибин-одна из причин, почему нам с Элджи удалось спасти брата Киры из секретного института. Он верный друг.

– Замечательно, но я подожду в машине, – твердо заявил офицер. Орби пожала плечами:

– Как угодно... – обернувшись, перешла на русский: – Ив, посади, я могу привести их в чувство!

Журналист, который осматривал лежавших неподвижно после боя зверян, вздрогнул и оглянулся. Присел на корточки, протянул ладонь. Мышка смело запрыгнула ему на руку.

– Мама! – не выдержал Яхак.

– Все хорошо, успокойся уже! – крикнула ему Орби. Ив бережно ее поднял и усадил на корпус дрона.

Воительница подбежала к лишившимся сознания зверьям. Вначале присела над толстухой, прошлась коготками по нервным окончаниям. Массивная мышь дернулась и скрутилась клубком, с писком схватившись за голову. Орби довольно улыбнулась.

С желтым тушканохомяком пришлось повозиться чуть дольше, но вскоре очнулся и он. Ив тут же посадил Орби на плечо, чтобы зверяне не сразу ее увидели.

– Гюрза, Темир! – позвал человек. – Как вы?

Толстуха с трудом села, держась за голову. Ее немного качало.

– Кто... Кто это был?! – выдохнула она по-русски. – Он двигался... Как ртуть! Я никогда такого не видела!

Ив скосил глаза на смущенно улыбающуюся мышку, что пряталась за воротником.

– Гюрза, произошло недоразумение, – сказал журналист. – Вы напали на мою добрую подругу по имени Орби. Она не знала, что я в лагере. Переведи Темиру, пожалуйста.

Желтый грызун тоже пришел в себя и угрюмо следил за человеком-он-то мгновенно заметил мышь у того на плече. Когда Гюрза перевела слова, ведун с трудом встал на ноги, придерживая ушибленную правую лапку.

– Передай, что я поражен ее мастерством и склоняю голову, – глухо произнес ведун. Гюрза так и сделала, добавив от себя:

– ...благодарим, что сохранила нам жизни. Я достаточно хороша в единоборствах, чтобы чувствовать, когда противник способен убить тебя одним ударом. Спасибо, что удержала этот удар.

– Посади меня обратно! – шепнула мышка и, когда Ив исполнил просьбу, спокойно приблизилась к побежденным зверьям.

– Мое имя Орби, я подруга Элджи и прилетела на его поиски, – представилась по-русски. – Извините, что пришлось так с вами... обойтись, я хотела уничтожить дрон, поскольку не знала, что в лагере Иван Кулибин, мой старый друг.

Темир и Гюрза с легким недоверием оглядели хрупкую, маленькую по сравнению с ними мышь. Следопыт сцепил лапки перед грудью и коротко поклонился:

– Мастер, – сказал сухо.

– Мастер, – по-русски повторила Гюрза, сделав тот же жест. Смущенная Орби почесала за ухом.

– Да, я неплохо владею боевыми искусствами... – отозвалась скромно. – Но и вы, оба, прекрасные бойцы. Ты чуть не победил, – сообщила она желтому. Гюрза перевела.

Следопыт слабо улыбнулся.

– Темир, – представился, коснувшись груди.

– Гюрза.

– Очень приятно! – Орби вежливо поклонилась. – Не волнуйтесь за здоровье, я ничего вам не повредила, а ушибы скоро пройдут.

Гюрза покачала головой.

– Твое мастерство сравнимо с нашим учителем, великим Джамухой. Не думала, что кто-либо в мире на такое способен.

– Ох, да ладно... – Орби смущенно взяла в лапки хвост. – Главное, никто не пострадал. Ив! – она обернулась. – Ты ведь можешь связаться с Элджи?

– Конечно, – журналист протянул ей руку. – Идем.

Радостно пискнув, Орби прыгнула на ладонь человека, скользнула по рукаву и заняла любимое место на плече. Ив улыбнулся.

– Сколько ж прошло лет? Десять?

– Двенадцать, – отозвалась мышка.

– А кажется, будто вчера...

– Почему ваш отряд разделился? Что вы ищете в руинах?

Человек медленно двинулся к палатке.

– Мы хотим спасти выживших, – сказал коротко. – Тут, под развалинами, в бункере спят семь сотен зверян, почти все население сгоревшего города. Во время атаки я был в Семипалатинске, позвонила Настя и приказала срочно купить экскаватор. Я, пока не доехал, и представить не мог, что она встретила Элджи посреди казахских степей!

– Настя Тимофеева? – уточнила Орби. – Та самая?

– Конечно.

– Интересно!

– Да уж, наши с Настей жизни после знакомства с говорящими мышами стали интереснее, это факт, – фыркнул Кулибин. – Она превратилась в наемницу, спеца по безопасности, а я много лет прятался от преследования ФСБ.

– Ох... – Орби сжалась и юркнула под воротник сорочки. – Извини...

– Да ты-то каким хвостом виновата? – рассмеялся человек. – Решение я принял сам, тем утром, в парке, под деревом. И хотя бывали дни, когда сожалел... – он медленно покачал головой. – ...нет, вру. Не жалел я о том мгновении ни разу, Орби.

Смущенная мышка робко пискнула. Журналист развел руками.

– Так получилось, что меня и Настю нанял один богатый и могущественный человек, потерявший сыновей на борту взорванного авианосца, – объяснил он. – Первоначальным заданием было отыскать зверян, доказать, что вы реальны и что правительство США сознательно принесло в жертву семь сотен собственных моряков, поленившись их эвакуировать.

Орби встрепенулась:

– Первоначальным? Все изменилось?

– О, да... – журналист наклонился, зашел в палатку и сел на раскладной стул рядом с огромным пластиковым боксом, заменявшим столик. Вздыхнул. – Если б мы только знали...

Орби спрыгнула с его плеча на стол и, в волнении, подняла глаза.

– Я слушаю!

Ив скосил глаза на «курицу», что тоже вошла в палатку, повизгивая моторчиками. Яхак в кабине меха держал человека на прицеле.

– Недурно ты подготовилась, – заметил журналист. Орби развела лапками:

– Сам понимаешь, после бомбежки...

– Ты вы отыскивали сарков? – встрепенулся Ив. – Элджи говорил, ваша маленькая колония изолирована уже много лет.

– Он не знал, – грустно ответила Орби. – Сарки нашли нас сами, два дня назад.

Человек щелкнул пальцами:

– Ах да, последняя радиограмма! Надо же, забыл... Стареем, стареем...

– Тебе-то с какой стати помнить о всяких мышинных делах! – фыркнула Орби. Ив с трудом улыбнулся.

– Рад тебя видеть, – сказал тихо. Мышка вздрогнула.

– Я тоже, – призналась искренне. Кулибин осторожно протянул палец и почесал крохотную подругу за ухом. Та благодарно пискнула.

– Мышеловок в моем доме нет, – подмигнул журналист. – А ты, пушистая, научилась летать?

Орби уселась на стол и весело махнула лапкой.

– Умею пилотировать дроны и самолеты, сойдет?

– Сойдет... – Ив умолк и несколько секунд, со странным выражением, разглядывал мышку. Та робко вертела в лапках собственный хвост.

– Даже не верится... – прошептал человек. Орби улыбнулась.

– Вот такая я сказочная!

Ив откинулся на спинку стула и ответил внезапно посерьезневшим голосом:

– Ты и представить не можешь, моя маленькая инопланетянка.

Он помолчал.

– Как там Кира и ее брат? Вам ведь удалось его спасти в тот день?

Орби опустила голову.

– Итан погиб, – ответила тихо. – А Кира так и не сумела с этим смириться. Десять лет назад она ушла из колонии и порвала все контакты, с тех пор мы ни разу о ней не слышали.

Человек провел рукой по волосам:

– Ох, пушистик... Соболезную.

– Спасибо.

Ив покосился на работа у полога.

– Твой спутник владеет русским?

– Вряд ли, но я уверена, он все записывает. Позже ему переведу, – Орби наклонилась чуть вперед. – Я слушаю, Ив. Что вы нашли?

Журналист помолчал.

– Помнишь твои слова тем днем, на крыше посольства? – спросил он негромко.

– Ты сказала «...да так, посмотрелась фильмов про космос».

Орби моргнула.

– Ты на что намекаешь? – она напряженно прижала к голове ушки.

Ив подался вперед:

– А сама подумай, – ответил спокойно. – Могли ли ученые, пусть гениальные, создать в Германии 40-х годов аппарат ускорения времени? Который захватили американцы после победы, и даже сумели клонировать, не имея ни малейшего понятия о лежащих в основе теориях?

Орби сглотнула.

– Погоди, погоди, погоди... – она встала и сделала пару шагов навстречу человеку. – Ты хочешь сказать... Постой, дай с мыслями собраться, – она яростно почесала за ухом. – Вы что, раскопали в этих руинах нечто... ИНОПЛАНЕТНОЕ?!

Глядя ей прямо в глаза, журналист медленно кивнул.

***

Мышка попятилась и просто села на хвост. Открыла рот, попыталась что-то сказать, но лишь беспомощно пискнула.

– Вижу, начинаешь догадываться, почему Элджи и Настя все бросили к чертям и рванули в Тибет, – усмехнулся Кулибин.

– А... Но... – Орби зажмурилась и прижала лапки к вискам. – Нет... Не верю!!! Как?! Что вы тут откопали?! Картину с единорогом?! Космическую лошадь?!

Ив вздохнул.

– Если бы, – он сцепил перед грудью пальцы. – Орби, милая моя пушистая инопланетянка. Видишь ли, какое дело... Немцы не строили аппарат ускорения времени. Они его нашли.

– Где? – слабо пискнуламышь.

– В Тибете, – мрачно сказал журналист.

Они с Орби посмотрели друг другу в глаза.

– Мы не знаем точно, что обнаружила в Гималаях научная экспедиция знаменитого немецкого оккультиста, основателя «Общества Туле», Рудольфа фон Зеботтендорфа, – начал рассказ Ив. – За последние дни я перерыл кучу архивов, не спал ночами. Но Иван Кулибин, как-никак, журналист! – добавил он гордо-И хорош в своем деле! – человек отрывисто кивнул.

– Фон Зеботтендорф скрывал от финансировавшего их Гиммлера, что все «открытия» его общества подтасованы. Он, еще в начале 20-го века, выдумал теорию о нордической расе, древних предках арийцев, что некогда правили Атлантидой. Крупнейшие нацисты, такие как Рудольф Гесс и даже сам Гитлер, проявляли к его учению живейший интерес, ведь Зеботтендорф обещал научно доказать превосходство арийцев. Он и сам, как мне кажется, свято верил в эти нелепости... А особенно-что гипербореи, до сих пор, живут в мифической стране Шамбала из тибетских легенд, в краю вечного солнца, что скрыт в Гималаях, – Кулибин тяжело вздохнул.

– Рассказывай дальше... – прошептала потрясенная Орби. Ив кивнул:

– С каждым годом его голословные теории теряли сторонников, «Общество Туле» распалось. Но, почти забытому, Зеботтендорфу все же каким-то чудом удалось убедить фашистов выделить деньги на последнюю экспедицию. Которая, как ни странно, в неприступных горах Тибета действительно открыла Шамбалу-хоть, разумеется, и вовсе не ту, что все искали... – журналист наклонился вперед. – Сам Зеботтендорф хорошо понимал, что найденное не было создано предками арийцев. Но он не мог допустить, чтобы теории нордического превосходства разбились вдребезги. И решил скрыть ото всех находку, даже от собственного патрона, Гиммлера. Погрузив на вездеходы все, что поместилось, нацисты с помощью взрывчатки похоронили остальное подо льдом, – Ив вздохнул. – Однако, Зеботтендорф, несмотря на явное безумие, в глубине души оставался ученым и не мог вынести мысли, что самое великое открытие в истории человечества, ЕГО открытие, так и канет в небытие. И тогда он записал невидимыми чернилами истинные результаты своей экспедиции, приложив

точную карту, на обратной стороне картины, что висела в его личном кабинете в замке Вевельсбург...

– Ох! – вырвалось у Орби. Ив кивнул.

– Да-да.

– С ума сойти!!!

– Точно.

– Но как вы сообразили, что на холсте сзади невидимая карта?! – спросила пораженная мышь. Ив, рассмеявшись, развел руками:

– Элджи, – сказал просто. Орби завороженно подалась вперед:

– Открытие совершил он?!

– О, да... – Ив подмигнул. – Повезло тебе с мужиком.

Страшно смущенная и, в тот же время, полная гордости за друга, Орби сжалась в комочек. Человек ласково погладил ее по шерстке.

– Вылазь, рассказ еще не окончен.

– Я слушаю... – сдавленно пискнула мышь.

Кулибин улыбнулся.

– Когда, в поисках выживших зверян, мы раскапывали руины Каскабулака, экскаватор извлек из разрушенного здания кусок стены, на котором висела совершенно не пострадавшая от бомбардировки картина. Изображение единорога мне показалось красивым и любопытным, но и только; однако помогавшие нам зверяне, особенно Темир, пришли едва ли не в религиозный восторг. Элджи тоже ощутил некую мистическую силу, исходившую от полотна; но он материалист до мозга костей и, естественно, решил разобраться...

Орби стукнула себя по лбу.

– Естественно!

– Знакомо, да? – рассмеялся Ив.

– Ты и представить не можешь.

– Догадываюсь... – журналист подмигнул. – Я продолжил раскопки, ну, а Элджи погрузился в изучение картины. И обнаружил, что ее история гораздо интереснее любой мистики! Видишь ли, Орби, эту картину фон Зеботтендорф тоже доставил из Тибета. И рисовали ее не люди!

– С ума сойти! – мышка открыла рот. Ив кивнул:

– Да-да. Правда, это мы поняли чуть позже, когда на обратной стороне холста обнаружился текст. Если коротко-Зеботтендорф нашел инопланетян. Он нигде не упоминал их космическое происхождение, но детально описал вмерзшие в лед останки существ, и людьми они не были точно.

– Зверяне? – взволнованно спросила Орби. Ив покачал головой:

– Нет, это были крупные гуманоиды, выше человека, прямоходящие, с развитыми передними конечностями. Помешанный на мистике, Зеботтендорф упоминал даже египетских богов, особенно Анубиса и Бастет, но сам же уточнял, что останки «не похожи на людей с головами животных». А главное, Орби, вся их техника управлялась телепатически. Именно телепатическое воздействие от чего-то в картине-то ли особой краски, то ли материала холста-и вызывало у зверян мистические ощущения.

– Вот оно как...

– Угу. Тайно доставленные с гор артефакты изучали последние верные Зеботтендорфу ученые, состоявшие когда-то в «Обществе Туле», за пару лет им удалось разобраться, как функционирует ускоритель времени. Другие чудесные находки так и остались никем не понятыми, они хранятся в Германии, в секретных подземельях замка Вевельсбург. И, насколько мне удалось разузнать, эти подземелья до сих пор не обнаружены.

– ФАНТАСТИКА... – выдохнула Орби, взволнованно размахивая хвостиком.

– Да уж, – Кулибин развел руками. – Такого не ожидал никто. Меня и двух солдат оставили в лагере, продолжать поиски выживших зверян, нам помогают Темир и Гюрза. А все прочие, во главе с Элджи, полетели в Тибет.

Мышка целую минуту молчала, лихорадочно осмысляя сказочные новости. Наконец, придя в себя, подняла взгляд.

– Можешь им позвонить?

– Конечно, – Ив вытащил мобильник и набрал номер. Прослушал сообщение, что абонент отключен. – Наверное, уже в самолете...

Орби встала.

– Распечатаешь мне копию карты, что нашел Элджи? Я полечу в Тибет и встречу его там.

– Полетишь? – опешил журналист. Мышка улыбнулась:

– Ну не пешком же я сюда добиралась, Ив. У нас дрон.

Из громкоговорителя робота внезапно послышался голос Яхака:

– Мама, лететь в Тибет форменное безумие, – сказал он по-русски. – Подумай, какие шансы. Мы точно разминемся, да и пересечь столько стран на дроне, все равно что танцевать на языке голодного кота. Эджи в безопасности, с ним целый отряд людей. Он скоро вернется!

Кулибин недоверчиво поднял брови:

– Мама? – переспросил и, медленно, улыбнулся. – Вот так сюрприз!

– Долгая история, – с досадой отозвалась Орби. Помолчала, раздумывая. – Ладно, сначала надо связаться и договориться о встрече, лететь вслепую и впрямь неудачная идея. Пошли им СМС, чтобы перезвонили сразу, как вернется сигнал!

– О-кей, – с улыбкой ответил Ив. – А пока ждем, приглашаю в гости! – он обвел рукой палатку. – Не бог весть, какие хоромы, зато у меня есть ТАКОЕ... – он подмигнул, подошел к холодильнику у стены и вынул коробочку, обернутую фольгой. – Настоящий французский сыр «Бри». Темир и Гюрза от него просто разум теряют, – добавил он заговорщицким тоном.

Орби восхищенно приоткрыла рот.

– С ума сойти... – она облизнулась. – Я не ела сыра уже... Двенадцать лет?! – мышка ахнула. – Какой ужас! – подбежала к краю стола и помахала лапкой Яхаку: – Вылазь! Нас приглашают на пир!

– Мама... – попытался офицер, но Орби гневно уперла лапки в бока и топнула ногой.

– Вылезай тебе сказано!

Глава 10

Дядюшка Тас ушел с рассветом, оставив дом на Самару. Инга, скрепя сердце, была вынуждена признать, что обстановка требует затаиться. Маленький Сай, по-прежнему, капризничал и рисовал в тетрадке Гюрзу, но потихоньку ребенок привыкал к

компании Тумана и Инги. В этом очень помогала веселая, жизнерадостная Самара, с которой малыш моментально сдружился.

Туман тоже, хоть и медленно, приходил в себя, шок от событий последних дней отпускал. Самара часами расспрашивала его о жизни в Европе, о дворянстве, рыцарстве, странных традициях, и серый мышонок оживал, вновь превращаясь из запуганного, дрожащего детеныша в смелого и неугомонного мечтателя-дварга. К вечеру, все четверо уже прекрасно знали друг друга.

На закате Инга, окончательно смирившись с вынужденным отдыхом, решила изучить трофейную тетрадь Курта Ягера. Притащила светильник, ручку, блокнот. Самара, Туман и Сай тут же устроились рядом. К сожалению, никто, кроме летучей мыши, не умел читать по-немецки.

Некоторое время Инга листала тетрадь. Курт писал обрывками, стремительным нетерпеливым почерком, характерным для активных, деятельных людей. Большинство записей ни о чем не говорили, хотя некоторые-вроде «...вскрытие образца показало...» или «...в спинномозговой жидкости найдено...» – вызывали зубовой скрежет. Впервые, любопытная информация появилась лишь к середине тетради.

– Что это? – удивленно спросил Туман, когда на очередном листе обнаружили наброски. Курт-или кто-то другой-изобразил нескольких странных существ, как обычно рисуют чертежи: фас, профиль, вид сверху. Неизвестные гуманоиды разительно отличались друг от друга; в конце страницы была схематично изображена человеческая фигура, явно для масштаба. Глубоко встревоженные и заинтересованные, Инга, Туман и Самара придвинули лампу поближе.

Каждый незнакомец превосходил человечью фигурку ростом. Первый-нарисованный с наибольшей детализацией-был необъяснимо похож на египетского бога Анубиса, но, хоть голова и сильно напоминала шакала, остальное тело явно отличалось от человеческого. Так мог бы выглядеть волк-оборотень, застрявший посреди трансформации-уже вытянувшийся и прямоходящий, но со звериными ногами, хвостом и выпуклой грудной клеткой.

– Самара, а ну тащи твой барельеф! – в волнении попросила Инга. Белая мышка, вздрогнув, юркнула наружу и быстро вернулась с осколком. Зверьяне уложили его на тетрадь, рядом с наброском.

– Так вот, что разглядел Курт... – прошептал Инга. Самара восхищенно встопорщила хвостик:

– Ох-хо-хонюшки!

Одно из таинственных существ в скафандрах, что было изображено на барельефе, определенно относилось к тому же виду, что и набросок «оборотня».

Туман вскрикнул:

– А вот второй! – он указал на следующий рисунок. Здесь деталей было меньше, но сходство с кенгуровым динозавром с барельефа прослеживалось безусловное. Следующий набросок изображал нечто среднее между птеродактилем и крыланом, еще один-наименее четкий-показывал грациозную антропоморфную львицу. Самара, в глубоком волнении, подняла голову:

– Они выглядят, как зверяне, но еще и как... люди?

– Нет, – коротко ответила Инга. – Это не помесь человека со зверем.

– А что?

– Эволюция, – тихо сказала летучая мышь.

Повисла густая тишина.

– В каком смысле? – спросила, наконец, Самара.

– Взгляни на нас, – отозвалась летунья. – Мы разумны, но внешне почти не отличаемся от предковых форм. Да, вместе с разумом мы обретаем долголетие, органы для звукового общения, цветное зрение и прочее, но, морфологически, мы всё те же звери.

Белая мышь озадаченно моргнула.

– И-и – и... Что?

Инга молча расправила одно крыло.

– У меня нет рук, вот что, – ответила сухо. – Мне приходится проявлять чудеса ловкости, заменяя их лапками и коготками на суставах. И все равно, мне тысячекратно труднее работать с предметами, чем, допустим, тебе.

Она кивнула на рисунки в тетради.

– А представь, если разум получит собака? Или лошадь с ее копытами? По сравнению с человеком, любое такое существо будет калекой.

– Но это глупо! – запротестовал Туман. – Есть много разумных птиц, тот же Вогель, что гоняется за нами!

– Даже Вогелю требуются патронаж Курта и дрессированные ласки, – глухо ответила Инга. – Малыш, я же футуролог. В Институте Генезиса мы годами размышляем

надо всем этим. Вот, – она кивнула на тетрадь. – Перед тобой следующий этап развития зверян.

Самара решительно помотала головой.

– Нет. Это неправильно. Становиться похожими на людей?! Да не хочу я!

– Ты уже сейчас похожа, – с трудом улыbnулась летунья. – Если забыть о росте, ты обычный прямоходящий гуманоид, как и любой человек. Просто крохотный и с хвостом... – она вздохнула. – Друзья, людей ведь не создали такими. Они продукт эволюции, длившейся миллионы лет. Разумное существо обязано иметь умелые, сильные руки, которые не используются для ходьбы. Оно должно жить достаточно долго, чтобы успеть передать детям накопленный опыт. Ему требуется быстрый метаболизм, поскольку если на пропитание уходит почти все время бодрствования, как у травоядных, не останется стимулов и возможностей совершенствовать разум... Жизнь очень сложна, Туман. И окружающий нас жестокий мир жесток неспроста, – грустно закончила летунья.

Серый мышонок вдруг встрепенулся:

– Проект Гenezис! – воскликнул он. – Помните?!

– Конечно, – удивленно ответила Инга.

– Если верить жрецам, всех зверян-в отличие от людей-как раз создали! Потому-то мы и обрели только разум, а не все, что к нему прилагается природой!

Летучая мышь кивнула:

– Ну да, так и есть...

Туман, в волнении, указал на тетрадь:

– А эти существа другие, Инга! Их не проектировали, они развивались!

Самара ахнула:

– Точно!

– Понимаешь?! – Туман вскочил. – Перед нами не «следующее поколение» зверян-существа, подобные нам, вообще не могли бы самостоятельно появиться!

Он указал на рисунок «Анубиса»:

– Вот, как будет выглядеть собака, получившая разум не в подарок!

Инга в глубокой задумчивости обернула себя крыльями и долго молчала.

– Нет, – сказала она наконец. – Нет, малыш. Не все так просто.

– Почему?! – воскликнул дварг.

– Потому, что волки древнее людей, но так и остались волками, – коротко ответила Инга.

Она расправила длинное крыло и провела кончиком вдоль рисунков.

– Для возникновения разума, нужен стимул. То, с чем не справятся клыки и мускулы. Стимул должен длиться сотни тысяч, миллионы лет, не вызывая, однако, вымирания, а заставляя зверей меняться. Выживать должны наиболее умные, а не сильные, понимаешь? – она вздохнула. – Ладно, мы можем гадать еще месяц, но не приблизиться к истине. Эту тетрадь надо доставить в Институт, ее должны изучать эксперты, – Инга запнулась. – Только... Как узнать, кому верить?

Белая мышь поежилась.

– Ох-хохонюшки... Предатели-зверяне, работающие на людей! Я о таких и не слышала!

– Мы живые существа, Самара, – внезапно отозвался Туман. – Не раса с заранее прописанным поведением из человеческой ролевой игры. Все мы разные, у каждого есть собственные мечты, мораль, память. Безжалостный враг отыщет подход к любому.

Инга кивнула:

– Туман прав. Не далее, как позавчера, я сама была готова раскрыть Курту любые секреты, боясь за жизни друзей... – она тяжело вздохнула. – В общем, пока что, нам твердо известно лишь одно: в дневнике у человека, охотящегося на зверян, есть зарисовки существ, которых никто из нас не видел. И те же самые существа изображены на кусочке камня, найденного в Тибете.

Самара задумчиво изогнула хвостик.

– А не мог Курт просто обнаружить другой камень, побольше? Или, там, наскальную живопись...

Инга кивнула.

– Возможно. Так, или иначе, но его зарисовки не выдуманы. Он что-то видел. И был поражен, обнаружив новое свидетельство на твоём барельефе, Самара... – летучая мышь помолчала. – А принесите-ка ту странную штуку, что я ощутила телепатически?

Туман вскочил и, спустя мгновение, на ковер перед зверьями лег блестящий, ламинированный пленкой артефакт. Теперь, в спокойной обстановке, стало заметно, что он действительно очень похож на человеческую клипсу для волос; металлический, блестящий, с двумя подпружиненными овальными плоскостями, снабженными мягкими гелевыми накладками. Внимательный осмотр раскрыл новые детали; по

внутренней дуге, на самом краю одной плоскости, блестели десятки круглых контактных площадок цвета меди, а торцы шарнира оказались кнопками. Инга задумчиво поводила чувствительной перепонкой крыла по находке.

– Я чувствую слабый зуд, будто напряжение проходит на корпус, – сказала негромко. – Только чувствую разумом, а не телом.

– Что же это такое? – в волнении спросил Туман. Летунья, вздохнув, обратила взгляд к белой мышке:

– Самара, ты лучшая в технике. Есть идеи?

Изобретательница подняла «клипсу» обеими лапами и, некоторое время, тщательно изучала.

– Ну, сразу могу сказать, ее носили на ухе, – сказала мышь после осмотра. – Огромном ухе, значительно большем, чем у человека. И весьма чувствительном; видите гелевые подушечки? – она показала. – Мощность пружины не так велика, чтобы требовалась подобная защита... Если только ушная раковина не отличается особой хрупкостью, – мышь подмигнула и провела пальчиками по собственному розовому, тонкому ушку. – Контакты, как видите, лишь на одной плоскости; полагаю, они касались внутренней стороны раковины, где кожа наиболее чувствительна.

– ...и где огромное число нервных окончаний... – пробормотала Инга. Самара закивала:

– Именно!

– Так что же, это своего рода телепатический... коммуникатор? – летучая мышь взволновано подалась вперед.

Самара пожала плечами.

– С тем же успехом это может быть гарнитура, персональный кинотеатр, один из пары наушников, устройство против бессонницы или вообще медицинский прибор. Мы знаем слишком мало, Инга.

Летунья хотела ответить, но запнулась, когда Сай дернул ее за крыло. Пока взрослые беседовали, белый мышонок что-то рисовал в своем блокнотике, и сейчас протягивал лист Инге. Там, вновь, был легкими штрихами намечен черный безглазый орел, но, в этот раз, рядом с птицей, малыш изобразил некое подобие сказочного средневекового замка. Под его основанием, вниз тянулись широкая изогнутая линия, заканчивавшаяся густо заштрихованным кругом, в центре которого Сай нарисовал несколько схематичных хвостатых фигурок.

Взволнованная летунья подняла взгляд:

– Кто это?

Сай коснулся груди, показал пальчиком на летучую мышь, на Тумана, на Самару-и снова на рисунок. Инга судорожно вдохнула:

– Мы? Мы... В подземельях?

Мышонок закивал и повернул лист обратной стороной. Летучая мышь вздрогнула, отпрянула, мгновенно узнав рисунок:

– Поющая-во-сне! – воскликнула она. – Саджа-пророчица!

Сай кивнул. Пораженная Инга подалась вперед:

– Малыш, откуда ты про нее знаешь?!

– Гюрза говорила, что встретила саджу в пустыне, – нервно сказал Туман. – Птица предсказала твое спасение, Инга.

– Мое... спасение?!

– «Блеклый Воин в царстве мертвых жизнь отыщет, что крылатой, дивной примет облик девы, путь в грядущее несущей» – процитировал по памяти дварг. – Блеклый воин это Темир. Он спас тебя в том ужасном отравленном Сизом каньоне.

Растерянная летунья накрыла голову крылом и целую минуту сидела молча.

– С ума сойти, – выдавила она наконец.

Туман судорожно вздохнул:

– А еще, птица тогда спела... – он зажмурился – «Под землю, под море, под горы, герои бесстрашно сойдут, отыщут дорогу к свободе, но сами в пути пропадут. Сплетаются жизнью их нити, разостлана тайная ткань, последние пишет страницы судьбы беспощадная длань»

– Вау, – только и сказала Самара.

Туман обратился к ней испуганный взгляд.

– Поющая-во-сне предвидела, что мы спустимся в подземелья и найдем путь к спасению для всех зверян, но обратно уже не вернемся, – сдавленно шепнул он. Сжался в комочек. – Пророчества... Всегда сбываются, ведь правда? – спросил тихо. – В смысле... Если кто-то узрел будущее, оно непременно настанет, иначе его не удалось бы увидеть... Ведь так?

– Никто не может видеть будущее, – слегка дрожащим голосом возразила Инга. Туман сглотнул.

– Темир мог, – выдавил с трудом. – Могла и саджа.

– Это антинаучная мистика, малыш.

– Нет, – возразил мышонок. – Мы просто еще не знаем, как такое возможно. Не отрицай очевидное, Инга. Игнорируя вопрос, ответ не найти.

Самара внезапно подняла лапку:

– А я знаю, как такое возможно, – заметила спокойно.

Все, даже маленький Сай, обратили к ней изумленные взгляды. Белая мышка кивнула:

– Тахионы.

– В смысле?! – Инга недоуменно моргнула.

– Сверхсветовые частицы, движущиеся обратно во времени. Солнце излучает их в колоссальном количестве, примерно, как нейтрино... – мышка улыбнулась. – Расправь крыло?

Удивленная летунья исполнила просьбу. Самара провела лапкой вдоль мягкой лиловой перепонки.

– Прямо сейчас, вот в этой подземной норке, каждую секунду наши тела пронзают триллионы солнечных нейтрино, – сказала серьезно. – Потоки призрачных частиц пробивают всю Землю насквозь, как капли дождя не замечают облаков. Так же и с тахионами, но они движутся быстрее света, а значит, нашим глазам покажется, будто их поток вливается в Солнце из космических далей, а не истекает из него.

Белая мышь уселась на ковер в позу лотоса и, задумчиво, скрестила на груди лапки.

– Океан темной энергии, что телепаты умеют модулировать, передавая информацию на огромные расстояния, – Самара наклонилась вперед и коснулась пальцем лба летучей мыши. – Твой мозг способен улавливать и изменять темную энергию. А что, если ведуны и провидцы развили эту способность еще дальше? Что, если они способны ощущать и излучать тахионы?

Инга растеряно развела крыльями.

– И чем это поможет?..

Белая фыркнула:

– А ты задумайся, – она подалась вперед. – Я много читала о ведунах вроде вашего Темира. Они, в действительности, не предсказывают будущее, а только чувствуют заранее собственную смерть. То есть, ловят всплеск тахионов, что излучит

их собственный мозг в момент гибели-тахионы движутся обратно во времени, помнишь?

– Господи... – прошептала шокированная Инга-Ну конечно...

Туман от изумления раскрыл рот.

– Невероятно!

Самара смущенно улыбнулась:

– И никакой мистики! – она подмигнула друзьям. – Птица-предсказательница, очевидно, еще более чувствительна к тахионам и способна улавливать смутные картины грядущего, подобно тому, как ты, Инга, строишь в голове изображение по эху твоего ультразвукового сонара.

Белая мышка на миг задумалась и вдруг щелкнула пальцами:

– Да! Парадокс! – она возбужденно вскочила на ноги. – Туман, ты думаешь, раз кто-то увидел будущее, оно непременно должно наступить? А вот ни хвоста! – торжествуя заявила Самара, едва не подпрыгивая от волнения. – Разве мы видим будущее? Мы видим поток тахионов, частиц, летящих из будущего в прошлое. Видит и впитывает их наш мозг, в текущем времени, и хоть само событие для нас в будущем, но для потока тахионов оно В ПРОШЛОМ, понимаете?! Когда ведун ощущает свою смерть, он изменяет будущее и смерть уже не наступает. Но как же он мог ощутить событие, если оно так и не случилось?! Да очень просто-свет от лампочки достигнет наших глаз, даже если лампу разбить! Фотоны-то она уже излучила! Поток тахионов, что ловит мозг ведуна, летит сквозь время в прошлое от источника, и даже если источник убрать, относительно потока это уже случится в будущем! С ума сойти!

Туман вскрикнул.

– Ну конечно! – он схватился за голову. – Вот, почему ведуны не могут предсказывать события, уже предсказанные другими-их, попросту, больше нет в будущем!

– А вот про это я не знала, – удивленно заметила Самара. Туман широко раскрыл глаза и зажал лапкой рот.

– Ох... Это ж их тайна... А я проболтался... – он обратился к белой мышке умоляющий взгляд: – Не говори никому, пожалуйста?

– Без проблем! – улыбнулась Самара.

Маленький Сай недовольно дернул Ингу за крыло и вновь протянул ей рисунок. Указал на темный круг с фигурками и сделал вид, словно бежит на месте. Летучая мышь вздохнула.

– Мы не можем пока спешить в тот замок, прости. Мы прячемся от врагов.

Сай замотал головой и ткнул пальцем в нарисованного орла. Инга встрепенулась:

– Малыш, ты по-прежнему его слышишь? – спросила с волнением. Мышонок покачал головой и указал на сетчатый шлем, откуда провода тянулись к ранцу у него за спиной. Летунья закусила губу:

– Понятно, щит не только делает тебя невидимым для врагов, но и перекрывает телепатию...

Сай грустно кивнул. Инга бросила на Самару горящий взгляд:

– Снаружи сейчас ночь?

Белая мышь отпрянула и, решительно, покачала головой:

– Нет, Инга, нельзя! Курт не должен знать, что Сай по-прежнему в районе Жаксы, люди должны верить, что мы скрылись на поезде!

– Он ведь обнаружит пропажу тетради.

– И решит, что ее похитила ты, – кивнула Самара. – Помнишь, он чувствовал твое присутствие в лагере?

Летунья стиснула зубы.

– Проклятие... Что же делать, как устроить сеанс связи?

Белая мышь покачала головой.

– Никак. Мы прячемся, помнишь? Лежим на дне! Привлекать внимание сейчас – просто самоубийство. Если Курт догадается, что его цель до сих пор рядом, он окружит поселок выжженным ядовитым кольцом, которое нам не пересечь, и вытравит на поверхность газовыми гранатами!

– Ох... – Туман сжался в комочек. – Ты словно такое видела...

– Видела, – глухо отозвалась Самара.

Летучая мышь уже открыла рот, чтобы ответить, но запнулась, взглянув на Сая. Белый мышонок, оцепенев, лихорадочно к чему-то приняхивался. Внезапно подпрыгнув, он со всех лап рванулся к дверям. Туман попытался его поймать, но Сай увернулся и скрылся в коридоре; все повскакали на ноги.

– За ним! – воскликнула Самара. Зверьяне выбежали из комнаты, но застыли при виде двух массивных, толстых мышей, напоминавших морских свинок. Сай, обливаясь слезами, повис у одной на шее.

– Ну, ну... – плачущая Гюрза стиснула сына в объятьях. – Все хорошо, малыш, теперь все хорошо...

Позади, улыбаясь в усы, стоял запыленный и уставший дядюшка Тас.

***

Прошло немало времени, прежде чем страсти слегка поутихли и все собрались на кухне. Дядюшка Тас накрыл большой стол, а сам у плиты готовил главное блюдо. Сай так и сидел у матери на руках, отказываясь ее отпустить.

– ...и тогда она прямо сверху свалилась на ласку, да так ей врезала, что злыдню аж отбросило... – захлебываясь, рассказывал историю их приключений Туман. Гюрза, то и дело украдкой утирая слезы, слушала молча, лишь крепче прижимая к себе ребенка. Инга и Самара скромно молчали.

Когда дварг, наконец, закончил, селевиния обернулась к летучей и белой мышкам, с огромной признательностью склонила голову и коснулась лапкой сердца.

– Я навеки у вас в долгу, друзья, – выдавила слегка дрожащим голосом. – Спасибо. Спасибо! Вы... Я... – она запнулась и вновь вытерла слезы. – Простите... Совсем что-то раскисла... – усилием воли взяв себя в лапки, воительница ласково потерлась носом о шерстку Сая. Вновь подняла взгляд:

– Где угодно, когда угодно, только позовите, – сказала жарко. – Горы за вас сверну!

Инга смущенно отвела глаза, Самара почесала за ухом. Гюрза что-то шепнула Саю, и малыш весело рассмеялся.

– Какие теперь у вас планы? – робко спросила летунья. – Останетесь жить с отцом ребенка?

Гюрза метнула взгляд на бугрящуюся мышцами спину дядюшки Таса, что колдовал у плиты. Помолчала.

– Вряд ли, – ответила после длительной паузы. – С меня довольно этой страны, облав, травли и страха. Как только Темир и... – Гюрза запнулась. Скрипнула зубами. – ...и люди спасут выживших в Каскабулаке, мы с сыном отправимся в путь.

– Куда?

– Туда, где нет людей, – твердо отозвалась селевиния. – В колонию на островах Тристан да Кунья, в Атлантическом океане. У меня даже есть приглашение от одного из их лидеров, Элджи.

Сай встрепнулся и вопросительно посмотрел на мать. Та, с трудом, улыбнулась:

– Да, малыш, тот самый. Я... Решила не отрывать ему голову. Пока что.

Мышонок счастливо пискнул и спрятал мордочку в шерсти на груди селевинии.

Гюрза с непередаваемой лаской обняла его крепче.

Инга подалась вперед:

– Летите со мной и Туманом в Европу! – предложила она горячо. – В Институте Генезиса безопасно, у вас будет светлое уютное жилье, много еды, а главное-друзья и важнейшая цель на свете, спасти зверян!

Гюрза склонила голову набок:

– Безопасно? – переспросила с легкой иронией.

Инга твердо кивнула:

– Институт существует уже много лет, он расположен в Швейцарии, в заповеднике, где людей практически не бывает. Зверяне в Европе живут совершенно не так, как здесь, мы очень редко пересекаемся с людьми и уж точно нет и речи об ужасных облавах или геноциде!

Гюрза тяжело вздохнула.

– Если б все было так просто...

– А что мешает? – негромко спросила Самара. – Я вот, например, полечу.

Инга радостно обернулась к подруге. Та с улыбкой развела лапками:

– Мой дом разрушен, повсюду рыскают люди да ласки, а еще и тайна тетради Курта не дает покоя. Думаю, Институт-как раз то место, где имеет смысл начинать новую жизнь.

– Да! – воскликнул Туман. – Ура!

Гюрза в глубоком сомнении огладила усы. Летучая мышь подалась вперед всем телом:

– Отправиться в колонию на острова можно всегда. Но одинокому зверянину с ребенком попасть туда будет непросто. А у нас в Институте есть несколько странствующих альбатросов, способных пересечь Тихий Океан без посадки. Если жизнь в Швейцарии не понравится, обещаю-никто и слова не скажет; сядете на птицу и спустя пару дней приземлитесь в колонии. Только я крепко сомневаюсь, что вам у нас не понравится, – добавила она, подмигнув.

Селевиния молчала целую вечность.

– Ладно, посмотрим, – решила она наконец. – Пусть вначале Темир откопает выживших, а там еще разок все взвесим, прикинем, да и решим, куда лететь... – Гюрза выпрямилась и обратила взгляд к дядюшке Тасу: – А ты, старый развратник, чего молчишь?

– Я зверух темный, институты ваши всякие не видал, – гулко пробасил силач.

– Стало быть, тут останешься?

Тас обернулся и упер мощные лапы в бока.

– Бросить дом, друзей, родные края, да рвануть к черту на кулички? – буркнул он хмуро. – Нет уж, благодарствуйте. Ты о ребенке-то подумала, так его мотать?

– Я только о нем и думаю! – огрызнулась Гюрза, свирепо сверкнув глазами. – У него и так детство отняли!

– В Институте много детенышей, есть группы по интересам, игровые центры, спортивные и учебные классы... – робко заикнулась Инга. – Саю там будет хорошо...

– Да ему где угодно будет лучше, чем тут! – резко ответила Гюрза, медленно успокаиваясь. Добавила, чуть понизив голос: – Скоро большие перемены грянут, Инга.

– Какие? – с легкой настороженностью спросила летунья.

– Я ведь упоминала людей, что помогают нам с Темиром искать выживших? – мрачно отозвалась селевиния. – Это журналисты. Их цель-оповестить мир о существовании разумных зверей. Взорванный Каскабулак засняли во всех подробностях, мы с Темиром и Элджи уже записали для них видеоролик про историю зверян. Когда откопают жителей, все пустят в прямой эфир, Инга.

Летучая мышь в ужасе зажала пасть крыльями, Туман и Самара отпрянули. Даже старый Тас у плиты озадаченно крякнул и бросил половник.

– Но... Так нельзя! – пролепетала пораженная летунья. – Это будет катастрофа, Гюрза!

– Возможно, – глухо ответила воительница.

– Надо что-то делать! Предотвратить!

– Поздно, – Гюрза развела лапками. – Материалы давно в телестудиях по всему миру. Мы ждем лишь спасения выживших, а так... Тайны больше нет, друзья, – тяжело сказала селевиния. – Отныне, при виде любого грызуна, люди начнут шарахаться да стрелять.

Она встала из-за стола, придерживая лапкой Сая на груди.

– Оставаться в Жаксы небезопасно, – сказала глухо. – Собирайтесь, едем в лагерь у руин Каскабулака. Там, как раз, новые гости из заокеанской колонии-подружка Элджи и ее сын, у них большой многоместный дрон. Что-то подсказывает, он нам всем еще пригодится...

Гюрза указала вверх:

– Снаружи ждет пескоход. Мест хватит для всех, даже для тебя, – селевиния бросила взгляд на старого силача у плиты. – Точно остаешься? Подумай.

– Ты знаешь, где меня найти, – спокойно отозвался дядюшка Тас. – Береги нашего сына.

– Моего сына! – жестко отрезала селевиния.

Самара растеряно оглянулась на силача. Тот успокаивающе кивнул:

– Хагархаю и Хёнди я все объясню, не волнуйся.

– Через месяц из Африки должен вернуться Вжик...

– Я о нем позабочусь, – пробасил Тас. – Не колеблись, девочка, хватайся за шанс. Твоей светлой головушке и впрямь в нашей глуши делать нечего, я всегда говорил... – он приблизился и опустил тяжелую лапу на плечо хрупкой белой мыши. – Все будет хорошо. Обещаю.

Самара всхлипнула. Подошла Инга, ласково накрыла подругу крылом:

– Ты всегда сможешь навещать родные края. Денек на птице, и ты дома!

– Дома... – мышка опустила голову.

Летунья сжала ее плечо.

– Я знаю, – сказала тихо. – Знаю.

Они постояли в молчании с минуту, затем Самара встряхнулась и решительно кивнула.

– Ладно. Поехали!

Первой к дверям направилась Гюрза, на груди у которой счастливо улыбался Сай. Старый дядюшка Тас проводил друзей долгим, печальным взглядом.

Он продолжал смотреть в пустой коридор, даже когда сверху, приглушенно, донесся визг турбин и быстро стих вдали.

Глава 11

Пескоход мчался сквозь ночь на предельной скорости, за рулем сидела Самара. Рядом задумчиво смотрела в окно Гюрза, Инга и мышата отдыхали на заднем ряду. Встроенный гироскоп и мягкая, длинноходная подвеска делали машину относительно комфортной, даже несмотря на «игрушечные» по сравнению с человеческими внедорожниками размеры.

Путь до лагеря отнял много часов. Визг турбин, хоть и неслышимый для человека, был весьма громким для зверян, так что беседовать в дороге им было непросто. Говорить удавалось лишь на коротких остановках для отдыха, где Самара и Гюрза поведали остальным свои истории, Инга рассказывала про Институт Генезиса, а Туман-про жизнь в Европе. Восток уже окрасился пурпуром, когда густо покрытая пылью машина, наконец, отключила раскаленные турбины в нескольких метрах от растянутого между кустами тента. Отсюда до человеческого лагеря оставалось метров сто.

Едва пескоход остановился, из тени зловеще возникла бордовая механическая птица. Растерянные Инга и Самара отпрянули, Туман юркнул под сидение, Сай прыгнул матери на шею. Гюрза, вздохнув, помахала роботу из окна:

– Все в порядке, хвоста нет! – крикнула по-русски.

– За небом наблюдали? – грозно спросил голос Яхака. – С вами летучая мышь; она осматривала местность с высоты?

– А как ты думаешь? – раздраженно поинтересовалась Гюрза, вылезая из машины. Потянулась, расправляя затекшие мышцы. – Все хорошо, говорю, за нами не следили!

Боевой мех отступил на пару шагов.

– Надеюсь, что так, – хмуро произнес офицер.

Самара выпрыгнула из пескохода и, восхищенно всплеснув лапками, подбежала к роботу.

– Ох-хохонюшки! – позабыв обо всем на свете, она смотрела на меха квадратными глазами. – С ума сойти! Потрясающе! А можно... Можно мне... – мышка запнулась от волнения.

Гюрза, вздохнув, развела лапками.

– Меня не спрашивай, вон, хозяин внутри.

Златоволосая красавица обратила к «птице» умоляющий взгляд:

– Простите... Мое имя Самара, я инженер-изобретатель, это мои друзья Ингрид и Туман. Мы помогли Гюрзе найти сына. Пожалуйста, могу я осмотреть вашу машину? – взмолилась она. – Мне это... Как воздух...

Мех с жужжанием опустился в траву. Сбоку откинулась аппарель, откуда выглянул высокий, хмурый гладко-серый мыш с удивительными хрустальными глазами.

– Только ничего не трогай, – предупредил он строго.

Пискнув от счастья, Самара бросилась вперед, и они с Яхаком скрылись в кабине. Туман, тем временем, выбрался из пескохода и помог Инге, чьи широкие крылья с трудом пролезали в дверь. Летучая мыш смотрела на работа с большим удивлением.

– Кто производит такую технику? – спросила она взволновано. – Я не знала, что у зверян есть подобные технологии!

– У нас их нету, – буркнула Гюрза. – Перед тобой представители тайной островной цивилизации «сарков», что долгое время развивались в изоляции от прочего мира и, лишь десяток лет назад, узнали о существовании людей. Узнали самым прямым образом-на их остров водородную бомбу сбросили.

– Нет! – Инга в ужасе накрылась крылом. Гюрза вздохнула.

– Выжили, успокойся. Их успели предупредить, и вся цивилизация сменила место жительства. Теперь прячутся в разных удаленных местах... И не говорят, где, – добавила она хмуро, бросив взгляд на работа.

– Я их понимаю... – пробормотал Туман. Маленький Сай на руках Гюрзы потянулся к роботу, и мать поднесла его ближе.

– Яхак, дозвонились до Элджи? – позвала она.

Офицер выглянул из кабины:

– Нет, связь до сих пор отсутствует. Возможно, в Тибете нет роуминга, или экспедиция уже за пределами покрытия сотовой сети.

– Где Темир и Орби?

– Мы нашли бункер с выжившими, экскаватор сейчас очищает ворота от завалов.

Все там.

– Ох... – Гюрза сглотнула. – Быстро...

– Темир вспомнил, что, перед бомбежкой, жители города отправили сигнал бедствия. Человек обзвонил все радиостанции вокруг и отыскал в логах запись на зверолингве, которую могли понять лишь местные. Так мы узнали координаты бункера, – Яхак поманил селевинию жестом. – Ты переводчик, единственная среди нас знаешь язык. Ты нужна там.

– Да... – пробормотала Гюрза. – Пожалуй... Друзья, в машину, – она обернулась к остальным. – Отдохнем около бункера.

– Я укажу путь, – Яхак вновь скрылся в кабине. Самара, что с открытым ртом изучала там механизмы робота, умоляюще взглянула на офицера:

– Можно я с вами? Пожалуйста!

Хрустальноглазый почесал за ухом, но хрупкая златоволосая мышка легко поместилась бы в щель за креслом пилота. Выражение на ее мордочке было таким, что офицер, вздохнув, лишь развел лапами:

– Только не мешай и стой тихо.

– Обещаю!

Яхак занял свое место, вывел на экран вид с курсовых камер. Снаружи заунывно звывли турбины пескохода. Боевой мех, приподнявшись на мощных лапах, медленно двинулся в сторону развалин Каскабулака, следом ехали остальные.

Путь до места раскопок занял почти час, поскольку приходилось пробираться сквозь руины. Шагающему роботу это было нетрудно, а вот пескоход регулярно застревал, и Яхаку приходилось брать его на буксир. К тому времени, как зверяне добрались, наконец, до места, солнце уже поднялось над горизонтом.

Красный человеческий экскаватор рычал дизелем, откапывая массивный вертикальный стальной люк от советской подлодки. В кабине за рычагами сидел солдат в форме ООН, еще один стоял рядом с машиной, направляя ковш. Чуть поодаль, на горке свежей земли, окруженный ящиками со съемочным оборудованием, сидел Иван

Кулибин, рядом с ним отдыхали Темир и Орби. При виде приближающихся машин, все трое вскочили на ноги.

– Нашла?! – крикнул Темир, едва пескоход заглушил турбины у насыпи. Вместо ответа, селевиния молча подняла сидевшего рядом Сая и поднесла к окну. Следопыт счастливо вздохнул.

И тут же вскрикнул, когда из второго окна молнией выскочил серый пушистый комочек и бросился ему на грудь. Не пытаясь скрыть слезы, Туман стиснул друга в объятьях.

– Прости, прости... – бормотал он, плача. – Прости, что не вернулся...

– Эй, глупыш! – Темир ласково погладил мышонка. – Опомнись. Я же сам приказал забыть о нас и спасти ребенка! – он обнял Тумана и потерся носом о его носик. – Ты молодец. Справился. Не подвел. Я горжусь тобой!

Боевой мех с жужжанием опустился на землю, в его боку откинулась аппарель. Первой на волю выпрыгнула Самара-при виде златоволосой красавицы, Темир аж моргнул, а Орби удивленно наострила ушки. Вышел и высокий мрачный Яхак, а из пескохода, тем временем, показалась Гюрза, прижимая к груди Сая. Последней, с заднего сидения, с трудом протиснувшись сквозь дверной проем, наружу выбралась летучая мышь. Узнав Ингу, Темир присвистнул:

– Так вот, почему все поиски оказались безуспешны!

Летунья скромно потупила взор:

– Я пролетала у развалин как раз в тот миг, когда вас поймали, и решила спасти малышей.

– Правильное решение! – твердо заявил Темир.

Зверьяне собрались вместе и, несколько секунд, молча пожирали друг друга глазами. Кулибин смотрел на них с высоты своего роста, тактично не вмешиваясь. Наконец, откашлявшись, Гюрза сделала вежливый жест в сторону спутников и обратила лицо к Орби:

– Позволь представить моего сына, Сая, – сказала на русском, показав ребенка. Кивнула на летунью: – Это Ингрид, ученая из Швейцарии. На шее у Темира висит ее соотечественник, Туман, а вон та мышь с золотыми волосами-Самара, местная изобретательница и инженер. Друзья, – селевиния перешла на зверолингву, – знакомьтесь: непобедимая мастерица боевых искусств, Орби, и ее сын, коммодор Яхак из колонии сарков.

Она бросила недобрый взгляд на журналиста:

– ...да, а еще человек, вот. Зовут Иван Кулибин. Журналист. Типа помогает.

– Мы все говорим по-русски, Гюрза, – мягко заметила Инга. – Думаю, лучше общаться на языке, доступном каждому.

Селевиния нахмурилась:

– Темир и Туман не знают русского.

– Им будем переводить отдельно.

Гюрза помолчала.

– Ладно... – она взглянула на Орби. – Представь нас твоему другу.

Мышка неодобрительно прижала к голове ушки, но спорить не стала и, по очереди, назвала Кулибину имена новоприбывших. Журналист улыбнулся.

– Я рад, что вы здесь, – ответил, склонившись над крохотными гостями. – Между нами, конечно, пока маловато доверия, но ведь надо с чего-то начать? – он взглянул на летучую мышь: – Уважаемая Ингрид, я правильно понял, что вы говорите и на русском, и на местном языках?

– Да, – слегка натянуто отозвалась Инга. – Мы с Самарой и Гюрзой способны оказать вам помощь с переводом.

– Замечательно! – журналист встрепенулся. – Могу я просить об услуге? Не откажитесь записать на камеру обращение, которое я тут набросал, пока Гюрза была в отлучке?

Инга сильно вздрогнула. Помедлила.

– Можно взлететь к вам на плечо?

Слегка растерянный, Ив кивнул:

– Конечно!

Расправив крылья, летучая мышь двумя взмахами оказалась на одной высоте с человеком и уселась, вцепившись коготками в сорочку.

– Прошу, задумайтесь, что произойдет, если люди узнают о зверянах, – понизив голос, сказала журналисту. – Умоляю, выслушайте мои слова. Я понимаю, трудно воспринимать всерьез говорящую летучую мышь, но на самом деле я футуролог и специалист в области популяционной евгеники, много лет работаю в Институте Генезиса. Я ученый, несмотря на крылья и мех, – добавила она, дрожа от волнения. – Пожалуйста, не надо открывать миру существование разумных животных. Это повлечет катастрофу. Все звери на планете, независимо от наличия разума, подвергнутся

ужасному преследованию и пыткам, паранойя в человеческом обществе превратит цивилизацию в вулкан. Любого воробья в любом городе начнут подозревать в шпионаже, появление мыши или крысы будет вызывать панику, правительства всех стран моментально примут законы о регистрации зверян в концентрационных лагерях. О том, как отреагируют мировые религии, лучше и вовсе не задумываться... – летунья судорожно сглотнула и обвела крылом руины Каскабулака. – Оглянитесь. Люди давным-давно знают о нашем существовании, но, пока оно остается неофициальным, сохраняется хрупкий баланс. То, что произошло здесь-геноцид, преступление, но, если открыть всему миру нашу тайну, подобное из преступления станет государственной политикой! – Инга с дрожью закрыла глаза. – Люди редко задумываются, на каком чудовищном кровавом основании построена их цивилизация. Ежегодно, человечество забивает на еду 74 миллиарда животных! Двести миллионов убийств в день! Вы представляете, что произойдет, если все узнают о возможном наличии у зверей разума?! – в ужасе спросила летунья. – Оставим в покое самих зверей, просто вообразите, что случится внутри человеческого общества!

Кулибин молчал, на его скулах играли желваки. Ответил он очень нескоро, и голос прозвучал напряженно:

– Во многом вы правы.

– Я знаю, вам хочется верить в светлую сторону человека, – умоляюще сказала Инга. – Я не сомневаюсь, на свете множество честных, добрых, образованных людей, для которых появление младших собратьев по разуму станет праздником. Но решения принимают не они. Государственную политику определяют не они. Реакция общества – всегда реакция толпы, а толпа – жестокий, кровожадный, похотливый, параноидальный неразумный зверь. Достаточно будет кому-то бросить клич, и миллионы людей с воплями зажгут факелы, бросившись защищать свое жизненное пространство. Это совершенно неизбежно. С ростом выборки, социология становится не менее точной наукой, чем математика, поверьте!

– Я верю, – тяжело сказал Кулибин. – На остров, откуда родом Орби и Яхак, двенадцать лет назад тайно сбросили водородную бомбу.

– Видите!

– ...именно потому, что верили: одним ударом удастся покончить с проблемой, – жестко добавил Ив. – И до тех пор, пока власти в это верят, подобное... – он обвел рукой руины города – ...будет повторяться. Орби назвала это явление «горизонтом событий».

Человек вздохнул.

– Пока власти считают, что могут в тайне от общества уничтожить неугодных-они пойдут на любое преступление. Границ просто нет, вторая мировая война это показала. Единственное оружие, что есть у нас против всесильных и беспощадных врагов-их собственный народ, – Кулибин опустил голову. – Вы были совершенно правы, сказав, что внутри нашего общества начнется хаос. О, да! Но именно этот хаос и не позволит политикам сплотить толпу. У них не выйдет направить энергию общества в единое русло, натравить всех людей на зверян под знаменем борьбы за жизненное пространство. Вы проницательны и хорошо нас изучили, но вы слишком пессимистичны и переоцениваете возможности власть имущих промывать мозги крупным народным массам, – заметил Ив. – Не знаю, в курсе ли вы, но прямо сейчас, уже скоро три года, в мире свирепствует пандемия нового вируса. Несмотря на, казалось бы, столь могучий и неопровержимый стимул-касающийся непосредственно жизни и здоровья каждого человека! – у правительств большинства стран не получается заставлять народ соблюдать гигиену и вводить вакцины. Куда уж там разумным мышам! – улыбнулся журналист. – Доверие людей к политикам подорвано на глубочайшем уровне, их заявлениям не верят, теории заговора стремительно набирают силу, ибо для многих становится очевидно-они вовсе не голословны. И вот, в столь благодатную, взрывоопасную почву, мы и готовимся посеять крупнейшую сенсацию со времен ледникового периода.

– Последствия будут чудовищны... – тихо сказала Инга.

– Вы производите впечатление весьма разумного и образованного существа, – заметил Ив. – Спросите себя: как долго просуществует ваш «хрупкий баланс» после того, что случилось здесь? – он кивнул на развалины. – После атаки на Дегелен? Уверяю, не пройдет и года, а скорее всего-и месяца, как мировые СМИ захлестнут сообщения о разумных мутантах со старого ядерного полигона СССР. И вот ЭТО уже не исправить, никогда. Если в сознание обывателя войдет мысль, что зверяне-монстры, порожденные ядерными бомбами, никакие усилия объяснить ему правду больше не помогут.

Летунья опустила голову. Кулибин грустно улыбнулся:

– Вижу, понимаете. Наша задача, сегодня-опередить всех и показать зверян жертвами, а не монстрами. Люди должны увидеть не радиоактивных мутантов, а

крошечных, беззащитных существ, которых политики и военные истребляют с боевых вертолетов.

Инга вздрогнула всем телом. Ив развел руками.

– Мне очень жаль, но выбора действительно нет. Тайны зверян больше не существует, и никакие наши поступки ее не восстановят. Все, что мы можем-направить общественное мнение в правильное русло... – журналист понизил голос и добавил:
– ...прежде, чем это сделают ваши враги.

Летучая мышь долго молчала.

– Мне страшно, – сказала она негромко. – Но возразить нечего. Вы правы, я не учла фактор неизбежного разоблачения, и с этой позиции критически важно, чтобы первая информация исходила от нас.

– Вот и хорошо, – очень серьезно отозвался Кулибин. – Я хочу, чтобы вы всей группой снялись на фоне бункера, зачитали послание, которое я составил, и наблюдали в едином непрерывном кадре, как мы вскрываем люк. Эфир не прямой, запись вначале подготовят в студии, но очень важно обойтись без монтажных склеек и постановочных сцен, зритель должен верить во все, что происходит. Несчастные, изможденные беженцы, чудом пережившие бомбардировку, произведут такое впечатление, что никакие последующие заявления о «мутантах с полигона» ничего более не изменят.

– Да, – Инга резко выпрямилась. – Да! Это грамотный и продуманный план.

Кулибин усмехнулся.

– За работу?

Отрывисто кивнув, летунья спланировала к следившим за беседой друзьям.

***

Несколько камер высокого разрешения были расставлены вокруг люка, напротив и выше закрепили светодиодный прожектор. Видео транслировалось непосредственно в студию через спутник, огромная параболическая антенна белела вдали в кузове пикапа. Два небольших дрона, управляемые операторами из далекого телецентра, порхали над руинами Каскабулака, то и дело ныряя пониже, чтобы запечатлеть ужасы бомбардировки.

Орби, Инга, Гюрза, Самара и Яхак заняли место на ровной стеклянистой площадке прямо перед люком. Не владевшие языком Темир и Туман стояли чуть левее основной группы, Сая держала на руках мать. Перед зверьями, за границами кадра, установили несколько больших микрофонов с пушистыми чехлами и экран телесуфлера.

Кулибин в наушниках беседовал с режиссером по спутниковому телефону, то и дело передвигая камеры согласно указаниям из студии. Когда все, наконец, было готово, он подбежал к зверьям и, в последний раз, проверил текст на экране.

– Репетиции помните? Готовы?

– Готовы, – твердо сказала Орби. Инга робко подняла крыло:

– Может, лучше всем вместе? – спросила тихо. – Чтобы видели, мы не враждуем с людьми...

Ив криво усмехнулся.

– Двенадцать лет назад я произвел мировой фуррор своим журналистским расследованием, и на следующий день меня объявила аферистом каждая телестудия на планете. Если мое лицо хоть где-то всплывет, считайте, все усилия впустую и репортаж загублен. Меня здесь нет и никогда не было, вы понятия не имеете, что за Иван Кулибин.

– Понятно... – пробормотал Яхак. Журналист бросил на него горящий взгляд:

– У вас самая важная часть, справитесь?

Офицер бросил на человека слегка насмешливый взгляд.

– Справлялся и с более сложными заданиями.

– Эт-вряд ли... – пробормотал Ив. Глубоко вздохнул, отошел в сторону и уселся перед ящиком, на который были установлены большой экран и монтажный пульт. – Тест звука. Орби, зачитай образец обычным голосом.

– Если хочешь быть здоров, советует Татьяна Илье, чисть зубы пастой «Жемчуг»! – вслух прочла мышка. – Что за чушь?!

Ив ухмыльнулся:

– ГОСТ Р – 50840– 95, «Передача речи по трактам связи. Методы оценки качества, разборчивости и узнаваемости».

– Светлое небо...

– Яхак, зачитай следующий образец.

– Вчера на московском заводе малолитражных автомобилей состоялось собрание молодежи и комсомольцев, – хмуро произнес офицер. Кулибин удовлетворенно кивнул:

– Годится, – он помедлил, вслушиваясь в голос режиссера из наушников, подрегулировал что-то на пульте и поднял раскрытую ладонь:

– Начинаем! Пять. Четыре. Три... – «два» и «один» он вслух не сказал, лишь молча загнул пальцы. На всех камерах разом вспыхнули яркие красные огоньки.

Зверяне еще несколько секунд продолжали молча стоять в кадре, давая зрителям возможность себя рассмотреть. Затем Орби вышла на шаг вперед; она говорила по-русски наиболее свободно.

– Люди Земли, – начала серая мышка. – К вам обращаются созданные вами. Мое имя Орби, я разумное существо, рожденное в военной лаборатории. Скоро уж три четверти века, как от вас скрывают величайшее и наиболее чудесное достижение науки, – Орби оглянулась и обвела друзей лапкой. – Зверей, умеющих мыслить, чувствовать, любить и мечтать.

Вперед вышла Самара:

– Долгие годы мы, в страхе, прятались в лесах и пустынях, дрожали при звуке человеческих шагов, замерзали холодными зимами, гибли целыми семьями в весенних половодьях. Но больше нам прятаться негде. Смотрите... – она указала вдаль. В это время на экранах изображение должно было смениться картинами с дронов, летавших над разрушенным городом.

– То, что вы сейчас видите, лишь несколько дней назад было мирным поселком, где жили разумные животные, – горько сказала Самара. – С тех пор, как нам удалось бежать из секретных лабораторий, мы прятались в необжитых степях Казахстана. Здесь, вдали от людей, никому не мешая, мы надеялись мирно дожить оставшиеся нам дни.

Подошла Инга. Развернув широкие фиолетовые крылья, она обняла подруг.

– Армия и политики знают о нашем существовании, и знали с первых дней, – сказала негромко, глядя прямо в камеру. – Нас регулярно уничтожают, организуют облавы, охотятся с вертолетов. Долгое время, чудом, нам удавалось выживать, но больше мы держаться не в силах. То, что случилось здесь, в мирном поселке, где заживо сгорели сотни стариков, детей и женщин, не имеет объяснений, не знает оправданий!

Вперед вышла Гюрза, обошла подруг и встала на переднем плане, прижимая к груди ребенка.

– Это мой последний малыш, – сказала она глухо. – Около года назад я потеряла четверых детей, когда люди сожгли деревню Нэнэке-улус вместе со всеми жителями. С тех пор мой сын не может разговаривать и просыпается по ночам в слезах. За что его

лишили детства? За что нас сделали изгоями, отверженными, вынужденными скитаться по пустыням, умирая от голода и болезней?

– Ненависть пожирает саму себя, дает ядовитые всходы, – сурово сказал Яхак, встав рядом с Гюрзой. – Я родом с небольшого острова в Тихом океане, где американцы вели секретные эксперименты над животными с середины 20-го века. Результатом их программы стало племя разумных мышей, мой народ. Мы прятались в пещерах, пытаюсь осознать внезапно открывшийся нам мир, восхитительный и сверкающий, полный чудес, волшебства, красоты. Мы не знали, что наше сотворение не входило в планы творцов.

Он шагнул вперед и сказал жестко, отрывисто:

– Двенадцать лет назад, вопреки всем международным конвенциям о запрете атмосферных ядерных взрывов, правительство США сбросило на наш остров водородную бомбу. Радиоактивное загрязнение превратило огромный сектор мирового океана в кладбище, но, это даже не главное. Вам будет трудно поверить, однако, вместе с целым племенем разумных безобидных мышей, американцы взорвали свой собственный авианосец, погубив почти восемьсот военных моряков, ученых и специалистов. Восемь сотен человеческих жизней оборвались за долю секунды, их предало собственное правительство, посчитав эвакуацию слишком трудной.

– У нас есть документы, свидетели, результаты радиологической экспертизы, и даже фрагменты корабельной брони, искореженные взрывом, – добавила Орби, встав рядом с сыном. – Но сейчас мы обращаемся к вам, люди Земли, не для того, чтобы бросать обвинения. Мы молим о помощи.

– Нас становится меньше с каждым днем, – горько сказала Самара. – Армия и политики скрывают от общества геноцид, что уже три четверти века осуществляют над беззащитными племенами разумных существ, виновных лишь в том, что родились на свет!

Инга отошла назад, открывая камере вид на покрытый грязью люк среди развалин. Протянула к нему крыло:

– Сейчас, на ваших глазах, солдаты миротворческих сил ООН вскроют бункер, где спрятались от бомбежки немногочисленные уцелевшие из поселка. Мы не знаем, живы ли они до сих пор, – с дрожью выдавила летучая мышь.

– Я была здесь, когда напали вертолеты, – глухо сказала Гюрза. К ней подошли Темир и Туман, селевиния положила лапку на плечо воину. – Мы с друзьями выжили

просто чудом. Пять боевых машин «Ми – 24» было послано на бомбежку поселка разумных мышей, не имевших никакого оружия и не способных оказать сопротивления!

– Незадолго до этого, человек по имени Курт Гресслих Ягер, сотрудник ФСБ России, на моих глазах запытал до смерти двух беззащитных пленников, а затем приказал сжечь деревню, откуда жертвы были родом, – тяжело добавила Инга. – Сотни жизней оборвались в тот день. Он же, на следующее утро, изловил меня и моих друзей-летунья показала на Самару и Тумана-посадил в клетки и собирался жестоко пытаться. Спасли нас лишь находчивость, да чудесное стечение обстоятельств.

– А спаслись ли жители этого поселка? – сурово спросил Яхак.

Зверьяне отошли в сторону, открывая камере лучший вид на бункер. По знаку Кулибина, сидевшего за монтажным пультом, оба солдата в голубых касках приблизились к люку и повернули герметизирующий штурвал. Чтобы откинуть смятую взрывами створку, ее пришлось привязать тросом к экскаватору.

Когда люк, наконец, был открыт, из тьмы за ним вырвалось облако пыли. Некоторое время ничего не происходило, Туман прижался всем телом к ногам Темира. Тот стиснул мышонку плечо:

– Дыма нет, должны быть живы.

Словно отвечая его словам, на пороге, из полумрака, качаясь от слабости и подслеповато щурясь, появились уцелевшие. Покрытые пылью и грязью, спотыкаясь и дрожа, они выходили на свет, прижимая к груди детей, помогая идти старикам. Одной из первых, из бункера выбралась Айжамал, ее белая шерстка превратилась в грязную серо-коричневую. Хромая и прикрывая глаза от света, она застыла на стеклянистом, спекшемся от огня песке.

– Все хорошо! – к спасенным подбежала селевиния. – Не бойтесь!

– Гюрза? – с дрожью выдавила Айжамал.

– Так точно!

Белая мышка, покачнувшись, бессильно опустилась на землю. Селевиния поставила Сая и поспешно помогла ей сесть. Айжамал тяжело дышала.

– Поглотители... В бункере... Сломались от старости... – выдохнула она, шатаясь. – Мы не могли выбраться, дверь завалило... Воздух кончился...

Гюрза закусила губу. Жестами позвала остальных, все подбежали.

– Яхак, Темир, плохо дело. Мчитесь внутрь, выносите потерявших сознание!

Не говоря ни слова, воины метнулись в темную дыру, за ними бросилась и Орби. Гюрза протянула Сая Самаре:

– Присмотри за ним! – она побежала к люку. Инга, в ужасе глядевшая на измученных, полуживых зверян, чудовищным усилием воли заставила себя обернуться к камере:

– У них кончился воздух, – выдавила с огромным трудом. – Не знаю, сколько уцелели...

Иван Кулибин схватил ручную камеру со стабилизатором, подбежал к площадке и принялся вблизи снимать выживших. Те были настолько слабы, что даже не шарахались при виде человека, большинство просто падало на землю, едва отойдя от люка несколько шагов. Журналист был бледен, но продолжал снимать, солдаты ООН помогали ослабевшим зверьям, относили их в тень.

Вскоре из люка появилась Гюрза, тащившая на спине сразу троих, за ней бежали Темир и Яхак, каждый с парой потерявших сознание. Уложив спасенных возле люка, воины бросились обратно. Еще одного выволокла Орби.

– Друзья! – крикнула она изможденным зверьям. – Если у кого-то остались силы, помогите спасти остальных!

Несколько крупных самцов откликнулись, с трудом поднялись на ноги. Самара дернула Ингу за крыло:

– Присмотри за Саем! – она бросилась в бункер. За ней побежал и Туман.

Летучая мышь, сглотив, обернулась к белому мышонку, испуганно глазевшему на происходящее.

– Малыш, постой тут минуту... – она расправила крылья и двумя взмахами подлетела к Кулибину. – Вода, нужна вода!

Журналист молча указал на солдат ООН. Кивнув, Инга подлетела к одному из них:

– Нужна вода и плоская посуда! – повторила по-английски и по-немецки. Солдат кивнул и побежал к лагерю. Летунья, заложив вираж, вернулась к Саю, что даже не двинулся с места, так его поразило зрелище.

Из бункера то и дело появлялись спасатели, тащившие выживших. Гюрза и Яхак выносили за раз троих-четверых, остальные такой силой не отличались. Маленький Туман не мог поднять взрослых, но спасал детенышей.

Инга приводила в чувство наиболее тяжелых, делала искусственное дыхание. Понемногу ей на помощь подтягивались и некоторые из спасенных, сумевшие отдышаться на воле. Миновал почти час, когда, шатаясь от усталости, Гюрза выволокла на свет четверых последних и свалилась рядом без сил. К матери подбежал Сай.

– Вроде никого не пропустили... – хрипло выдохнул Яхак, шатавшийся от изнеможения. Следом из бункера, столь же измотанные, показались Темир, Туман и Орби. Последней, на четвереньках, выбралась Самара и рухнула на землю без сил.

Из лагеря вернулся солдат с канистрой и пачкой пенопластовых подносов. Инга обносила водой самых ослабевших, к ней вскоре присоединилась Айжамал, слегка пришедшая в себя. Пока шла работа, летунья парой слов объяснила разведчице, откуда тут люди и чем они заняты. Кулибин продолжал снимать, один из дронов висел над головами для общей картины. Солнце медленно карабкалось к зениту.

Прошло несколько часов. Уцелевшие зверяне собрались в палатке, что натянули для них солдаты неподалеку от бункера, здесь поставили подносы с зерном и водой. Большинство спасенных остались живы, но несколько стариков не выдержали кислородного голодания. Тела погибших складывали поодаль, накрывая пучками сухой травы.

Кулибин давно прекратил съемку и сидел на земле рядом с палаткой, двое солдат носили ящики с оборудованием в главный лагерь. Когда Инга, все это время помогавшая ослабевшим, шатаясь от усталости подошла к человеку, Ив обратил к ней осунувшееся, бледное лицо.

– Такого я не ожидал, – выдавил он напряженно.

Летучая мышь опустилась на землю и обернула себя крыльями.

– Удалось все заснять?

– Да, да, кадры вышли отличные... – он запнулся. – ...не в том смысле.

– Я понимаю, – успокоила Инга. – Главное, почти все живы. Еще день-два, и в бункере нас встретила бы лишь смерть. Повезло, что грызуны крохотные и расходуют мало воздуха.

Человек опустил голову.

– Мне очень жаль, Ингрид, – сказал он тихо. – Я... Мне больно и стыдно, что мои собратья творят подобное.

– Ты ни в чем не виновен, – мягко отозвалась летунья. – Напротив, ты делаешь все, чтобы облегчить нашу участь. Спасибо, Ив.

Журналиста передернуло.

– Никогда не был военным корреспондентом, – выдавил он через силу. – Одно дело, рассуждать и воображать, а когда видишь сам... Подготовиться невозможно. У меня нехорошо на душе, Ингрид.

Летучая мышь горько улыбнулась.

– Значит, есть душа, – заметила коротко. Ив бросил на нее взгляд:

– Что будет дальше?

Инга пожала крыльями.

– Мы с Гюрзой, Туманом, Самарой и мышонком, наверное, вернемся в Европу. Чем займутся остальные, лучше спросить у них, – она кивнула на Орби и Яхака, что медленно шагали в их сторону.

Ив молча смотрел, как пушистая подруга и ее сын устало опустились на землю рядом с летучей мышью.

– Как ты? – спросил негромко.

Орби зажмурилась и облокотилась на сильное плечо Яхака.

– Устала, – сказала мышка, не раскрывая глаз. – Тяжко на сердце. Но спаслись почти все. Могло быть и хуже. Ив, попробуй снова вызвать Элджи.

Журналист снял с пояса спутниковый телефон, набрал номер. Включил громкую связь. Некоторое время все слушали гудки.

– Почему так долго не отвечают? – нервно спросила Орби. Кулибин вздохнул.

– Возможно, на карантине от вируса? Или сразу по прибытию отправились в горы.

– Скорее всего, – вставил Яхак. – Не волнуйся, мама, – он ласково ткнулся носом ей в шерсть. Обернул голову, посмотрел в глаза человека. – Благодарю за помощь и... доброе отношение.

– Мы с Орби давние друзья, – вздохнул Ив.

– Я знаю, – офицер помолчал, обнимая усталую мать за плечи. – Как понимаю, вам скоро потребуются материалы и улики по гибели авианосца?

– Да! – встрепенулся журналист. – Обязательно!

Яхак кивнул:

– Они у вас будут.

– Когда?

– Едва мы с матерью вернемся в колонию, – отозвался офицер. – Наш род ведет подводные раскопки у затонувшего авианосца, имеются детальные записи, фотограмметрия и экспертные обзоры, в том числе и база данных погибших моряков. Иллюстрированная. Все это я перешлю вам для вашего расследования.

– Великолепно... – прошептал Ив.

– На самом деле, не слишком, – хмуро отозвался Яхак. Встретив вопросительный взгляд, пояснил: – Мы с матерью не сразу вернемся в колонию. Вначале она должна найти Элджи... – он взглянул в небо за плечо журналиста и добавил: – ...а вам, полагаю, имеет смысл готовиться к дружественному визиту.

Кулибин, дернувшись, рывком обернулся. Высоко над развалинами висел черный беспилотный вертолет «Ка – 37».

Глава 12

Высоко над развалинами висел черный беспилотный вертолет «Ка – 37». Его заметили и солдаты, что носили в лагерь ящики со съемочным оборудованием. Бросив поклажу, один из них побежал к пикапу, а второй-к палатке, где находился журналист.

– Срочно, прямой канал в студию! – отрывисто приказал Кулибин на английском и протянул солдату ручную стабилизированную камеру. – Будь рядом и непрерывно снимай все, что происходит!

– Так точно! – отозвался тот. Ив поднял рацию, сделал еще несколько распоряжений. Выслушав ответ режиссера из телецентра, удовлетворенно кивнул:

– Я встречу их в лагере, – быстро сказал журналист зверьям. – А вы бегите к вашему дрону. О спасенных не волнуйтесь, даже маньяк не посмеет напасть в прямом эфире на миротворцев ООН... Трансляция пошла! – на камере загорелся красный огонек.

Яхак рывком обернулся к летучей мыши:

– Мы не успеем пешком. Отнеси Орби к дрону!

– Правильно! – Инга присела. – Скорее мне на спину!

Серая мышь на мгновение стиснула руку сына и, легким прыжком, взвилась на летунью. Та натужно забила крыльями.

Перегруженной и усталой, Инге с трудом удалось взлететь. Она медленно набирала высоту, вкладывая в каждый мах все силы. До кустов, где был спрятан дрон, оставалось метров пятьсот, когда Орби вдруг крикнула:

– Падай!!!

Летунья не успела ничего заметить; инстинктивно дернувшись, она рванулась к земле-и вовремя; воздух там, где она была лишь долю секунды назад, со свистом пробил черные когти.

Хоть ворон и промахнулся первым ударом, сдаваться он не спешил; заложив крутой вираж, хищник вновь нацелился на добычу. Инга в панике забила крыльями, бросаясь из стороны в сторону, Орби судорожно вцепилась в ее шерсть.

– На землю! – крикнула из-за всех сил. – На землю!!!

Летучая мышь последовала совету и, с разгона, нырнула в сухую траву. Тут же запуталась в стеблях, забилась, беспомощная, как муха в паутине. Но, за миг до этого, Серенада прыгнула с ее спины в воздух.

Пользуясь энергией падения, мышь сгруппировалась и, совершив несколько кувырков по земле, вскочила в боевую стойку. Ее пушистую мордочку искажала ярость, от Орби не осталось даже воспоминаний. В долю секунды, пока ворон еще только готовился упасть с высоты на беспомощную летучую мышь, Серенада перекусила у основания травинку, схватила первый попавшийся камень, подбросила его в воздух и, в прыжке, единым движением свила из травинки пращу, захватила петлей падающий снаряд и со страшной силой метнула его в черную птицу.

Камень ударил ворона прямо в голову. Хищник каркнул и, трепыхаясь, свалился в траву неподалеку от запутавшейся летуньи. С его спины спрыгнули две печально знакомые Инге сестры-ласки; гибкие и ловкие, обе приземлились на лапы.

Это их не спасло. Серенада была в бешенстве, никакой скафандр ее движений не стеснял, а сдерживаться она на сей раз точно не собиралась. Двигаясь, будто ожившая серая молния, мышь промчалась над травой и, на полной скорости, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, врезалась в ближайшую ласку, сбив ее с ног.

Прежде, чем та опомнилась, Серенада кувыркнулась по земле, схватила лапу упавшей хищницы в захват и рывком выпрямилась, упершись задними лапами ласке в челюсть. Хрустнули кости, хищница судорожно открыла пасть, но не успела даже

взвизгнуть-сцепив лапы за ее шей, Серенада мгновенно совершила поворот влево, опрокинув хищницу на живот, прыгнула ей на спину. Упершись коленями в загривок, воительница кольцом изогнулась назад, схватила ласку за основание хвоста и, единым движением, сложила хищницу пополам, сломав ей позвоночник, а, выпрямляясь, одновременно швырнула труп во вторую ласку, что как раз хотела на нее прыгнуть. Хищница упала; Серенада набросилась сверху и нанесла одновременно четыре жестоких удара каждой лапой-пах, живот, грудь, горло. Ласка захрипела, выгнулась дугой, но тут же дернулась и пала бездыханной, когда следующим ударом воительница проломила ей череп за ухом.

Свирепо дыша, Серенада выпрямилась, заметила рядом трепыхающегося ворона и молча, оскалив резцы, бросилась вперед. Двумя прыжками взвилась по перьям, впиалась когтями задних лап в глаза, оттолкнулась и, изогнувшись дугой, в падении рванула зубами горло огромной птицы. Слепший Вогель издал хриплое бульканье, из раны на шее фонтаном ударила кровь. Воительница молча, даже не оборачиваясь, спокойным шагом приблизилась к Инге и помогла ей выпутаться из травы. Проверять, живы ли враги, при ее уровне мастерства Серенаде не требовалось.

Огромный ворон бился в агонии, бездвижно лежали две мертвые ласки. Потрясенная до глубины души, шокированная Инга просто свалилась на землю, едва оказалась свободна.

– Еще немного, милая, – попросила Орби. – Донеси до дрона.

Летучую мышь трясло, но она нашла в себе силы кивнуть. С огромным трудом одолев последние метры, рухнула в траву около машины. Орби помогла ей подняться в кабину.

Пока Инга приходила в себя, воительница бросилась очищать винты от маскировки. Спустя минуту вернулась, заняла кресло пилота. Щелкнула тумблером, вызвав на курсовой дисплей рамку прицела.

Взвыли моторы. Подняв дрон метров на десять, Орби развернула его и наклонила, чтобы в перекрестье попал висевший в высоте беспилотник «Ка – 37». Едва рамка наведения из зеленой стала красной, мышь нажала на гашетку; к вертолету помчалась ракета.

Дождавшись взрыва и так ничего и не сказав, Орби вновь развернула дрон и, на полной скорости, помчалась к развалинам. Трепещущая Инга, молча, смотрела на хрупкую беззащитную мышь.

У палатки уже заметили уничтожение беспилотника-солдат ООН и зверяне в тревоге смотрели в небо. Появление дрона вызвало небольшую панику, но Гюрза и Темир успокоили беженцев.

– В машину! – крикнула Орби, едва аппарель откинулась. Первым в салон забежал Яхак:

– Мама, зачем ты взорвала вертолет?!

– С меня довольно бегать от этих ублюдков... – процедила Орби сквозь зубы. – Пусть они от нас бегают...

В дрон поднялись Самара, Туман и Гюрза с ребенком. На пороге селевиния оглянулась-Темир стоял среди спасенных зверян и молча, спокойно смотрел ей в глаза. Воительница стиснула зубы.

– Взлет! – прорычала, стараясь не плакать. Туман отпрянул.

– Что?! Нет! – он попытался броситься наружу, но Инга притянула его крылом. Бесшумно поднялась аппарель.

– Почему?! – всхлипнул мышонок. Летунья лишь крепче его обняла. Дрон набрал высоту и помчался к лагерю, где возле белого пикапа с символикой ООН уже стояла колонна военной техники.

Яхак с тревогой поглядывал на мать, он никогда не видел ее в такой ярости. Готовый, если что, перехватить управление, офицер сел в кресло второго пилота и пристегнулся.

– Мама, на борту дети, – сказал мягко.

Орби дернулась и обратила к сыну взгляд:

– Что?

– На борту дети, – повторил Яхак спокойно. – Мы не переживем атаки на столь оснащенного противника. Просто имей в виду.

Мышка с большим трудом пришла в себя и натянуто улыбнулась.

– Я не сошла с ума.

– Надеюсь... – с дрожью пробормотала Инга.

– Все хорошо, – глухо отозвалась Орби. – Я... Просто догадываюсь, что мы услышим.

– Ммм? – Яхак наострил уши. Его мать заложила вираж и, с разгона, опустила дрон на землю в паре метров от Ивана Кулибина и солдата с камерой.

– Опыт! – процедила сквозь зубы, включая внешнюю связь. – Ив! – позвала в микрофон. – Мы тут.

Журналист бросил нервный взгляд на дрон.

– Зачем было вертолет-то взрывать...

– Заслужили! – жестко отозвалась Орби.

Ив стиснул зубы. Из головного внедорожника уже вышел высокий блондин в черной военной форме без нашивок и шел к нему размашистым шагом во главе отряда из десятка солдат в песочном камуфляже и со стеклянными забралами на все лицо. Один из военных, наверно офицер, нес короткоствольный штурмовой автомат на креплении за левым плечом, остальные были вооружены более традиционно. На дымный след от упавшего беспилотника, командир бросил лишь беглый взгляд.

– Отключите камеры, – распорядился Курт, приблизившись. Кулибин вместо ответа обернулся к объективу и указал на гостя:

– Перед вами доктор Курт Гресслих Ягер, сотрудник ФСБ России. Мы представители миротворческих сил ООН. Если с нами что-то случится, вы знаете, кого...

Журналист загнулся, поскольку красный огонек на камере внезапно погас. В тот же миг в дроне отключились все системы, потемнели экраны и стих шелест вентиляторов охлаждения. В повисшей гробовой тишине, Курт опустил крохотный серебряный пульт на цепочке. Одна из параболических антенн на крыше кунга стоявшего неподалеку Газ – 66, с жужжанием, сложилась в металлический ящик.

– Электромагнитная пушка, – холодно сказал человек.

***

В салоне дрона Яхак, первым опомнившись, бросился к люку, но без энергии опустить аппарат было невозможно. Он выбил иллюминатор, однако бежать зверяне не успели-по жесту Курта, двое солдат подскочили к дрону и накрыли его мелкой, золотисто-сверкающей сетью. Углы сети прибили к земле пневматическими ударниками.

– Довольно клоунады, – сурово бросил человек в черном. Он поднял руку над головой и щелкнул пальцами. Из грузовиков и внедорожников выскочили десятки солдат в полном вооружении. Сотрудника ООН быстро обезоружили и под конвоем усадили в кузов «Урала», Кулибина обыскали, но пока не увели. Отряд из шести десантников бегом направился к развалинам, чтобы арестовать второго солдата ООН, оставшегося у палатки беженцев.

– Это большая ошибка! – громко заявил журналист, когда от него отошли. – Все, что здесь происходит, задокументировано и выйдет в прямой эфир, вы горько пожалеете о таком беспределе!

– Ваш нелепый репортаж не покинет стен студии, – фыркнул Курт Ягер.

– О, вот тут позвольте не согласиться, – нервно усмехнулся Ив. – Я предвидел подобное. Запись транслировалась в...

– Мексиканскую «Телевиса» и колумбийскую «Каракол», – оборвал Курт. – В обе компании, еще до начала трансляции, наведались наши люди. Так что, не стройте иллюзий, Иван Кулибин, – он произнес имя, словно выплюнул. – Вы никто. Родились никем. И никем сдохните! – он сунул руку во внутренний карман мундира. Ив отпрянул, но Курт вынул не оружие, а черный кнопочный мобильник без кнопок. Набрал номер, поднес к уху.

– Да. Можно, – он протянул мобильник журналисту. – Тут с вами хотят побеседовать.

Нервно оглянувшись на дрон, Ив принял аппарат.

– Кулибин, – он дернулся и, прямо на глазах, побледнел. – Настя?!

Орби в салоне яростно дернула хвостом:

– Так я и знала... – прорычала, судорожно вцепившись в подлокотники кресла.

Журналист, тем временем, слушал черный мобильник.

– Вам не причинили вреда? Что?! Так и не вылетели из страны?! Алло! Алло!

– Довольно, – Курт властно протянул руку. Ив, нехотя, вернул ему аппарат. Блондин в черном обратил взгляд на дрон.

– Мышь по имени Элджи в моих руках, – сказал он жестко. Слова были хорошо слышны сквозь выбитый иллюминатор. – Вы всерьез полагали, что можно вот так просто погрузить на самолет отряд наемников в форме ООН, полететь в Тибет и устроить поиски сокровищ? – губы человека тронула легкая насмешливая улыбка. – Тогда вас ждет большой сюрприз... – он вынул из кармана толстый, явно военный

радиопередатчик, откинул с передней панели щиток, повернул внутри регулятор. И внезапно, зверяне в салоне услышали его тихий, искаженный голос, доносившийся из грузового отсека в задней части кабины:

– Это я позволил вам похитить тетрадь, – насмешливо заметил Курт. – «Инопланетный артефакт», что вы с таким старанием таскали за собой все эти дни, записывал вокруг каждый звук. И он защищен от электромагнитных импульсов, в отличие от вашего кустарного экрана на звереныше!

Самара, охнув, схватилась за голову, Гюрза невольно прижала Сая покрепче, Инга в ужасе вскрикнула. Человек в черном скрестил на груди руки:

– А теперь поговорим серьезно, – сказал он холодным, жестоким тоном. – Если бы я хотел вас прикончить, сделал бы это давно. Если б моя страна ставила целью истребить разумных зверей под корень, мы покончили бы с вами еще в семидесятых. Думаете, мы не знали про Дегелен? Или Каскабулак? – губы Курта тронула усмешка. – Бедные, тупые вы звери. Сотворили себе религию! Проект Генезис! – передразнил он издевательски. – Неведомые Создатели! За столько лет, никому из вас даже в голову не пришло, что это мы выводим все новые и новые виды разумных зверей, выпускаем на полигон и ждем появления полезных мутаций, вроде звереныша-телепата!

– Нет... – прошептала Гюрза, чувствуя, как останавливается сердце. Инга в ужасе накрылась крылом, Самара ахнула, Туман, хоть и не понимал русского, прижался к ее ногам. Напряженные Орби и Яхак переглянулись.

– Что вы хотите от них?! – тем временем, яростно спросил Кулибин. – Они не тупые звери, они разумные существа, такие же, как мы с вами!

Курт метнул в его сторону смеющийся взгляд.

– Ошибаетесь, Иван. Большинство этих зверей значительно разумнее ВАС. Такими их вывели, – он подошел к дрону и присел на корточки, глядя прямо в глаза Орби сквозь ветровое стекло. – А что мы хотим, знают летучая мышь и белый мышонок.

Гюрза судорожно закрыла Сая своим телом. Инга, едва справляясь с эмоциями, шагнула вперед и тяжело уперлась крыльями в приборную панель.

– Вам нужен орел-телепат? – спросила с натугой.

– Не только, – сухо ответил Курт. – Орел замечательный бонус, но я, не моргнув глазом, отправлю его на свалку ради главного приза.

– Какого?! – вырвалось у Гюрзы.

Человек усмехнулся.

– Скоро узнаете. Этим вечером, звери, мы отправляемся в Вестфалию, на родину моих предков.

– Предков?.. – выдавила Инга, начиная догадываться.

Курт жестоко рассмеялся.

– Ты, владеющая немецким, не сообразила, что «Грёслих Ягер¹⁰» мой псевдоним? Я доктор Курт фон Зеботтендорф, родной сын Рудольфа фон Зеботтендорфа, выведенный в той же лаборатории, где создавались первые зверяне.

– Что?! – воскликнули разом все, включая Кулибина.

– А откуда мои телепатические способности? – насмешливо спросил Курт. – Я продукт нацистских экспериментов, рожденный в пробирке, безупречный, читающий мысли сверхчеловек! Меня ребенком нашли советские войска и вырастили в специальной школе КГБ. Таких, как я, было найдено несколько.

Инга упала на колени.

– Какой ужас... – прошептала она и, бессильно, накрылась крылом. Курт выпрямился, бросив на пленников взгляд, полный непередаваемого, глубочайшего презрения.

– Das Luder¹¹... – процедил он сквозь зубы. Вскинув руку, жестом отдал приказ. Солдаты схватили дрон, окончательно обернули его сетью и потащили к грузовикам.

– Отпустите хотя бы остальных! – Кулибин дернулся вперед. – Возьмите лишь тех, кто вам нужен!

Курт, уже шагавший к колонне, остановился.

– Дельная мысль, – произнес задумчиво. – Вы больше не нужны, Иван.

Он рывком обернулся, выхватил из кобуры на поясе «Люгер» и, в упор, выстрелил журналисту в голову.

---

¹⁰ «grässlich Jäger» (нем.) – «Ужасающий охотник»

¹¹ «das Luder» (нем.) – «Падаль»

Глава 13

На звук выстрела обернулись лишь несколько солдат. Курт, вернув пистолет в кобуру, постоял над телом Кулибина пару секунд. Заметив, что со стороны развалин показались шестеро десантников с арестованным сотрудником ООН, Курт молча отвернулся и зашагал к колонне. Никто из людей не заметил блекло-желтый комочек шерсти, беззвучно скользивший в траве.

У тела журналиста Темир, на мгновение, помедлил. Бережно закрыл ему глаза. Бросив на удаляющуюся фигуру убийцы тяжелый взгляд, следопыт бесшумно рванулся вперед.

Он чувствовал, на каком пути ждет опасность, и инстинктивно его избегал. Перебегая от укрытия к укрытию, Темир добрался до колонны вместе с Куртом. Человек запрыгнул в кабину головного внедорожника, жестом отдал приказ. Взревели мощные дизеля.

Затаившись в раме «Газ – 66», в который погрузили дрон, практически невидимый на фоне желто-коричневой грязи, покрывавшей все машины густым слоем, Темир угрюмо свернулся клубком.

Колонна вернулась к грунтовой дороге и повернула в сторону Семипалатинска. Ехали без остановок, на большой скорости, машины трясло и подбрасывало. Пару раз на пути встречались старенькие грузовички местных жителей, они поспешно сворачивали к обочине.

Через час миновали деревню, дальше грунтовая дорога стала асфальтовой. Колонна резко прибавила скорость. Солнце уже опускалось к горизонту, когда машины добрались до окрестностей города. Здесь они вновь свернули с шоссе на огибающую грунтовку.

Полчаса, и впереди показалась военная база с высокими, уродливыми бетонными стенами, увенчанными ржавыми стойками с многослойной колючей проволокой. На угловых башнях грозно темнели стволы пулеметов. В воротах колонна ненадолго остановилась, вдоль грузовиков прошли солдаты с зеркалами на шестах,

осматривая машины снизу. Темира, притаившегося внутри технологического отверстия рамы, никто не заметил.

За стенами базы колонна разделилась. Тяжелые «Уралы» и два внедорожника свернули к баракам; головной «Тигр», где сидел Курт, и «Газ – 66» с пленниками, проехали мимо основных построек и остановились у вертолетной площадки. Здесь стоял окрашенный в пустынный камуфляж новенький Ми-38Т, возле которого четверо солдат ожидали колонну, сопровождая рыжеволосую женщину в наручниках. Один из десантников держал стальную коробку с дырочками.

Курт вышел из внедорожника первым. Темир не знал русского, поэтому не понимал, о чем он сказал рыжеволосой; судя как та дернулась, ничего приятного она не услышала. Солдаты втокнули ее в вертолет, туда же занесли опутанный сетью дрон с пленными зверьями и стальную коробку.

Со стороны диспетчерской шли два пилота в шлемах и летных костюмах. Когда они проходили мимо грузовика, Темир беззвучно скользнул вперед и повис снизу на чемоданчике, что нес один. Человек ничего не заметил.

Едва пилоты вошли в вертолет, Темир юркнул в щель под креслом. Вовремя чемоданчик был открыт и из него вынули толстый военный планшет. Летчик укрепил планшет на специальной стойке под потолком кабины.

В салон, тем временем, поднялись сопровождающие пленников солдаты, включая офицера со штурмовым автоматом. Последним вошел Курт и задвинул за собой дверь.

Брезгливо потянул носом:

– Verdammt, es stinkt hier nach Ratten!¹² – поморщился он. Офицер с автоматом поднял стеклянное забрало шлема и ответил с насмешкой в голосе:

– С кем поведешься...

– Осталось недолго, товарищ Максимофф, мы на финишной прямой, – хмуро отозвался Курт. Настя, сидевшая в наручниках у самого борта, бросила на него презрительный взгляд:

– Вас всех ждет трибунал!

– Победителей не судят, – сухо отрезал Курт.

– О, вы еще не победили!

---

¹² «Черт возьми, здесь пахнет крысами» (нем.)

Не удостоив ее ответом, человек в черном перебросился парой слов с пилотами и жестом отдал приказ взлетать. Заработали турбины, разговаривать в кабине стало невозможно. Курт и офицер надели переговорные наушники.

Темир в своем тайнике сидел неподвижно. Вертолет поднялся в воздух, начал набор высоты. Летели недолго-до ближайшего военного аэродрома. Когда машина пошла на снижение, следопыт прокрался вдоль борта к пленной женщине и юркнул к ней в карман. Настя вздрогнула, но даже не опустила взгляд, ничем не выдав удивления.

Вертолет приземлился в аэропорту, к нему подали фургон. Солдаты втолкнули туда Настю, перенесли дрон и стальную коробку. Машина отвезла всех к ангару, где готовили ко взлету немецкий транспортный самолет С – 160 с опознавательными знаками люфтваффе.

Здесь Курт расстался с сопровождавшими его десантниками, обменявшись рукопожатием с офицером Максимовым. Вместо них, его ждали несколько солдат в натовской военной форме. Курт перебросился с ними парой слов на немецком, все рассмеялись. Пока человек в черном заполнял документы, солдаты перенесли груз в транспортник, втолкнули туда же Настю и насильно усадили в брезентовое сидение у борта, прицепив наручниками к его каркасу. Дрон погрузили в алюминиевый контейнер с оранжево-черными полосками и надписями «Achtung!».

На короткое время в грузовом отсеке никого не осталось и Настя, впервые, опустила взгляд. Темир выглянул из ее кармана.

– Темир?! – прошептала рыжеволосая. – Откуда?!

Следопыт жестами напомнил, что не понимает языка, кивнул на наручники. Женщина покачала головой:

– Не сейчас. Спрячься, в кармане могут заметить... – она постаралась все объяснить жестами. Закивав, Темир юркнул к ней под комбинезон и затаился. Настя вновь подняла голову.

Подготовка ко взлету отняла еще минут двадцать, но, наконец, самолет вырулил на взлетную полосу и поднялся в воздух. Курт ушел в кабину, в грузовом отсеке остались лишь Настя да несколько натовцев.

Тянулись часы. Солдаты болтали о чем-то по-немецки, то и дело бросая насмешливые взгляды на пленную девушку. Когда им вынесли подносы с обедом, один предложил еду Насте, та молча позвенела наручниками. Пожав плечами, солдат отвернулся.

Около пяти утра самолет совершил, наконец, посадку. Настю и пленных зверян пересадили в черный закрытый «Унимог», вместе с ними в кузов без окон поднялись трое натовцев. Курта нигде видно не было. Машина выехала с военного аэродрома и помчалась по восхитительно ровному, качественному немецкому автобану.

Ехать пришлось часа два и, к моменту, когда «Унимог» заглушил дизель, солнце уже показалось на горизонте. Девушку заставили выйти из машины, сопровождавшие солдаты несли контейнеры со зверьями. Раннее ноябрьское утро в Вестфалии выдалось весьма холодным, у Насти зуб на зуб не попадал. Заметив это, один из офицеров накрыл ее камуфляжной курткой.

В рассветной дымке, возвышавшийся над деревьями огромный замок Вевельсбург производил разом и величественное, и гнетущее впечатление. Построенная в стиле позднего ренессанса, бледно-серая крепость в плане напоминала треугольник, с одной гигантской круглой башней, от которой под острым углом расходились две стены к башням поменьше. Между малыми башнями тянулась перемычка, замыкая тесный внутренний дворик, крыши отличались конической, очень вытянутой формой. Верх главной башни был плоским, с бортиками и бойницами.

Именно к этой башне, лавируя между живыми изгородями и клумбами, солдаты и повели пленных. Столь рано утром туристов и посетителей в замке не было, натовцам никто не препятствовал. Они вошли в маленькую служебную дверь, прошли по низкому коридору до винтовой лестницы и спустились на подземный этаж. Здесь пахло сыростью, освещение давали старомодные лампы накаливания в решетчатых стаканах. Настю втолкнули в единственную открытую комнату, туда же занесли и контейнеры.

Низкий каменный каземат был ярко освещен и перегороден пополам прозрачной стеной из толстого плексигласа. Девушку усадили на круглый, привинченный к полу железный табурет, пропустили цепь наручников сквозь петлю на сидении. Контейнер с дроном раскрыли; солдаты отодвинули в прозрачном барьере роликовую дверь с толстой герметизирующей прокладкой, внесли туда опутанный сетью аппарат и опустили на пол. Рядом положили и второй контейнер; створка с шелестом скользнула на густо смазанных роликах и закупорила плексигласовую тюрьму.

Стальную, тронутую ржавчиной дверь комнаты с лязгом захлопнули; два солдата встали по ее сторонам снаружи в коридоре.

Настя из-за всех сил старалась не нервничать, но понимание, что она сейчас находится в самом настоящем, историческом застенке гестапо, наедине с прямым наследником его бывших хозяев, вывело бы из равновесия кого угодно.

Курт сидел за простым деревянным столом, скрестив на груди руки. Его черная военная форма на фоне хмурой каменной стены смотрелась особенно зловеще. Из обстановки в комнате имелся лишь старинный деревянный шкаф в дальнем углу да гобелен с абстрактным орнаментом, висевший напротив двери. Стол перед Куртом не занимало ничего, кроме медной настольной лампы и вызывающе анахроничного в таком месте, сверкающего хромом цифрового диктофона «Olympus».

– Добро пожаловать в рабочий кабинет моего отца, – спокойно произнес доктор Курт фон Зеботтендорф, привычным жестом загладив назад соломенные волосы. На его идеально правильном, красивом, недобром лице, мертвенно поблескивали холодные серые глаза.

***

Некоторое время царила тишина. Настя старательно делала вид, что ей не страшно, Темир застыл у нее под одеждой. За прозрачным барьером ничего не происходило.

– Вам, наверно, любопытно, почему вы до сих пор живы, – заметил Курт, сцепив перед грудью пальцы. Девушка заставила себя презрительно усмехнуться:

– Меня не запугать этим гестаповским спектаклем!

– СС, – поправил ее Курт. – Не гестапо. В замке находилась школа идеологической подготовки офицеров «SS Schule Haus Wewelsburg».

– Что вам нужно? – гневно оборвала Настя. – По какому праву меня задержали? Если вы не сотрудник полиции, или действуете без ордера, это преступное похищение человека, вы понимаете?! Кто вы вообще такой?!

– Я Курт фон Зеботтендорф, генерал-майор ФСБ, руководитель секретного института Ф – 27, доктор биологических наук, доктор химии, профессор истории и крупнейший на Земле специалист в области генетики, – сухо произнес Курт. – Мне семьдесят семь лет, шестьдесят пять из которых я проработал в КГБ. Так что, мне не

нужно вас запугивать, фрау Тимофеева. Решайте сами, имеет ли смысл бояться, – добавил он мертвым голосом.

Вновь перебрал пальцами.

– Попробуем еще раз. Вам любопытно, почему вы до сих пор живы?

Настя страшным усилием воли заставила себя ответить невозмутимо:

– Удивите меня.

– Вряд ли мои слова удивят, – губы Курта тронула слабая улыбка. – Вы живы, Настя, поскольку мне требуется сотрудничество нескольких разумных зверей. Полагаю, вам лучше, чем мне, удастся вести с ними переговоры.

– И я вот так покорно буду плясать под вашу дудочку?!

Курт улыбнулся чуть шире.

– Если не будете, просто отправитесь навестить давнего друга, Ивана Кулибина, – он положил на стол «Люгер». Настя оцепенела.

– Это ложь!

– Давайте спросим тех, кому вы верите? – предложил Курт.

Он коснулся кнопки под столом. В комнату вошли двое солдат и отцепили наручники Насти от табурета.

– Раздевайтесь, – холодно приказал Курт.

– Что?!

– Раз-де-вай-тесь, – повторил он по слогам. – Лучше сами, прежде чем я прикажу солдатам.

Настя рывком выпрямилась:

– Как вы смеете!

– Мне не нужно, чтобы вы вторично вынесли мышь из охраняемого помещения, спрятав ее в одежде, – холодно произнес Курт. – Считаю до трех, и вас разденут насильно. Раз. Два.

– Хорошо! – девушка дрожала от гнева. Расстегнув комбинезон, она сбросила его на пол, скрыв Темира в складках материи, переступила и оттолкнула ногой к дальней стене. Оставшись в одной майке и трусах, Настя в бешенстве шагнула вперед:

– Довольны?!

– Мне произнести «три»? – сухо спросил Курт. Девушка побледнела. Оглянувшись на дюжих, высоких солдат-их лица выражали порочное веселье. Стиснув зубы, Настя

сорвала майку, сняла трусы, швырнула одежду в угол на смятый комбинезон и, полностью обнаженная, обернулась к человеку в черном.

– Так лучше, – кивнул Курт. – Осмотрите ее, – распорядился. Солдаты быстро проверили тело отбивающейся девушки. – Замечательно. Войдите в бокс и выпустите из плена ваших пушистых приятелей.

Один из охранников отодвинул роликовую дверь, второй толкнул туда голую Настю. Бокс тут же вновь запечатали. Внутри было очень тепло, даже жарко-горячий воздух поступал из зарешеченных мелкой сеточкой отдушин под потолком. Для общения, в углу на полу стоял блутус-динамик.

– Не заставляйте бедных зверушек томиться в плену, – донесся издевательский голос Курта. Он дал знак, и двое солдат, глазевших на обнаженную девушку, с недовольными лицами вернулись в коридор.

Настя стиснула зубы. Руки немного дрожали от волнения, но распутать золотистую сеть ей удалось быстро. Из разбитого иллюминатора, на девушку глядело несколько пар крохотных глаз.

– Вылезайте... – выдавила она с натугой. Обернулась ко второму контейнеру. Здесь пришлось, ломая ногти, отвинчивать несколько шайб, крепивших верхнюю плоскость. Когда это, наконец, было сделано, Настя сняла крышку и вздрогнула, увидев пленника. Черный мышонок лежал на боку в углу клетки.

– Элджи, – позвала Настя. – Ты как?

Ответить он не успел-мимо девушки промчалась серая молния и заключила мышонка в объятия. Не вытирая слез, Орби прижала друга к груди.

– Все хорошо, у нас есть план! – плача, шепнула ему на языке сарков. Элджи сглотнул и, с огромным трудом, заставил себя улыбнуться.

– Я же просил плыть домой... – выдавил он еле слышно. Орби лишь крепче стиснула объятия.

– Тебе не причинили вреда?

– Нет... Просто сунули в клетку, – Элджи отвел глаза. – Мы так и не успели вылететь в Тибет, всю группу арестовали в аэропорту, – он поднял взгляд на обнаженную Настю и добавил по-русски: – Мне очень жаль.

Рыжеволосая с трудом улыбнулась.

– Ты-то здесь каким боком, пушистик.

– Я разгадал тайну картины... Во всем виноват я...

Орби встряхнула черного мышонка за плечи и ласково лизнула в нос.

– Не хандри, – шепнула с любовью. – Все будет хорошо. С тобой тут хотят познакомиться... – она кивнула на высокого, хмурого серого мыша с хрустальными глазами, что как раз выпрыгнул из дрона и залез на бортик клетки. Элджи робко поднял глаза:

– Здравствуйте?..

– Перед тобой коммодор Яхак Нарх'варрен а'Марув а'Серенада, – тихо сказала Орби. Элджи не сразу понял, затем сильно вздрогнул и отпрянул всем телом.

– Твой... сын?!

– Очень приятно, наконец, встретиться, – Яхак спрыгнул в клетку и приблизился.
– Мать много о вас рассказывала.

Растерянный, окончательно смутившийся, Элджи сумел лишь что-то неразборчиво пискнуть. Орби с огромной любовью прижалась лицом к его лицу и оба застыли на короткое время.

В себя их привел холодный жестокий голос из динамика:

– Сентиментально, сентиментально.

Настя рывком выпрямилась, Яхак бросил на Курта за прозрачной стеной взгляд, не суливший ничего хорошего. Человек в черном уже не сидел за столом, а стоял у плексигласового барьера, скрестив на груди руки.

– Настя, вы собирались узнать у своих друзей судьбу Ивана Кулибина, – напомнил он по-русски. Рыжеволосая сильно вздрогнула и опустила глаза к зверьям. Яхак нехотя кивнул:

– Журналист мертв, – сказал тяжело. – Курт застрелил его в упор.

– И поплатится за это!!! – свирепо прорычала Орби. Настя зажмурилась и целую минуту стояла неподвижно, тяжело и с присвистом дыша.

– За что? – спросила она, наконец. – За что?!

– Ничего личного, – усмехнулся Курт.

Рыжеволосая девушка подбежала к барьеру и ударила в стену кулаком.

– Вы сгниете в тюрьме!!! Убийца!!!

– До тюрьмы он не доживет... – тихо сказала Орби, с ненавистью глядя на человека. Курт, тем временем, смерил дрожащую от гнева Настю холодным взглядом.

– Мы теряем время, – произнес он жестко. – Прикажите зверьям покинуть дрон и выстроиться в шеренгу вдоль линии, – он кивнул на красную полосу, пересекавшую

пол. – Да, на всякий случай... – он поднял в руке крохотный серебристый пульт на цепочке. – Обратили внимание, сколь тщательно реализована герметичность данного помещения? – Курт указал на толстые резиновые прокладки по всем граням барьера и на двери. – Думаю, вы уже догадались.

Настя подняла голову к вентиляторам, гнавшим с потолка теплый воздух.

– Газовая камера...

– Чего еще ожидать от фашиста вроде меня? – подмигнул Курт и, резко согнав с лица улыбку, добавил с металлом в голосе: – Не заставляйте оправдывать ожидания. У вас минута.

Настя обернулась к зверьям. Яхак, стоявший на бортике клетки, коротко кивнул:

– Сейчас! – он побежал к дрону. Орби, тем временем, помогла Элджи вылезти из ящика и оба подошли к красной линии. Вскоре к ним присоединились Туман, Самара и Гюрза с малышом на руках. Последним свое место в шеренге занял Яхак.

– Где летучая мышь? – резко спросил Курт.

– Не пролезает в иллюминатор.

– Выбейте ветровое стекло!

– Оно бронированное! – гневно отозвался Яхак. – Нужны инструменты.

Курт молчал пару секунд.

– Настя, установите дрон рядом с линией, чтобы я мог видеть летучую мышь сквозь стекло, – распорядился он после паузы. Девушка, стиснув зубы, подтащила тяжелый летательный аппарат; Инга внутри опустилась в кресло второго пилота и помахала крылом.

– Ладно, сойдет, – решил Курт. Отвернувшись, подошел к шкафу в углу каземата, вынул штатив с небольшой видеокамерой, установил напротив барьера. Около минуты настраивал видеозапись.

– Пусть каждый сделает шаг вперед и назовет свое полное имя, вид и профессию, – сказал Курт, не поднимая глаз от экранчика видеоискателя. – Слева-направо. Настя, вас тоже касается.

Девушка бросила на врага испепеляющий взгляд.

– Анастасия Тимофеева. Человек. Эксперт по безопасности.

– Коммодор Яхак Нарх'варрен, сарк, – сурово сказал офицер. – Военный пилот.

– Элджи, сарк. Инженер-изобретатель.

– Орби, принцесса сарков.

Элджи бросил на подругу удивленный взгляд, та с трудом улыбнулась и подмигнула. Вперед, тем временем, шагнула воительница:

– Гюрза и мой сын Сай. Мы из рода селевиний. Профессия... – она запнулась, – ...постоянной не имею.

– Самара, лабораторная мышь. Инженер-изобретатель, – она бросила на Элджи смущенный взгляд.

– Туман... – последним пискнул серый мышонок на зверолингве. – Дварг. Учусь в Институте Генезиса. Не знаю русского языка.

Курт отрешенно кивнул.

– В боксе, также, присутствует летучая мышь вида *Myotis Myotis*, или большая ночница, по имени Ингрид Фюнгерхаттдоттир, – сообщил он в микрофон камеры. – Ее допрос будет произведен позже.

Выпрямившись, человек подошел к столу, взял старинный резной деревянный стул, установил напротив барьера и сел справа от камеры. Сцепил перед грудью пальцы.

– Начнем, пожалуй, с вас, – он взглянул на Гюрзу. – Примерно полтора часа назад, пока дрон еще везли в грузовике, я ощутил ментальный контакт между вашим сыном и неизвестным могущественным телепатом, которого мы называем «демон», а вы – «орел», – Курт сузил зрачки. – Не стану спрашивать, о чем шла беседа, ибо не имею средств проверить вашу правдивость. Впрочем, это не так и важно... – он скрестил на груди руки и откинулся на спинку кресла.

– Буду предельно откровенен, – сказал жестко. – Интерес для меня представляет только детеныш. Его мать, – он посмотрел на Гюрзу, – относительно полезна, чтобы заставлять детеныша повиноваться. Все остальные, включая и вас, Настя, находятся здесь с единственной целью: обеспечить послушание и строгое исполнение приказов этими двумя.

– Моего сына зовут Сай, – тихо, со скрытым бешенством в голосе, сказала Гюрза. – Ты плохо начал, если желаешь послушания.

Курт легонько приподнял одну бровь.

– Вы смелая крыса, отдаю должн...

– Какого ХРЕНА тебе надо? – резко прервала Гюрза.

Человек нахмурился, но, видимо, решил, что препираться с крысой ниже его достоинства.

– Вас это не касается.

Элджи шагнул вперед:

– Простите, но... Я не вижу выхода из патовой ситуации, в которой мы с вами оказались.

– Со мной? – недоверчиво переспросил Курт. Черный мышонок кивнул:

– Вы все равно уничтожите нас, вне зависимости, станем мы сотрудничать или нет. Где же мотивация? – он развел лапками. – Напротив, каждый из нас сейчас заинтересован, по возможности, причинить вам максимальный вред, обмануть или заманить в ловушку, ибо с нашей точки зрения-вполне обоснованной-в недалеком будущем вы станете нашим палачом, – тяжело произнес Элджи.

Курт усмехнулся краешком рта.

– «Здесь и сейчас» имеет куда больший приоритет, чем «скоро». Если я, здесь и сейчас, начну медленно поджаривать вашу подружку... – он бросил жестокий взгляд на Орби – ...вас будет переполнять мотивация, уверяю, – добавил Курт со смешком в голосе.

– Мотивация мстить, а не сотрудничать, – сухо ответил мышонок. – Подозреваю, вы знакомы с моим досье, оно в КГБ должно занимать немало страниц. Я обладаю весьма развитым интеллектом, огромным опытом и внушительным багажом знаний. Думаю, вы согласитесь, что с такими способностями, я сумею придумать способ отомстить вам за подругу, или, как минимум, скрою либо уничтожу важнейшую для вас информацию. Насилием и пытками, сотрудничества не добьются, Курт. Хотите получить результат? – он подался вперед. – Дайте нам смысл за него бороться.

Человек несколько секунд с неподдельным интересом разглядывал пушистого пленника.

– Как вы это себе представляете? – спросил он затем. – Мне, что, обещать сохранить вам жизнь? Разумеется, я могу обещать. И даже могу сохранить. Но вы ведь никогда не поверите. И даже телепат, вроде вашей летучей крысы, не сумеет ничего подтвердить, ибо я действительно могу в данный момент говорить правду, но на следующий день передумать.

Элджи помолчал.

– Чтобы ответить на ваш вопрос, мне нужно знать, какая помощь от нас требуется, – сказал он негромко. – Зачем вам белый мышонок? Как вы надеетесь использовать его телепатические способности?

– Это-вас-не-касается, – жестко отрезал Курт. Черный мыш покачал головой:

– Кого же еще оно касается, кроме нас? – спросил просто. – Курт, мы ведь не животные. Я вижу, вам нравится самоутверждаться, избегая называть нас по именам, считая крысами и недостойными тварями. Но вы сейчас повторяете ту же катастрофическую ошибку, что стоила вашим предкам проигранной войны.

Человек вздрогнул. Его лицо на краткий миг исказилось, но он быстро обуздал эмоции.

– Объяснитесь? – бросил холодно.

– Наука, как и сама реальность, едина для всех, – коротко сказал Элджи. – Она не делится на «арийскую» и «еврейскую». Ученые-эмигранты, вынужденные бежать из Германии после прихода Гитлера к власти, позже создали для Америки атомную бомбу. А могли создать для вас. Раньше всех. Германия имела все возможности, чтобы одержать решительную победу, но сама от них отказалась из-за гнилой, пещерной идеологии.

Черный мышонок резко шагнул вперед и топнул ногой:

– От того, что я покрыт шерстью, мой интеллект меньше не становится! Принижая нас, вы, в действительности, лишь подтверждаете собственную недалекость. Расизм слепит вас, Курт. Я не мелкая надоедливая тварь. Я ученый, ничем не уступающий любому человеку!

– Bravo! – не удержалась Самара, но, тут же, смутившись, сжалась на своем месте в шеренге. Орби бросила на друга взгляд, полный любви и гордости.

Курт долго молчал, глядя на Элджи со странным выражением в глазах. Затем, не говоря ни слова, встал, подошел к видеокамере и выключил ее. Приблизившись к внешней двери, бросил приказ на немецком в переговорное устройство, задвинул изнутри шторку и, медленно, вернулся к прозрачной стене. Вновь опустился на стул, закинув ногу за ногу изящным, отточенным жестом.

– Когда я закончу рассказ, вы все, включая Настю Тимофееву, станете носителями государственной тайны стратегического уровня, – спокойно произнес Курт. – Понимаете, что это значит?

– Вы нас и так никогда не отпустите! – гневно бросила девушка. Курт слабо усмехнулся.

– Не совсем, – поправил он. – Видите ли, какая тут любопытная ситуация... – человек скрестил на груди руки: – Если мышонок по имени Сай-выговорил он жестко-справится с заданием, государственной тайны не останется. Более того, вы все-включая

и самого мышонка-абсолютно, категорически утратите всякую ценность. Мне даже выкинуть вас на помойку будет лень.

Курт легонько наклонился вперед:

– Вон оно, решение вашей патовой ситуации, Элджи. Хотите выжить и вернуться на волю? Станьте для меня бесполезными.

– Как стал Иван Кулибин? – процедила Орби сквозь зубы. Курт покачал головой:

– Журналист слишком много знал и мог причинить проблемы. А вы никому на свете не будете больше нужны, когда Сай исполнит свою миссию. Я отпущу вас. Слово офицера.

Повисла тишина. Неожиданно, прервал ее высокий хрустальноглазый Яхак:

– Понадеемся на вашу честь, – сказал он сурово. – Рассказывайте.

Курт помолчал.

– В середине 30–х годов прошлого века, мой отец, Рудольф фон Зеботтендорф, совершил удивительное открытие в одном из малоисследованных районов Тибетского нагорья, – начал он. – В поисках мистической страны «Шамбала», его экспедиция изучала пещеры, покрытые льдом, и в одной обнаружила прекрасно сохранившиеся в вечной мерзлоте тела существ, не бывших людьми.

– Тех, что нарисованы в вашей тетради? – робко спросила Самара. Курт кивнул:

– Да. Разумных животных вроде вас, в те годы, еще не существовало.

– Инопланетяне... – прошептал Элджи. Курт усмехнулся краешком рта.

– Отец продолжил поиски с удвоенной силой и вскоре нашел корабль, точнее обломки. Согласно его описанию, некогда это был огромный летательный аппарат, превосходивший размерами крупнейшие самолеты того периода.

Курт умолк и посмотрел прямо в глаза Элджи. Черный мышонок нервно передернул хвостиком.

– И... все?

– Ответьте сами.

Элджи на миг задумался.

– Находка превосходила размерами самолеты... – произнес он медленно. – То есть, она была значительно меньше дирижаблей или морских лайнеров, иначе Рудольф сравнивал бы с ними.

– Блестяще, – улыбнулся Курт. – Да, Элджи, обнаруженный отцом корабль был огромен, но в сотни, если не в тысячи раз меньше любого реалистичного межзвездника. Иными словами, это был спускаемый аппарат, нечто вроде Шаттла или нашего Бурана.

Черный мышонок взволнованно подался вперед:

– Но почему их не спасли товарищи?!

– Вот самый, самый, самый важный вопрос, который только можно задать, – сухо отозвался Курт.

Повисла тишина. Зверяне растерянно переглядывались, но первым, вновь, обо всем догадался Элджи. Широко раскрыв глаза, он даже шагнул назад:

– Их не спасли... То есть, с главным звездолетом что-то случилось...

– Да, – сурово ответил Курт. – Пришельцы, уцелевшие в крушении шаттла, даже не надеялись, что за ними отправят другой. Они собрали в пещере контур ускорителя времени, тот самый, что экспедиция отца привезла в Германию, а после войны захватили американцы, решив, будто это телепортационная установка. Они ждали спасения, Элджи, и ждать собирались столетиями. Пришельцы и сегодня были бы живы, состарившись лишь на несколько минут, если б за минувшие века не случилось землетрясение, что похоронило их всех подо льдом.

Мыш содрогнулся:

– Господи...

– Догадываетесь, чего они ждали?

– Второго корабля! – воскликнула Самара. Но Элджи, медленно, покачал головой.

– Вряд ли... – пробормотал он напряженно. – Надо размышлять, как представители расы, освоившей межзвездные полеты. Любая подобная экспедиция, вне зависимости от уровня развития цивилизации, колоссально сложна, ресурсоемка, а главное-продолжительна. Даже если потерпевший крушение корабль отправит домой сигнал бедствия, сигнал будет идти десятки и сотни лет, после чего ждать спасателей придется, как минимум, столько же, лишая саму операцию всякого смысла. Кроме того... – мыш возбужденно размахивал хвостом, – Межзвездная связь требует грандиозных энергий!

– Bravo, – коротко сказал Курт. Элджи поднял глаза:

– Они не могли рассчитывать на второй звездолет из дома, не могли вернуться на свой, и не ждали другого шаттла... Но, тем не менее, чего-то ждали... – мышонок нервно прижал ушки. – Надежда, у них оставалась надежда-какая?!

– На людей, – ответил человек.

Повисла тишина.

– Вы хотите сказать, они рассчитывали получить помощь от аборигенов планеты? – напряженно спросил Элджи.

– В некотором смысле, – сухо ответил Курт.

– Но... – мышонок растерялся. – Я не понимаю... – он вдруг широко раскрыл глаза: – Господи!

– Да, Элджи, – сурово сказал Курт. – Звездолет, на котором они прилетели, до сих пор здесь.

– Где?!

– Мы не можем его найти. По неизвестной причине, пришельцы не вывели его на орбиту вокруг Земли, когда прилетели.

Черный мыш жарко подался вперед:

– Масса!

– Скорее всего, – кивнул Курт. – Мы предполагаем, размеры звездолета столь велики, что маневрировать он практически неспособен, либо для этого требуется слишком много энергии. Вероятнее всего, после торможения с крейсерской скорости, корабль вошел в зону притяжения Солнца и, с тех пор, вращается вокруг звезды по орбите, не лежащей в плоскости эклиптики.

– Но... – слегка растерянно спросила Орби, – Почему вы думаете, что корабль уцелел? Может, он взорвался или столкнулся с астероидом?

– Тогда выжившим не имело смысла ждать! – возбужденно ответил Элджи. – Они основали бы колонию на Земле!

– Ааааа...

Черный мыш взглянул на Курта:

– Вы что-то еще нашли в пещере, да?

Человек медленно кивнул.

– Да, Элджи. Тут, в подземельях Вевельсбурга, хранится аппарат, доставленный моим отцом из Тибета. У нас есть веские причины считать данный аппарат бортовым

компьютером шаттла, разбившегося много веков назад. И там, разумеется, будут храниться координаты материнского корабля.

Курт помолчал, глядя на напряженно слушающих пленников.

– Интерфейс компьютера несовместим с обыкновенными органами чувств. Управление осуществляется телепатически, и даже мне, одному из наиболее талантливых эсперов, не удастся осуществить подключение.

– Что вы надеетесь найти? – тяжело спросил Элджи. – Оружие? Технологии? Уверяю, по сравнению с расой, осуществившей межзвездный перелет, люди не более развиты, чем мыши. Разобраться в их звездолете вам будет столь же просто, как воинам Александра Македонского освоить квантовый компьютер!

Курт слабо улыбнулся.

– Из уст существа, обладающего индексом интеллекта на уровне лучших ученых, это звучит грозно.

– Я думал, вы достаточно обо мне знаете, чтобы не судить по внешности, – сдержанно ответил Элджи. – Телом я, быть может, и похож на мышонка, но здесь... – он тронул пальцем висок – ...есть, с чем считаться.

– Не сомневаюсь! – заверил его Курт. – Более того, я восхищен вашими способностями. Разгадать тайну моего отца, отыскать невидимое послание на обратной стороне картины, всего за несколько дней-блестящая работа, Элджи. Bravo.

Повисла напряженная тишина. Прервал ее сам Курт; молча встав, он подошел к гобелену с абстрактным орнаментом, что висел напротив двери. Отодвинул ткань; за ней обнаружился тайный, встроенный в стену сейф. Покрутив старинные механические замки, Курт вытащил из сейфа несколько фотографий и, аккуратно, разложил их на полу, прислонив к прозрачному барьеру.

– Элджи, можете приблизиться и рассмотреть детали, – сказал мертвым голосом.

Черный мышонок вздрогнул. Робко оглянувшись на Орби, он вышел из шеренги и подбежал к стеклу, Несколько минут, не веря, переходил от одной фотографии к другой, наконец поднял на Курта совершенно растерянный взгляд.

– Я... Не понимаю?

– Фото отпечатаны с негатива 1933 года.

– Но это невозможно!

Курт прищурил один глаз и усмехнулся уголком рта.

– Уверены?

Изумленный, шокированный Элджи нервно дергал хвостом.

– Вы точно знаете, негатив был подлинным? – выдавил он, наконец. – Провели анализы?

– Несколько десятков раз. Мы тоже не верили, Элджи.

Черный мышонок зажмурился. Около минуты стоял неподвижно, лихорадочно размышляя.

– Кроме фотографий, экспедиция вашего отца доставила из Тибета другие свидетельства? – спросил он напряженно. – Образцы? Что-нибудь... Неоспоримое?

Курт медленно кивнул и опустил на пол прямо перед Элджи еще одну фотографию. Сделал шаг назад:

– Снял я сам, в прошлом месяце, – сказал жестко. – Корпус того самого бортового компьютера, который мы не в силах включить.

Мышонок беспомощно пискнул и просто сел на хвост. К нему подскочила Орби:

– Все хорошо?!

Элджи смотрел на фотографию, не в силах оторваться. Мышка проследила его взгляд и недоуменно моргнула: – Что за символ?

– Его не может там быть... – прошептал Элджи. Орби нахмурилась:

– В смысле?!

– Я не понимаю... – черный мышонок прижал ладони к вискам. – Нет, нет, так не бывает... Не верю... Вы обманываете нас, Курт! – внезапно воскликнул он, вскочив на ноги. – Пытаетесь пробудить жгучее любопытство ученого, чтобы добиться повиновения!

Человек вздохнул.

– Нет, Элджи. Не обманываю. На корпусе компьютера, найденного моим отцом в гималайских ледниках почти девяносто лет назад, действительно изображен логотип «NASA».

– Что это значит? – напряженно спросила Орби, обнимая потрясенного Элджи за плечи. Курт отозвался жестким металлическим голосом:

– Это значит, ваше высочество, что звездолет размером с город, вращающийся где-то в Солнечной системе уже столетия, не инопланетный. И никогда им не был.

– Но... – растерянная Орби моргнула. – Разбитый шаттл нашли в 30-е годы?!

– Именно.

– Каким образом?! – мышка сглотнула. – Только не начинайте об Атлантиде и предках арийцев!

Курт усмехнулся.

– Вряд ли у гипербореев имелась организация под названием «National Aeronautics and Space Administration» с точно таким же логотипом.

Элджи, внезапно, вздрогнул и вскочил на ноги. Подбежал вплотную к стеклу:

– Не точно... – прошептал он в волнении. – Логотип отличается!

Улыбка с лица Курта бесследно пропала:

– Что?

– Шрифт! – мышонок возбужденно прижался мордочкой к плексигласу. – В 2020 году, НАСА сменила шрифт на логотипе. А тут старый! – он поднял горящий взгляд на Курта. – Это подделка!

Человек резко шагнул вперед:

– Что за чушь? – спросил жестко. – Я сам сделал это фото, в хранилище глубоко под замком!

– Если корабль явился оттуда, откуда мы все подозреваем, на нем не может быть более старого логотипа, чем текущий, – холодно сказал Элджи. – Вы желали анализа, что ж, вот вам мое экспертное заключение: логотип на артефакте поддельный. Его нанесли в новейшее время, вероятно, с целью скрыть истинное происхождение аппаратуры. Вас одурачили, Курт, – насмешливо добавил мышонок. – В хранилище уже кто-то побывал в течение 20-го века.

Человек рывком нагнулся, схватил фотографию и поднес к глазам. На его скулах заиграли желваки.

– Я должен сравнить сам, – процедил Курт сквозь зубы. – Продолжим через час... А вы пока поспите, – он нажал кнопку на своем крохотном алюминиевом пульте.

Как ужаленные, пленники разом вскинули головы: из решеток на потолке полился бесцветный газ. Чувствуя, как сознание стремительно отключается, Элджи еще успел прохрипеть:

– ГНАТ! – и свалился без чувств. Рядом попадали остальные, последней по плексигласу сползла Настя. Курт, усмехнувшись, отключил газ, резко развернулся на каблуках и, печатным шагом, покинул каземат, открыв дверь изнутри с помощью магнитного ключа, висевшего на той же цепочке, что и пульт от газовой камеры.

Глава 14

Боевой газ «ГНАТ», с которым Эджи был уже печально знаком, действовал со скоростью молнии и не причинял вреда здоровью, однако пробуждение после его использования напоминало жесточайшее похмелье в аду. Какие-то мерцающие, ускользающие видения метались в разуме, не помогали даже открытые глаза. Все кружилось и плыло.

Эджи снилось, будто он стоит на коленях посреди зала, освещенного кровавыми факелами. Прикованный тяжелыми цепями к кольцам в полу, мышонки едва мог пошевелиться. Спереди несло жаром, он с трудом поднял голову. На металлическом многогранном троне, увитом молниями, сидел золотистый зверек с огромными зелеными глазами и кисточками на ушах. По шерсти струились разряды, в пасти тускло сияло пурпурное зарево, пробиваясь лучами сквозь зубы. Эджи беспомощно протянул к зверю лапки:

– Кира! – взмолился он, уже задыхаясь от волн жара. – Спаси!

Золотое существо обратило к нему лицо. Из глаз полился зеленый свет, залил весь зал холодным, неестественным огнем.

– Давно я мертва, слишком давно... – жутким трескучим голосом проскрипело существо. – Леса выростали над моею могилой и обращались в прах, горы рассыпались песком, высыхали океаны. Зачем потревожил ты мертвого бога?

Эджи в страхе замотал головой:

– Нет! Нет, Кира, ты жива, прошло лишь несколько лет с тех пор, как ты ушла! Ты жива!

Золотой зверек опустил взгляд, озарив пол зеленым сиянием.

– Я теперь в темном месте, – ответил он детским беспомощным голоском. – Здесь так холодно... Поговори со мной... Согрей мою душу...

– Кира, вернись к нам! – отчаянно крикнул Эджи. – Вернись, прими нашу любовь и дружбу!

Золотой зверь загорелся. Всполохи багрового пламени охватили его тельце, вырвались из ушей и глазниц. Элджи закричал, рванулся на помощь, но цепи безжалостно лязгнули. Сгорающий заживо зверь поднял голову:

– Твой путь не окончен, – произнес он механическим безжизненным голосом и рассыпался пеплом. Элджи в отчаянии застонал.

Видение начало гаснуть, какая-то сила бесцеремонно вторглась извне. Черный мышонок с трудом открыл глаза. Он лежал на спине у плексигласового барьера, а над ним склонилась Инга и делала искусственное дыхание.

– Откуда?! – прошептал изумленный пленник.

– Я закупила разбитый иллюминатор, едва началась газовая атака, – летучая мышь кивнула на приоткрытую дверь клетки: – У вас в дроне нашлись неодимовые магниты, я сумела приподнять засов изнутри.

Элджи, сглотнув, заставил себя встать на ноги, его шатало. Все остальные так и лежали рядом без памяти, даже Настя.

– Ты умница... – выдохнул он, дрожа. – Помоги остальным... Орби... Гюрза... Мышата...

Инга отрывисто кивнула и рванулась приводить в чувства друзей, а Элджи доковылял до дрона, откинул аварийную крышку снизу на фюзеляже и, с трудом, разъединил зубчатую передачу, удерживавшую аппарат поднятой. Та с глухим звоном упала.

– Сколько прошло времени? – спросил он слабо.

– Минут десять, не больше! – отозвалась издали Инга.

– У нас полчаса, от силы, прежде чем вернется Курт...

Отрывисто кивнув, летучая мышь вернулась к работе. Элджи опустился на пол и прижал ладони к глазам. У него кружилась голова, реальность казалась зыбкой и ненастоящей. Жуткое видение про Киру до сих пор горело в разуме.

Последствия газовых отравлений всегда наиболее тяжелые, но Элджи уже встречался с ГНАТ-ом и помнил, что галлюциногенного воздействия тот не оказывает. Возможно, сказалась усталость и нервное напряжение? Тряхнув головой и борясь с чувством, что все вокруг призрачная иллюзия, Элджи заставил себя встать на ноги. Пока доковылял до остальных, стало чуть легче.

Чтобы совместными усилиями привести в чувство зверян и Настю, потребовалось не менее двадцати драгоценных, невозполнимых минут. К тому

времени, как все более-менее опомнились и покинули газовую камеру сквозь открытую роликовую дверь, Курт уже мог вернуться в любой миг. Настя, едва придя в себя, бросилась к одежде.

– Логотип НАСА был подлинный, – сказал Элджи, когда пленники собрались вокруг него кучкой. – Едва Курт это осознает, он поймет, что его обманули, – черный мыш обернулся к подруге. – Орби, любимая, видеокамера выключена, шторка на окне задвинута. Часовые не могут следить за комнатой. Другого шанса у нас не будет. На борту есть арсенал холодного оружия и взрывчатка, вооружи всех, кто умеет сражаться...

Отрывисто кивнув, Орби бегом бросилась к дрону. Яхак побежал следом. Серая мышка была уже у самой машины и, жестом, подозвала Гюрзу:

– Каким стилем владеешь лучше всего?!

– Против людей? – воительница на миг задумалась. – Глефа или тяжелый яри. Есть?

– Конечно, мои любимые древковые... – Орби легким прыжком взвилась на фюзеляж и нырнула в разбитый иллюминатор. Инга, тем временем, уложила крыло на плечо Элджи:

– Сай говорил с орлом-телепатом, пока нас везли в грузовике. Орел знает все тайны замка! Есть подземный ход, о котором не подозревал даже фон Зеботтендорф. Он начинается в винном погребе, на два яруса ниже этой комнаты!

Черный мыш отрывисто кивнул:

– Настя! – позвал он. – Ты как?

– Голова кружится... – буркнула девушка. – Все вокруг кажется иллюзорным...

– Мне тоже! – прошептала Самара.

– И мне! – Туман держался за голову и медленно качался. Элджи стиснул зубы:

– Очевидно, Курт использовал новый газ... Не бойтесь, головокружение потихоньку пройдет, мне уже лучше, вам тоже скоро станет.

Тем временем Орби спустилась по аппарели, увешанная холодным оружием как стенд в музее. Раздала Гюрзе и Яхаку предпочитаемые ими мечи и копья.

– Спасибо! – селевиния закинула перевязь с двумя копьями-яри за спину и рывком затянула. Рядом Яхак вооружился бритвенно-острым мечом с длинной рукоятью и зубцами на обратной стороне клинка.

– Лук и стрелы есть? – быстро спросила Гюрза. Орби покачала головой. Жестами подозвала всех к себе:

– Мы с Гюрзой лучшие воины, мы идем впереди, – сказала она быстро. – Яхак, ты прикрываешь тыл!

Пока зверяне готовились к бою, Настя уже успела натянуть свой комбинезон и вернулась, вооружившись штативом от видеокамеры Курта.

– Посади в карман Элджи, Самару и Тумана! – попросила ее Орби. Девушка, кивнув, подхватила зверян с пола. Мышь обернулась к летунье:

– Инга, бери Сая. Будете указывать путь.

Гюрза, кивнув, усадила сына на спину летучей мыши. Потрепала его по голове:

– Все будет хорошо, маленький. Держись за шерсть крепко!

– Не бойся за ребенка, – мягко сказала Инга. Селевиния с трудом улыбнулась:

– Ты, главное, не геройствуй...

– Рисковать детьми не в моем характере, – очень серьезно отозвалась летунья и обратила взгляд к Насте. Та посмотрела на внешнюю дверь:

– С двумя солдатами я не справлюсь.

Гюрза криво усмехнулась:

– Просто заставь их открыть дверь...

– Если они хоть капельку обучены, дверь не откроют, а сразу поднимут тревогу.

Самара высунулась из кармана:

– Я вскрою замок, – сказала коротко.

Настя, нервно сглотнув, подставила ладонь белой мышке и поднесла ее к двери. Самара вынула из кармана своего сиреневого комбинезона раскладную отмычку и приникла к замочной скважине.

– Электромагнитный запор... – прошептала она. – Сейчас замкну, но звук магнита сразу услышат. Готовьтесь!

Настя, кивнув, заняла позицию напротив двери и грозно подняла сложенный штатив, Гюрза взобралась ей на плечо. Орби собиралась последовать за ней, но Яхак удержал:

– Охраняй Сая и Ингу! – приказал отрывисто. Мышка с большой неохотой кивнула. Офицер обернулся к летунье:

– Прикрой ребенку лицо. Не стоит ему видеть то, что сейчас будет.

Содрогнувшись, Инга с трудом кивнула и закутала Сая крылом. Самара оглянулась на друзей:

– Все готовы?

– Да, – сухо ответила Настя. Белая мышь, вздохнув, шевельнула отмычкой и дверь с громким жужжанием электромагнитов приоткрылась.

Девушка рывком сунула Самару обратно в карман и, сильным ударом ноги, распахнула дверь настежь. Двое солдат, что несли караул рядом, как раз обернулись, но, прежде чем успели схватиться за оружие, Настя с криком ударила одного острыми ножками штатива прямо в лицо.

Второму повезло меньше-на него прыгнула Гюрза. Свист клинков, ужасный хрип, и человек, схватившись за рассеченное горло, сполз по стене. Гюрза тем временем скользнула вдоль руки падающего врага к первому противнику, что пятился, держась за окровавленное лицо, совершила длинный прыжок и, еще находясь в воздухе, вонзила солдату глубоко в шею длинные лезвия своих яри.

Человек дернулся, рванулся, и тем самым лишь помог селевинии нанести еще более страшную рану. Она рывком выдернула копья и отпрыгнула с сальто назад, а солдат, зажимая фонтан крови из вены, сделал пару неуверенных шагов и рухнул на камни. Настя, сглотнув, наклонилась над дергающимся в агонии телом, сорвала пояс с кобурой.

– Стрелять умеешь? – быстро спросила Гюрза, свирепо озираясь.

– Я прошла военную подготовку! – нервно отозвалась Настя.

– Возьми второй пистолет и обоймы!

Подбежал Яхак:

– Все, цепляйтесь за девушку! Инга, направляй нас!

Зверяне торопливо взобрались к карманам комбинезона, Инга и Сай заняли место на правом плече, на левое вспрыгнула окровавленная Гюрза.

– Если я дерну за ухо, немедленно останавливайся, если пискну-падай! – процедила воительница сквозь зубы. Девушка кивнула.

И они побежали.

До лифта добрались без приключений. Пока кабина опускалась, Настя стояла напротив дверей, вскинув пистолет. Гюрза была напряжена до предела.

– Как выйдем, направо... – шепнула Инга. Девушка нервно сглотнула. Лифт остановился, двери раскрылись с легким жужжанием. Взгляду предстал полутемный,

низкий каменный коридор, вдоль крупных щелей кладки зеленели полосы мха. Из коридора влажной холодной волной тянуло сыростью. Настя, крадучись, вышла из лифта и повернула направо. До первой развилки дверей не встречалось, но внезапно Гюрза схватила ее за ухо. Девушка застыла.

По перпендикулярному коридору пробежало двое солдат, тревожно перебрасывавшихся словами на немецком.

– Чисто... – шепнула селевиния. Настя прижала ладони к вискам и пару секунд стояла неподвижно, тяжело и с присвистом дыша.

– Мне на миг показалось, это были те самые солдаты, что мы убили наверху... – выдавила она с дрожью в голосе.

– Форма всех делает похожими, – успокоила Гюрза. Тяжко кивнув, Настя продолжила красться по подземельям древнего замка. Направляемая Ингой, она миновала несколько развилок, пока не остановилась у большой, полукруглой, глубоко утопленной дощатой двери. Рядом на табличке было по-немецки написано «Вход запрещен!».

– Винный погреб... – прошептала летучая мышь.

Настя с трудом вытянула на себя одну створку, вошла и обернулась. Изнутри на двери нашелся массивный засов. Но, едва девушка протянула к нему руку, Гюрза дернула ее за ухо:

– Нет, – шепнула быстро. – Они не должны знать, где начинается ход!

Нервно кивнув, Настя затворила дверь и пошла вдоль рядов огромных бочек, тускло освещенных тлеющими лампами под низким потолком.

– Здесь, – сказала Инга.

Девушка боком протиснулась между двумя ничем не примечательными бочками и присела в грязной, полной пыли и паутины нише у самой стены. Инга спланировала с ее плеча на пол, Сай прыгнул и подбежал к древней кладке. Указал Насте на один из камней.

Напрягая все силы, девушка вдавила камень в стену, и рядом, с хрустом разрушив вековую грязь, приоткрылся квадратный люк. Пока Настя на четвереньках в него протискивалась, Элджи, Туман и Самара, не сговариваясь, бросились убирать с пола осыпавшийся из щелей мусор.

Когда все следы были тщательно уничтожены, зверяне следом за девушкой скрылись во мраке подземного хода. Квадратный каменный люк со скрипом и скрежетом занял свое, не потревоженное веками место.

***

– Инга, дальше вести тебе, – с дрожью прошептала Самара. Царил полный, кромешный мрак, затхлый воздух пах сыростью и землей. Большинство зверян неплохо видели ночью, но здесь стояла такая тьма, по сравнению с которой, безлунная пасмурная полночь на поверхности показалась бы полуднем. Настя тяжело дышала, ей было нехорошо; остальные, хоть и привыкли жить в норах, ощущали себя не лучше. Особенно тяжело, после шахт Дегелена, чувствовала себя Гюрза.

Зверяне вновь забрались в карманы комбинезона Насти, Сай ощупью отыскал мать. Инга взобралась девушке на голову.

– Только не паникуй, ладно? – попросила тихо. – Все, что люди выдумывают про намертво вцепившихся в волосы летучих мышей, глупости и городские легенды...

Настя с трудом улыбнулась.

– Я полжизни за животными ухаживала в институте Добронравова.

– Ясно... – летунья, вздохнув, устроилась поудобнее и послала во мрак несколько сонарных лучей. – Лаз идет прямо и вниз, выступающих камней не заметила. Поползли!

– Куда нас приведет этот ход? – нервно спросила Настя.

– Орел сказал лишь про подземелье, неизвестное людям.

– Неизвестное людям? – переспросила девушка. – А кому ж тогда известное?!

Этот замок строили в семнадцатом веке, строили люди!

Инга беспомощно развела крыльями, хоть в темноте жеста никто и не мог увидеть.

– Я не знаю, Настя.

– Ну, ладно... – девушка на четвереньках поползла вперед.

Чем глубже они спускались, тем тяжелее становился воздух. Какая-то вентиляция здесь, конечно, имелась, иначе дышать и вовсе было бы нечем, но за долгие века отдушины и воздухопроводы, видимо, засорились, а многие, наверное, и обрушились.

Гюрза находилась на грани паники из-за воспоминаний о шахтах, она сидела в кармане с закрытыми глазами, судорожно прижимая к себе сына. Эджи, Орби и Яхак шептались в соседнем кармане, а в нагрудном «ехали» Самара и Туман. Мышонок обнимал старшую подругу за лапку.

Ползти пришлось больше полутора часов. За это время, согласно подсчетам Инги, ход опустился как минимум на шесть-семь десятков метров, и беглецы сейчас находились глубоко под фундаментом замка. Следов обрушений не попадалось. Воздух стал почти непригодным для дыхания, от каменных стен несло сыростью.

У Насти уже кружилась голова, зверьям было немногим легче, когда очередной сонарный луч, наконец, показал впереди тесную округлую камеру. Из последних сил, девушка туда ввалилась и, со стоном, легла на спину.

– Я задыхаюсь... – прошептала она.

Инга в отчаянии завертела головой, посылая ультразвук во все стороны.

– Люк! Тут есть люк! Настя, еще немного, последнее усилие!

Стиснув зубы, девушка приподнялась и, отыскав на ощупь заржавленный штурвал, повернула его несколько раз. Ей пришлось навалиться всем телом на заклинившую створку, но петли отчаянно заскрипели и, внезапно, в подземную камеру ворвался свежий, ароматный воздух и шум бегущей воды. Судорожно дыша, Настя откинулась на стену.

– Подземная река, – выдавила она с трудом прежде, чем погрузиться в беспмятство.

Очнулась лишь минут через двадцать. Зверьяне кучкой сидели у нее на бедре, прижимаясь друг к другу, Инги в волосах больше не ощущалось. Прежде, чем девушка успела задать вопрос, в кромешной тьме послышался шум крыльев.

– Я разведала реку в обе стороны на сотни метров, других туннелей нет, – сообщила летучая мышь. – Течение довольно медленное, а вот глубина сильно варьирует. Есть места, где придется плыть.

Настя сглотнула.

– Двигаемся вниз по течению или вверх?

– Конечно, вниз! – решительно заявила Инга.

Селевиния хмыкнула.

– Замок стоит на равнине, гор поблизости нет. Мы сейчас почти в ста метрах под землей. Чтобы река выходила на поверхность ниже по течению, перепад высот должен

быть выше ста метров, а такого поблизости не найти. Река будет исчезать в песчаных породах.

– Но воздух свежий и чистый, – возразила Орби. Гюрза кивнула:

– Правильно. Значит, вверх по течению есть обширные трещины, откуда проникают ливни, питая реку и освежая тут воздух.

Туман встрепенулся:

– А вдруг река впадает в подземное озеро?!

– Нам от этого не легче, – усмехнулась Гюрза. Но тут к разговору подключилась Самара:

– Почему бы снова не спросить орла? – заметила она просто. Гюрза стукнула себя по лбу.

– Ну конечно! – она лизнула Сая в мордочку. – Малыш, куда нам дальше идти?

Мышонок беспомощно пискнул. Гюрза с тревогой его обняла:

– Что случилось?

Сай прижался лицом к шерсти матери и помотал головой. Селевиния вздрогнула:

– Ты его больше не слышишь?

– Слишком глубоко... – прошептала Инга. Гюрза что-то неразборчиво пробормотала под нос.

– Что ж, мы вновь сами по себе, – сказала, помолчав. – Идем вверх по течению.

Элджи впервые подал голос:

– Не спешите, друзья, – заметил он медленно. – Давайте, вначале, подумаем, зачем четыреста лет назад строители замка Вевельсбург выкопали тайный ход к подземной реке?

– Этому лазу не может быть столько лет, – быстро отозвался Яхак. – Поворотные герметизирующие штурвалы на люках появились лишь в конце 19-го века.

Элджи кивнул в кромешной тьме:

– Вот именно. Но каменная кладка по всей длине коридора-та же самая, что и в стенах винного погреба, и во всем остальном замке. Этот ХОД, несомненно, ровесник самого здания, однако герметичный люк в него поставили относительно недавно-с целью, как легко догадаться, предотвратить затопление. Очевидно, во время продолжительных ливней, подземная река сильно поднимает свой уровень, и камера, где мы сейчас сидим, оказалась бы под водой... – Элджи сделал многозначительную паузу – ...а этого, почему-то, не желали уже новые хозяева замка.

Повисла тишина.

– Ты хочешь сказать, мы прямо сейчас находимся там, куда и должны были попасть? – недоверчиво спросила Орби. – В этой каменной гробнице?

– Я хочу сказать, что здесь темно, – твердо произнес Элджи. – А сонар далеко не все способен заметить.

Гюрза с сомнением хмыкнула.

– Настя, открой люк к реке пошире и оторви от майки полоску материи... – она с шелестом потянула из-за плеч копыя.

Когда девушка исполнила просьбу, лезвие со звоном ударилось о лезвие, породив слепящие искры. Все вскрикнули, инстинктивно прикрыв глаза. Гюрза со второго раза сумела зажечь клочок материи, намотала его на копые и вознесла импровизированный факел.

– Что ж, теперь есть свет и... – она издала хриплый вскрик. Попятилась. Настя широко раскрыла глаза, рывком отползла назад и вжалась в стену, Туман от страха юркнул за спину воительницы, Самара и Орби оцепенели, Яхак непроизвольно отпрянул. Только Инга и Элджи сохранили самообладание.

Дальняя от реки стена отличалась от прочих. Старинная каменная кладка 17-го века здесь была повреждена, словно сектор шара отсекли лезвием и вставили клочок ТЬМЫ.

В слабом, дрожащем свете факела, отверстие-или то, что им казалось-выглядело подлинными воротами в Ад. Сгустки ТЬМЫ медленно вращались, шевелились, призрачные лоскутья проникали друг сквозь друга. Пылинки и мелкий мусор, осыпавшиеся со свода за долгие века, висели в воздухе вокруг ТЬМЫ, будто гравитация там больше не действовала. Открытый люк всколыхнул в камере атмосферу, и частички слабо, жутковато двигались, как невесомая пыль в свете керосиновой лампы.

– Что это?! – прохрипела Гюрза, факел дрожал в ее лапе.

Инга растеряно оглянулась.

– Сонар его не видит, вообще!

– Не приближайтесь! – крикнул Яхак. Элджи поднял лапку:

– Спокойнее, друзья, без паники... – но голос черного мышонка прозвучал не слишком уверенно. – Сюда нас направил орел, значит, эта штука и есть наша цель.

Все, не сговариваясь, усталились на Элджи. Орби откашлялась:

– Если ты сейчас предложишь туда ВОЙТИ, я тебе хвост отгрызу и им же свяжу, как буйнопомешанного, – выдавила она нервно. – И я не шучу, все равно новый отрастет.

Мышонок, помолчав, огляделся, поднял с пола камешек и запустил его во ТЬМУ. Настя ахнула. Приближаясь к черным лоскуткам, камень сначала замедлился, будто воздух вдруг стал гуще, а затем исчез. Не «распался», не «растворился», а просто исчез, как при неумелом монтаже киноплёнки. Все невольно попятнулись.

– Господи, мы тут без света могли запросто ЭТО задеть... – прошептала Настя. Бледная, посмотрела на друзей и оцепенела: – Элджи?!

Мыш, замороженно глядя на ТЬМУ, медленно шел вперед. Туман, вскрикнув, повис у него на лапе; Элджи опустил голову:

– Не надо! – взмолился мышонок. – Не надо!!!

– Я должен узнать... – прошептал черный мыш.

Туман сжался:

– Это неестественный мрак, ты погибнешь!

– Я рожден по ту сторону, – тихо сказал Элджи. – Помнишь?

Мышонок судорожно сглотнул.

– Но... Так говорил Темир, а не ты... – прошептал он в полном недоумении.

– Темир? – растеряно переспросила Настя. – Кто это?

Туман вдруг дернулся и зажал лапками рот.

– Я... Я... Я понимаю ваш язык! – пролепетал, дрожа всем телом. – Как?!

Элджи на миг зажмурился.

– Мне пора, – он поднял дварга на руки и протянул подошедшей Инге. – Держи его крепко.

– Не делай этого, – тихо сказала летунья, принимая трепещущего мышонка.

Черный мыш рассмеялся:

– Все было предсказано! – ответил он возбужденно, рывком обернулся и прыгнул во Тьму.

Никто не успел даже моргнуть-тело Элджи, точно, как камешек прежде, замедлилось перед тем, как исчезнуть, но, спустя долю секунды появилось вновь, уже лицом к остальным. Мыш озадаченно оглядел друзей.

– Вы что, все это время не шевелились?! – спросил он недоверчиво.

– Какое время? – выдавила Гюрза.

Элджи широко раскрыл глаза.

– Меня не было полчаса! – он указал на ТЬМУ-там гигантский сводчатый зал, я долго его изучал!

– Что?!

Туман громко вскрикнул:

– Ускоритель времени!

Подошел Яхак, нервно дергая хвостом.

– Это было глупо и безответственно. Но спасибо. Теперь мы хотя бы знаем, куда идти.

За всех ответила Настя:

– Задраю люк, – буркнула она, поднимаясь с пола.

Глава 15

Прохода сквозь барьер никто не ощутил, но ждать каждого следующего приходилось часами. Первыми, держась за руки, прошли Элджи, Орби и Туман; прежде, чем из ТЬМЫ появились Яхак и Самара, зверяне успели отдохнуть, выспаться и осмотреть гигантский зал, освещенный слепящими фиолетовыми лампами под потолком. Высота свода достигала не менее полусотни человеческих метров.

– Как подобное сумели построить под фундаментом древнего замка? – растеряно спросил Элджи. Орби покачала головой:

– Не думаю, что мы до сих пор в Германии. И даже на Земле... – она попрыгала на месте. – Гравитация отличается.

Элджи беспомощно пискнул. Потрясенный, черный мышонок поднял глаза к слепящим лампам под потолком.

– Лучше спрятаться в тень, – выдавил он через силу. – Свет явно уходит далеко в ультрафиолет.

Зверяне поспешили укрыться под одной из сводчатых арок. Туман сказал, что поторопит остальных и на мгновение-час для уже прошедших-исчез за барьером. Вернулся вместе с Ингой.

Пока тянулось невыносимое ожидание, Элджи, перебежками от тени до тени, изучал зал, и вскоре нашел единственный коридор. Путь вел в противоположную от барьера сторону. Коридор был освещен тусклыми, приятными для глаз желтоватыми лампами, что чередовались в шахматном порядке. Габариты внушали и здесь, от пола до потолка проход насчитывал не менее пяти человеческих метров, а в ширину достигал десяти. Существа, его строившие, явно превосходили землян ростом.

В ожидании остальных, зверяне устроили привал в коридоре, вдали от жесткого излучения. Все были настолько измотаны физически и морально, что даже невероятная обстановка не помешала беглецам погрузиться в целительный сон. К тому времени, как Элджи, Орби, Яхак и Самара проснулись, барьер уже миновали Настя и Гюрза, прижимавшая к груди Сая. Им также не помешал отдых.

Когда все отдохнули и выспались, встала новая проблема-голод. Оставалось надеяться лишь, что древний коридор выведет беглецов из подземелий.

Зверяне вновь «погрузились» в карманы Насти, Гюрза и Инга заняли наблюдательные посты у нее на плечах. Нервно озираясь, девушка двинулась вперед.

Идти пришлось довольно долго, не меньше километра. Коридор все время оставался строго горизонтальным и прямым, его рифлёный металлический пол был сделан из настолько толстых и массивных плит, что глушил шаги вместо того, чтобы звенеть. Стены и эллиптический свод были также сделаны из металла. Все думали об одном и том же, но задать вопрос вслух осмелилась лишь Самара:

– Это ведь тот самый корабль, да? – спросила она, робко высунувшись из нагрудного кармана.

Настя замедлила шаг.

– Возможно... – отозвалась негромко. – Только есть проблема...

– Какая?

Ответил Элджи, выглянув из другого кармана:

– Если на борт ведет некий портал, почему им не воспользовались уцелевшие в крушении шаттла?

– Вот-вот, – напряженно сказала Настя. – И не забывайте, тут ускорено время. Там, в подземелье, прошло лишь несколько секунд.

– Здесь та же технология, что использовалась американцами на нашем острове, – заметил Яхак. – Мой дед, великий Нарх, собрал команду ученых, сумевших включить ускоритель и подарить народу сарков столь необходимые для спасения тридцать лет... – офицер запнулся, но все же добавил: – ...последние годы моя колония ведет подводные раскопки на затонувшем авианосце. Мы зовем их «Проект». Задача – восстановить ускоритель собственными силами и получить безопасное место для жизни и развития. К несчастью, ядерный взрыв очень сильно повредил корабль и башни излучателей...

– Ну вот, тут ускоритель работает, можете изучать! – бодро заметила Гюрза. – Уж здесь, нас Курт в жизни не поймает!

Яхак криво усмехнулся:

– Если мы сейчас не в том самом «хранилище глубоко под замком»...

– Что за глупость! – резко возразила Гюрза. – Тайник в винном погребе не открывали веками!

– А с чего такая уверенность, будто других дверей нет? – спокойно спросил офицер. – Эта грандиозная конструкция явно должна иметь вход получше, чем ржавый люк в подземную реку.

Все умолкли и нервно переглянулись.

– Господи, а вдруг Курт прямо сейчас тут?! – выдавила Самара. – И видит нас в мониторах!

Орби обняла ее за плечи:

– С вами трое лучших воинов звериного народа. А я вообще принцесса!

– Не слишком успокаивает... – Самара вздохнула. – А кто третий?

Орби запнулась. На ее лице возникло удивление.

– Я... Не помню?.. – отозвалась растерянно. – Кажется, нас было трое мастеров... Я, Гюрза и... – она развела лапками. – Ладно, неважно. Двое лучших воинов тоже спасут от Курта!

– С Куртом я разберусь, – процедила Настя сквозь зубы, похлопав по кобуре на поясе. – У него есть неоплаченный должок!

– Ив был и моим другом, – хмуро сказала Орби.

Девушка вполголоса выругалась.

– Ладно, для этого фашистского мерзавца время еще отыщется. Времени у нас, как понимаю, завались, – она тяжело вздохнула. – Но, если мы скоро не найдем воду и припасы, Курту достанемся тепленькими.

– Холодненькими, – поправил Яхак. Настя с трудом улыбнулась:

– Точно.

Она продолжила путь по коридору. Еще минут десять ничего не менялось, но, наконец, впереди слабо забрезжило белесое зарево. Настя перешла на бег.

Чем ближе был выход, тем яснее становилось, что все прошлые теории оказались полностью ошибочны. Высокие, во всю ширину коридора, стальные ворота выходили на склон горы-и вид с высоты открывался буквально шокирующий. Потрясенные, лишившиеся дара речи, беглецы молча стояли на пороге, пытаясь поверить.

Стальной коридор привел их в гигантскую вытянутую долину. Склоны, покрытые богатой растительностью, устремлялись далеко вниз, где в голубоватой дымке угадывались реки, холмы и озера. В густо-синем небе жарко пылало солнце, но даже тот факт, что оно было КВАДРАТНЫМ, не поражал так сильно, как безумно искаженная перспектива. Долина, куда смотрели беглецы, была не плоской-ее края возносились к небу и терялись в сиянии на высоте; мир, целиком, имел форму бочки! Из-за колоссальных, немислимых размеров, земля вблизи казалась вполне нормальной, но стоило поднять взгляд, как начинала кружиться голова. Настя и зверяне стояли на внутренней поверхности цилиндра диаметром в сто километров и длинную в пятьсот. А в центре пылало квадратное солнце.

Настя бессильно опустила на землю. Дул свежий ветерок, воздух казался сочным, густым и вкусным. По траве, прямо у ног девушки, ползали насекомые, над цветами жужжали пчелы. Если бы не дикое зрелище в небе, обстановка ничем не отличалась бы от обычного отпуска в горах.

Молчали все-открытие было слишком невероятным даже для трезвомыслящих Элджи и Самары. Яхак и Туман оцепенели, Гюрза держалась за сердце, Инга попросту накрылась крылом. Первой, кто нашла в себе силы прервать тишину, оказалась Орби:

– Цилиндр О’Нилла! – прошептала она восторженно. Стоявший рядом Элджи содрогнулся:

– Что?!

– Цилиндр О’Нилла, – благоговейно повторила мышка. – Корабль-колония для межзвездных полетов. Два таких цилиндра закреплены на раме и медленно вращаются, создавая внутри силу тяжести.

– Два? – беспомощно переспросил Элджи. Яхак обернулся:

– Мама, эта... колония... размером в половину Германии, как подобное может существовать?!

Орби развела лапками.

– Сам же видишь.

– Вижу, но не верю!

– Придется поверить... – Орби облизнулась и указала на росший поблизости куст, покрытый сочной черникой.

– Стойте, вдруг оно ядовито... – попытался Элджи, но к кусту уже подпрыгнул Туман. Принюхавшись к ягодам, он проглотил одну и, молча, улыбнулся. Беглецы, даже Настя, с писком и визгом набросились на лакомство.

Все, кроме Инги, Гюрзы и Сая. Троице насекомоядным найти пищу было сложнее, но летучая мышь уже распахнула крылья и прыгнула в небо. Вскоре она бросила к ногам друзей нескольких жуков.

Насытившись и напившись из ближайшего ручейка, беглецы устроили привал под сенью большого дерева в стороне от леса. Одна из возносившихся к небу сторон цилиндра медленно темнела-вниз двигалась ровная прямоугольная полоса тени длиной до горизонта. Не требовалось быть астроинженером, чтобы понять: так в этом мире работала ночь.

– Инга, можешь взлететь метров на сто и уронить камешек прямо вниз? – попросил Элджи. Летунья, кивнув, прыгнула в небо. Элджи напряженно смотрел, как падает груз, и когда Инга вернулась, благодарно ей кивнул.

– Цилиндр не вращается, – сказал он спокойно. – Нет силы Кориолиса. Гравитация здесь создается иначе.

– Еще бы эта чудовищная штука вращалась! – воскликнул Яхак.

Элджи покачал головой:

– Мы просто чего-то не знаем. Я не могу вообразить ни материалов, ни энергий, ни времени, что потребовались бы для постройки подобного колосса. Размеры цилиндра ближе к астроинженерным проектам, чем к любым мыслимым человеческим в ближайшие тысячелетия. И это не говоря уж о том, что если он действительно каким-

то безумным образом закопан в землю под Германией, создаваемые им гравитационные и магнитные аномалии сияли бы, как прожекторы, даже на виде с Марса! Любой сейсмограф в любой точке Земли регистрировал бы эту колонию.

Настя кивнула:

– Точно.

– Значит, ответ очевиден-мы больше не на Земле! – радостно отозвалась Орби.

Элджи бросил на подругу скептический взгляд:

– Черника была вкусная?

– Еще бы!

– А когда тебе успели заменить все онимакислоты?

– Мм? – не понял Яхак. – Вы про аминокислоты?

– Твоя мама знает, о чем я, – улыбнулся Элджи. Смущенная Орби почесала за ухом.

– Подловил, да...

– Что за онимакислоты?! – нервно спросила Самара.

Мышка вздохнула.

– Когда я была еще... Не Орби... И жила в подвале одной доброй старушки...

Она меня как-то раз поймала. Я пыталась выдать себя за инопланетянку...

– ...но старушка оказалась образованной, – подмигнул Элджи. Орби развела лапками:

– Увы.

– Ничего не понимаю!!! – возопила Самара. Орби улыбнулась:

– Пришельцы не могут питаться нашей пищей. Другая биохимия.

– Аааа...

– Угу. Мы ели земную чернику.

– И земных жуков, – вставила Инга. – Я даже виды могу перечислить.

Гюрза обернулась к беседующим:

– Скажи лучше, ты видела с высоты следы цивилизации? Каналы там всякие, города? Хоть дикарские стойбища?

Летучая мышь молча распахнула крылья и прыгнула в небо. Вернулась довольно нескоро, устало плюхнулась в траву. Туман свернул из листа кувшинчик и поднес ей воды.

– Спасибо... – напившись, Инга села и обернулась крыльями. – Я видела руины на склоне горы, километрах в пяти отсюда. Больше ничего. Насколько хватает глаз, вокруг девственная нетронутая природа.

Гюрза задумчиво глянула на Сая.

– Малыш, орла слышно? – Мышонок грустно покачал головой. – Так я и думала... – Гюрза оглянулась на Тумана, что отдыхал рядом в траве. – А твое чутье что говорит?

– Мое чутье? – растерялся мышонок.

Гюрза запнулась и медленно нахмурилась.

– Погоди... – она сузила глаза в тонкие щели. – Ты же ведун? Чувешь опасность?

– Я?!

Селевиния растерянно почесала за ухом.

– Вроде да... Или... Погоди, погоди, все верно, не ты, а...

– Темир! – дрожа, вставил мышонок.

– Кто?

Туман пискнул и сжался в комочек. Гюрза потрянула головой:

– Гхмпфр... – пробормотала под нос. – Ладно, неважно.

Элджи подался вперед:

– Думаю, пока рано строить теории. Слишком уж мало мы знаем. Твердо известно лишь одно: – он поднял взгляд на Настю: – Ни Курт, ни даже сам фон Зеботтендорф, не имели ни малейшего представления об этом чуде. Дорога сюда вела из замка, но я дам хвост на отсечение, никто из них тут не бывал.

Настя, крикнув, встала на ноги и потянулась.

– Ладно, отдохнули. По карманам! – приказала она весело. – Инга, веди к тем руинам.

Отряд двинулся в путь. Летучая мышь иногда взлетала, бросая на местность взгляд с высоты. Хотя всюду бурлила жизнь, крупных животных и птиц видно не было. Даже следов. Даже грызунов. Пока Настя шагала по лесу, продираясь сквозь заросли и взбиралась на холмы, Элджи внимательно наблюдал за природой с ее плеча. В глазах черного мышонка стояла тревога.

– Все хорошо? – тихо спросила Орби, ехавшая рядом.

– Не нравится мне тут, – пробормотал Элджи. – Не могу прогнать мысль о «Вселенной – 25» Калхуна.

– О чем?!

– Был такой знаменитый эксперимент в 70–х годах. Этолог Джон Калхун построил «утопию» для мышей. Идеальный городок, без хищников, с бесконечными запасами пищи и воды, лучшей температурой и изобилием материалов для гнезд. Он поселил туда несколько пар мышей и стал за ними наблюдать.

– Гм... – Орби прищурила один глаз. – И что получилось?

– Вначале именно то, о чем ты подумала, – улыбнулся Элджи. – Каждые 55 дней популяция удваивалась, главным занятием мышей, освобожденных от страха перед хищниками, лишенных необходимости по крупицам искать пищу-стал секс. Городок был рассчитан на три тысячи жителей, но дела пошли плохо уже когда мышей набралось всего шесть сотен.

– Почему? – с волнением спросила Орби.

– Они начали сбиваться в стаи. Примерно треть стала доминантными особями, остальные впали в апатию. Альфы нападали на слабых без каких-либо причин, насиловали и самцов, и самок, даже занимались каннибализмом. Детская смертность достигла 90%, – мрачно сказал Элджи. – Часто самки пожирали собственных детенышей, но еще хуже, многие мыши полностью отказались от секса. Утратив смысл жизни, они валялись без движения сутками, слишком апатичные даже, чтобы есть. Некоторые, наоборот, предались обжорству и уходу за собственной шерсткой, они также игнорировали секс и проводили дни на верхних этажах логовищ, пока внизу рыскали стаи озверевших каннибалов. На 560–й день эксперимента детская смертность достигла ста процентов. Колония начала вымирать.

– Какой ужас... – Орби зажмурилась. Элджи ласково лизнул ее в нос.

– На 920–й день, в мышинной утопии, в абсолютно идеальных условиях, умерла последняя мышь.

– Но почему?!!

Элджи развел лапками.

– Эксперимент произвел огромное впечатление на весь мир, о нем писали газеты и непрерывно говорили по телевидению, даже сняли мой самый любимый мультфильм «Тайна НИМ-а»... В те годы, как раз, очень боялись перенаселения и сопутствующего ему упадка, а результаты «Вселенной 25» оказались страшнее любых самых мрачных теорий. Сотни и тысячи психологов, социологов и этологов спорили месяцами о причинах подобного результата, публиковали бесчисленные статьи и книги. Сам

Калхун изобрел термин «вторая смерть» – так он называл окончательную гибель тела. Первой смертью, по его мнению, была гибель души из-за отсутствия в жизни всякого смысла.

Орби зажмурилась.

– Зачем рассказал? – выдавила с трудом. – Я же теперь не смогу забыть...

– А не надо забывать, – ласково шепнул черный мыш. – Наоборот. Помни и борись, любимая. Однажды ты сама едва не испытала «первую смерть», помнишь?

Орби, вздрогнув всем телом, притянула друга за плечи и прижалась к его груди.

– Помню, – сказала тяжело. – И помню, кто меня спас.

– Это вы спасли меня, вы с Кирой, – нежно ответил Элджи. – Я прожил в одиночестве сорок лет, я боролся и строил, искал и верил, но сам не знал, во что. Я был мертв «первой смертью», любимая. Вы вернули меня к жизни.

Мышка всхлипнула.

– Мы будем жить вечно, – выдавила с трудом. – Правда?

– Только так и надо жить, – твердо ответил Элджи. – Вечно познавая Вселенную.

А сейчас мы в весьма познавательном месте, как думаешь?

Орби утерла слезы и, с огромной любовью, прижалась лицом к лицу друга.

Дальнейший путь до руин они проделали молча.

Первые обломки стали видны уже за сотни метров. Замшелые, вросшие в землю остатки некогда могучих каменных стен. Самой заметной деталью была башня диаметром метров в сорок, треснувшая напополам и осыпавшаяся вниз. Обломки так и валялись у ее подножья, сквозь дыры росли деревья. На вид, руинам неведомой крепости было много сотен, если не тысяч лет.

– Я где-то видел этот замок... – прошептал Яхак, нервно прижав уши. – Треугольная форма... Одна большая башня и две малые...

– Да все древние крепости на вид одинаковые! – фыркнула Орби. Офицер напряженно покачал головой.

– Нет... Нет, нет, тут что-то другое... Я видел этот замок совсем недавно...

– Какая разница? – раздраженно оборвала Гюрза. – От него все равно лишь обломки остались!

Настя осторожно пробиралась по древним камням, Инга парила в высоте. Именно ей удалось первой найти уцелевшую деталь; следуя указаниям летуньи, Настя и зверяне обогнули обломки башни и замерли перед высоким полукруглым туннелем,

что вел в полумрак. Металл, из которого были сделаны стены, абсолютно не пострадал за тысячи пролетевших лет, лишь первые несколько метров пола были покрыты землей, сухими ветками и прочим мусором.

– Тут есть энергия... – пробормотал Эджи, заметив уже знакомые желтые лампы в шахматном чередовании. – Откуда?..

Вместо ответа, Настя наклонилась и подняла с земли эмалированную табличку. Годы жестоко с ней обошлись-зияли многочисленные сквозные дыры от коррозии, эмаль отвалилась почти совсем. Однако буквы, некогда, были напечатаны тиснением самого металла, поэтому прочесть их можно было даже сегодня.

– «Генезис: фактор массы 1– 1.5, плацентарные» – вслух прочла селевиния и ахнула.

– Генезис? – недоверчиво переспросила Самара. – Проект Генезис? Тот самый?!

Гюрза молча смотрела на табличку. Орби нерешительно подняла лапу:

– Но ведь Курт сказал, что зверян выводят в его институте около Семипалатинска?

– Он сказал, люди пробуют новые и новые виды, чтобы получить полезные мутации, вроде такой, как у Сая, – глухо ответила селевиния. Маленький Туман шагнул вперед:

– Мы в Институте Генезиса знаем точно, Проект существовал десять лет, и так на свет появились первые зверяне. Ведь правда, Инга?

Все обернулись к летучей мыши. Та, глубоко дыша, смотрела на табличку.

– Мне... Трудно сейчас говорить, – выдавила Инга после длительной паузы. – Идемте в туннель. Если... Там то, что я думаю... – она беспомощно уронила крылья.

Настя молча рассадилась всех по карманам. Постояла пару мгновений на пороге.

И, решительно тряхнув головой, шагнула в неведомое.

***

Желтые лампы под потолком давали достаточно света, чтобы смутно видеть пол, но густой сумрак, особенно после яркой долины, обволакивал сознание и давил на душу. Царила неестественная тишина, шаги Насти отдавались в туннеле зловещими ударами.

Чем дальше от входа, тем чище становилось вокруг. Путь вел прямо, никуда не сворачивая и не отклоняясь от горизонтали, на гладких металлических стенах отсутствовали какие-либо знаки. Так продолжалось метров триста, когда из тусклого желтоватого марева грозно возникла поперечная стена, закрывавшая весь туннель. В центре, раскрашенная косыми красно-черными линиями, зияла двустворчатая раздвижная дверь, удивительно похожая на двери вагонов метро.

– «Грузовой лифт 1А» – вслух прочитала Гюрза в звенящей тишине. Настя, ничего не ответив, вдавила кнопку под надписью.

Двери с негромким шелестом раздвинулись, открыв путь в просторную квадратную кабину. Освещенная теми же лампами, она отличалась от коридора лишь наличием на одной из стен пульта с четырьмя кнопками.

Настя вошла в лифт, приблизилась к пульта. Гюрза наклонилась вперед:

– Тут просто цифры, от нуля до минус трех.

– Жму на первую, – решила девушка. Все напряглись. Но ничего страшного не случилось-просто задвинулись двери и лифт плавно поехал вниз. Эджи облегченно выдохнул.

– Я сразу понял, местная техника должна иметь механизмы самовосстановления, – прошептал он Орби. – Просто сравни, что осталось от крепости, и как все сохранилось в туннеле.

– Лифт не сорвался, мы живы, ура, – нервно отозваласьмышь.

Тем временем, двери вновь раздвинулись. Настя торопливо вышла и замерла при виде открывшегося зрелища.

Беглецы стояли на пороге довольно большого овального помещения с высоким потолком и несколькими проходами в стенах. Свет здесь был гораздо ярче, а главное, впервые появились намеки на уют-пол покрывал тонкий зеленый ковер, имелся изящный ретро-футуристический стеклянный столик, а в центре комнаты, на кубическом постаменте возвышалась большая статуя. Самара громко вскрикнула:

– Мой барельеф!

Она была права-статуя изображала тот же сюжет. Пока Настя и остальные, не видевшие тибетскую находку, восхищенно рассматривали мощные фигуры в скафандрах, Самара выпрыгнула из кармана и подбежала к постаменту.

– «Терра Нова» – прочла она вслух. – Новая Земля!

– Глянь лучше сюда... – позвала Гюрза. Селевиния тоже выбралась из кармана и сейчас стояла у дверей лифта, Сай сидел у матери на плечах. Настя оглянулась на голос, ахнула и подбежала:

– Умница! – стену рядом с шахтой украшал золотистый лист с наглядной схемой комнат на каждом этаже.

– Что тут написано?! – возбужденно спросил Элджи. Гюрза начала переводить:

– Минус-первый этаж: «Приемная», мы сейчас тут, «Отдел планирования», «Митинг-центр», «Серверная – 1», «Серверная – 2», «Администрация», «Микроклимат». Минус-второй... Тут почти все комнаты называются «Лаборатория» с номером... Опять «Лаборатория»... «Первичное программирование»... «Интеграция»... Ага! «Библиотека»!

Настя, встрепенувшись, торопливо нажала кнопку лифта. Двери раскрылись. Но, прежде чем войти в кабину, девушка негромко спросила:

– А что за единственная комната на минус-третьем этаже?

Гюрза запнулась.

– «Эмбрионарий» – прочла нехотя. Все переглянулись.

Следом за девушкой, зверяне вошли в лифт и спустились на минус-второй этаж. Тут обстановка мало отличалась от любого научного учреждения-белый ярко освещенный коридор с многочисленными дверьми уходил вдаль, упираясь в особо массивные ворота с круглыми иллюминаторами. Слегка растерянные, туда путешественники и подошли.

– Библиотека? – в глубоком сомнении спросила Орби. Гюрза почесала за ухом.

– Вон табличка.

– Опасные там, должно быть, книги хранятся... – пробормотала Самара. Настя, глубоко вдохнув, повернула вполне обычную рукоять замка и толкнула дверь.

Комната, куда та вела, оказалась средних размеров, вытянутой и почти пустой. Вдоль длинной стены тянулся ряд из шестнадцати оранжевых тонких матрасов, лежавших прямо на полу; судя по габаритам, рассчитывались они на существ ростом около двух с половиной метров. Над каждым ложем горизонтально висело блестящее кольцо с шипами, удивительно похожее на венец статуи Свободы. Больше в комнате не было совершенно ничего-ни «дисплея» для поиска «книг», ни места зрителя, ни даже надписей. Беглецы, какое-то время, молча разглядывали аппаратуру.

– Ну-с, кто рискнет первым? – нарушил тишину голос Насти.

Элджи решительно подался вперед, но путь ему внезапно закрыло широкое фиолетовое крыло:

– Только у меня и у Сая есть шансы, – твердо сказала Инга. – Но ребенку я рисковать не позволю.

Она спланировала на пол и обернулась к друзьям:

– Настя, двери не спроста сделаны такими. Экранирование. Возвращайтесь в коридор, все, и не входите пока я сама не подам знак.

– А вдруг что-то случится? – Самара нервно прижала ушки. Инга натянуто улыбнулась:

– Я опытный эспер и заранее почувствую неладное. Ну же! – она махнула обоими крыльями.

– Очень плохая идея... – процедил Элджи сквозь зубы. Летучая мышь нахмурилась:

– Это мой выбор. Все будет хорошо, – добавила она мягче. – Мы в библиотеке. Идите. Я скоро!

Настя с огромной неохотой попятилась к дверям. Туман подбежал к подруге и, ухватив за крыло, подвел ее к одному из лож в центре комнаты:

– Будь здесь, что б мы в окно тебя видели!

– Хорошо, – улыбнулась летунья. – Беги. Не бойся за меня.

Дварг стиснул на миг коготки, но заставил себя кивнуть и поспешил к выходу. Толстые створки закрылись; зверяне и Настя прижались снаружи к иллюминаторам. Инга помахала им крылом.

Отвернулась, и лишь затем позволила себе судорожно вздохнуть. Лапки внезапно ослабли, голова закружилась, хотя у летучих мышей головокружение невозможно физически.

– Это библиотека, – прошептала Инга, зажмурившись. – Просто библиотека. Еще ни с кем, никогда, в библиотеках ничего плохого не случилось.

Дрожа, она заставила себя приблизиться к аппарату и взобралась на оранжевый матрас. Ничего не произошло. Помедлив, летунья шагнула под висящее кольцо и легла на спину, распластав крылья.

Тишина. Несколько секунд Инга ждала, однако прибор оставался пассивен. Слегка успокоившись, летучая мышь попыталась телепатически «нащупать» аппарат, как прежде чувствовала фальшивый артефакт Курта-безуспешно.

Поразмыслив, Инга вспомнила, что все надписи здесь были на зверолингве.

– Включайся, – приказала она вслух на языке полигона. Ноль реакции.

– Старт. Запуск. Работа.

Тишина. «Так себе эргономика» – с досадой подумала летунья. Помедлила мгновение:

– Поиск.

Это сработало. На кончиках «шипов» висящего кольца загорелись огоньки, а в разуме Инги внезапно возникла сочная, потрясающего качества картина абстрактного поля, устланного тускло переливавшимися, объемными шестигранниками. Изображение не заслоняло реальный мир полностью, а висело по центру поля зрения, словно в очках дополненной реальности.

Летучая мышь с огромным облегчением вздохнула. От пережитого волнения у нее затряслись крылья; зажмурившись, Инга на короткое время опустила голову. Виртуальный экран под веки не лез, в совершенстве имитируя обычный.

– Отмена, – приказала она вслух. Огоньки на кольце погасли. Посидев еще с минуту, чтобы успокоиться, летунья подняла взгляд на дверь и помахала крылом. Друзья рванулись в комнату:

– Ну как?!

– Что ты видела?!

– Все хорошо?!

Инга коротко поведала о своем опыте. Самара, восхищенно всплеснув лапками, бросилась бегом к соседнему ложу, улеглась под кольцо и громко приказала:

– Поиск! – ахнула – ...работает!

– А как быть тем, кто не знает языка? – гневно спросила Орби.

Гюрза вдруг встрепенулась.

– Сай, малыш... – она сняла ребенка с плеч и подняла перед собой. – Ты понимаешь слова на любом языке, да? Видишь их смысл, а не только звучание?

Мышонок улыбнулся и закивал. Все переглянулись. Яростно почесав за ухом, Элджи подбежал к свободному ложу, улегся и приказал на русском:

– Поиск... – вздрогнул. – Есть!

– Минутку! – Орби спрыгнула на пол, подскочила к Элджи и легла рядом под кольцо, взяв друга за лапку. – Работает! Мы видим общий экран!

– Так, все ко мне, – распорядилась Настя. – Рассаживайтесь.

Она легла на оранжевый матрас. Зверьяне взобрались к ней на грудь, все взяли за руки. Глубоко вдохнув, девушка отдала приказ:

– Поиск.

Гюрза тихо чертыхнулся, Туман восхищенно открыл рот. Уходящее в бесконечность поле из шестигранников теперь видели все.

– Что ищем? – слегка напряженно спросила Настя.

– Историю, конечно! – воскликнул Элджи. Повинуясь словам, сотни шестигранников немного выдвинулись из поля и стали ярче, остальные утратили цвет.

Мышь возбужденно подался вперед:

– Как было создано это место?!

Ноль реакции.

– Где мы находимся?

Тишина. Элджи, на миг задумавшись, изменил формулировку:

– Выдели документы об истории текущей локации.

Все шестигранники погасли. Растерянный мыш прижал к голове ушки:

– Ничего нет?!

– Отмена, – приказала Орби. Поле вновь обрело цвета. – Выдели документы по истории «Проекта Генезис»!

Большинство шестигранников задвинулись обратно, оставив цветными лишь около десятка.

– Покажи заголовки! – распорядился Элджи.

«Ракурс камеры» изменился с перспективы на вертикально-вниз. Выделенные шестигранники приблизились и соединились в единую плоскость, закрыв основное поле. На их поверхностях проступили яркие надписи.

– Я вижу русские буквы... – прошептала Настя.

– А я немецкие! – воскликнула Инга. – Потрясающе, эта библиотека идеальна!

Орби, тем временем, читала заголовки вслух:

– «Высадка дайджест», «Высадка погружение», «Первые циклы дайджест», «Первые циклы погружение», «Голод 79-го цикла дайджест», «Голод»... – она вскрикнула: – Вот! «Основа дайджест», «Основа погружение»!

– Постой, – тихо сказала Гюрза. Подняв лапку, она указала на тускло-желтый шестигранник на самом краю плоскости. – Смотрите. У всех написано «дайджест» или «погружение» кроме одного.

– «Восставший из рая. Перевоплощение», – вслух прочла Настя. С сомнением скосила глаза на селевинию: – Перевоплощение? Мы точно этого хотим?

– Думаю, начинать лучше с дайджестов... – поддержал ее Элджи.

– Кому нужны эти скучные справочники! – решительно возразила Орби. – Мы все равно ни дат, ни имен не знаем!

– Ну-у – у... – слегка растерялся Элджи. Инга тронула его за плечо:

– Всегда можно отменить и выбрать что-то другое, – напомнила мягко. Черный мыш глубоко вдохнул.

– Что ж, раз так. Открыть документ «Восставший из рая»! – приказал он громко.

А в следующий миг, реальность издала агонизирующий вопль и взорвалась мириадами кровотокающих осколков.

Глава 16

Шторм бушевал шестой свет. Океан свирепо терзал берег, с пеной у рта кидался на острые камни и разбивался, кричал, бился о скалы. В мутном, белесом небе, тяжело колыхались гнойные мешки туч.

Криг потянул носом воздух. Пахло гнилью. Болотистая земля тянулась от побережья вглубь острова, там и тут в грязной жиже валялись вывернутые стволы хвощей. Какие-то твари, похожие на багровые шишки, облепили труп дерева неподалеку и сейчас, все вместе, следили за пришельцем маленькими глазками. От них тянулся горячий запах страха.

Криг еще раз оглядел берег. Утес вдали был тем самым, о котором визжал хватун, в этом не могло быть сомнений. Где-то здесь, совсем близко, таилось сокровище. Криг отогнал мысль, что хватун мог солгать. Когда им в жабры втыкают когти, они быстро перестают упрямиться... Вход в тайник должен быть поблизости.

Поправив гарпун за спиной, Криг двумя прыжками оказался рядом с шишкоподобными тварями и схватил одну прежде, чем та успела юркнуть в нору под стволом хвоща. Зверюшка отчаянно завизжала.

– Тихо! – Криг свирепо оскалил клыки. – Я не охочусь. Говорить можешь?

Тварь прекратила визжать и что-то пробормотала, дрожа от ужаса. Криг сдвинул ей основание хвоста.

– Громче.

– Боль!

– Говори-отпущу.

Зверюшка судорожно дышала.

– Бу... Бу говор...

– Хорошо, – Криг отпустил ее хвост. – Ищу. Старые камни. Дыра в земле.

Холодное железо.

Тварь пискнула:

– Зна! Зна где! Не еш!

– Я не ем падаль, – Криг презрительно фыркнул. Встряхнул пленницу: – Говори!

Зверюшка забормотала, глотая окончания слов. Выслушав объяснения, Криг довольно кивнул, размахнулся и швырнул тварь в воздух. Описав длинную дугу, она с визгом плюхнулась в болото.

Вычеркнув встречу из памяти, Криг опустил на глаза стеклянное забрало против грязи, спрятал руки в меховой муфте и громадными прыжками помчался вдоль берега. Цель была близка, как никогда.

Жижга хлюпала под ногами. Шерсть Крига уже давно превратилась в серо-коричневую свалывшуюся корку, по хвосту текли грязные капли. Он забыл, когда последний раз мылся, но приз того стоил. Приз стоил любых мучений... Желательно, чужих.

Вскоре впереди, среди зарослей папоротников и молодых хвощей, показались руины древнего здания. Криг возбужденно встопорщил уши и приоткрыл пасть. Неужели... Наконец! Напрягая все силы, охотник помчался к цели долгих поисков, каждым прыжком покрывая расстояние, всемеро превышавшее длину его тела вместе с хвостом.

Время не пощадило руины; камни покрывал мох, сквозь рухнувшие стены тянулись стволы хвощей. Рубя заросли гарпуном, Криг долго искал вход в подземелье, но лишь на закате обнаружил большой проржавевший люк, выгнутый наружу чудовищным взрывом. Тщательно осмотрев металл и обнюхав землю вокруг, Криг принялся очищать замок от грязи и ржавчины.

Это отняло много времени. Когда щель была наконец свободна от мусора, настроение охотника уже никто не назвал бы хорошим. Тихо урча от нетерпения, Криг снял со спины гарпун и вставил древний, прихотливо изогнутый наконечник в замок. Хорошо, что предки умели делать несокрушимый металл...

Замок не поддавался. Криг возился с ним до темноты, искал мелкие камешки или песок. Бесполезно; взрыв испортил сложную механику. Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, уставший и злой охотник был вынужден отложить все планы до утра.

Криг переночевал на вершине ближайшего холма, где было относительно сухо. Запас мяса в рюкзаке подходил к концу, вскоре вновь придется взяться за охоту, это означало задержку... Криг ненавидел ждать, любое промедление приводило его в бешенство. Особенно, когда плод многосезонных поисков был здесь, прямо в когтях!

Едва рассвет окропил тучи багровой венозной кровью, охотник вернулся к люку. За темноту ветер вновь забил щель замка грязью. В ярости Криг что было сил подпрыгнул, тяжело приземлился на люк и с воплем провалился в мокрую темноту, когда проржавевший насквозь металл поддался под ударом.

Опомнился, вскочил. Острые края пролома оставили на хвосте и бедрах длинные кровавые царапины. Не тратя время на удивление, Криг вытащил из рюкзака раковину с едкой слизью тригната и принялся обрабатывать раны. Меньше всего он хотел, чтобы грязь с шерсти попала в кровь.

Когда опасность миновала, Криг позволил себе оглядеться. Он стоял на ржавом металлическом полу, покрытом отвратительными пузырями вспученной краски. Когда-то, века назад, здесь бушевало страшное пламя. Раньше к люку на потолке вела вертикальная стальная лестница, теперь от нее осталась лишь ржавая пыль и несколько оплавленных ступенек. В подземелье сильно пахло гнилью.

Криг возбужденно встопорщил уши: у дальней стены, невысоко над полом, тускло светился маленький квадратный экранчик. Охотник одним прыжком оказался рядом и бережно протер стекло от векового налета. Яркость свечения сразу возросла.

Криг растянул губы в торжествующем оскале. Нашел... Все знали, что изделия предков делятся на два вида: обычные, для которых время было смертельным врагом, и вечные-которые даже спустя миллионы веков остаются нетронуты, будто вчера изготовлены. Вечные встречались очень редко, и как правило были бесполезны. Вроде этого светящегося стекла.

Но Криг не зря потратил большой отрезок своей жизни на поиски вполне определенного тайника предков. Он знал, ЧТО найдет в этом месте, и нетерпеливо дергал хвостом, пока прорубал дыру в ржавом люке на стене рядом с экранчиком.

За стеной обнаружилось не совсем то, что он искал.

Едва гарпун пробил ржавый металл, Криг ощутил смертельно знакомый запах. Уши охотника моментально прижались к голове, губы искривила гримаса ненависти. На миг, гнев даже заслонил изумление.

Впрочем, у Крига еще оставалось время подумать, пока руки яростно метали гарпун в люк. Он свирепо рычал, прорубая проход, однако мысленно уже искал объяснение. Единственный вывод, который напрашивался сам, очень не нравился Кригу.

Пролом наконец достиг нужной ширины, и охотник протиснулся в тесный коридор, держа гарпун наготове. Здесь было довольно светло; вдоль потолка тускло горели вечные факелы предков.

Перехватив гарпун поудобнее, Криг пригнулся и короткими прыжками помчался вправо, на запах. Соблюдать тишину не пытался, все равно звук ударов был слышен повсюду. Он готовился к битве.

В этот раз ожидания Крига не были обмануты; проскакав по нескольким коридорам, охотник обнаружил то, что очень боялся найти: большую рваную дыру в стене и лаз на поверхность. Вокруг дыры металлический пол был забрызган грязью, но мокрые следы вели только вправо. Обитатели подземелья никогда не ходили в ту сторону, откуда явился Криг.

Он свирепо оскалился. Возможно, еще не все потеряно, и цель пока не пострадала. Возможно, тайник нашли недавно... Или даже не искали? Эта мысль пришла в голову Крига, когда он ворвался в небольшую комнатку с тремя факелами под потолком и увидел сплетенную из папоротников мягкую подстилку, откуда на врага с ужасом смотрели два щенка динго. Их прикрывала своим телом молодая самка.

Увидев охотника, щенята отчаянно взвыли. Мать беспомощно зажмурилась в ожидании смерти, но Криг не спешил; здесь не было самца, а взрослый динго был опасным противником даже для него. Быстро оглядев логово, Криг запрыгнул внутрь и отступил к левой стене, чтобы из коридора его не было видно.

– Молчите, – коротко приказал охотник. – Я пришел не за вами.

Щенята, скуля, прижались к матери. Та смотрела на Крига с безумной надеждой в глазах.

– Пощади... – взмолилась она. – Только детей пощади!

– Я пришел не за вами, – Криг яростно дернул хвостом. – Говори. Будешь правдива, оставлю щенят в живых. Клянусь именем.

Динга поспешно закивала, дрожа от страха. Охотник бросил по сторонам цепкий взгляд:

– Вы одни?

– Да...

– Где твой кобель?

– На охоте...

– Когда вернется?

– Не знаю, – она всхлипнула. – Не знаю!

Криг оскалил клыки:

– Лучше не лги. Я голоден, а из твоих детенышей получится отличный обед.

– Клянусь именем, я не знаю! – динга в отчаянии ломала руки. – Иногда он уходит на свет, иногда на три или четыре...

– Когда ушел?

– Вчера утром...

Охотник позволил себе чуть расслабиться.

– Что вы здесь делаете? – спросил он свирепо. – Ищете рубку? А?

Динга моргнула.

– К-к – какую рубку? Мы тут живем... – она покрепче прижала к себе детей. –

Уже давно...

Криг подался вперед всем телом:

– Здесь была дыра? Когда пришли? Вы сами отыскали это место?

Динга закивала.

– Да, да. Мы рыли логово и наткнулись на металл...

Криг мысленно издал торжествующий вопль. Динга тем временем продолжала, заикаясь от страха:

– Это хорошее место, теплое и сухое, мы решили построить дом... – она внезапно расплакалась. – Пощади нас, мы уйдем! Мы никому не хотели мешать!

Охотник так стиснул гарпун, что под шерстью стальными канатами вздулись мышцы.

– Мою мать. Моего отца. Моего брата. Мою сестру. Все мое племя сожрали динго, – он хрипло выдохнул. – Меня вытащили из сумки мертвой матери.

Динга зажмурилась.

– Это не мы... – она прижала руки к груди. – Клянусь именем, мы никогда не охотились на кенгов, мы не звери, как те, на равнинах. Мы горные динго, между нами нет войны...

– Вы собаки! – яростно бросил Криг. – У меня война со всем вашим родом!

Он поднял гарпун, и динга в отчаянии вскрикнула, упав на детей в нелепой попытке их защитить. Криг стоял над ними, занеся оружие, его ноздри раздувались от ярости. Ударить... Так просто... Разве это вернет его семью?

Он представил щенят, наколотых на гарпун, мысленно ощутил тяжелый, липкий запах их крови и затихающие крики. Представил, как ему придется выносить их тельца из тайника и бросать на потеху падальщикам.

– Убирайтесь, – от гнева его трясло. – Забирай своих выродков и убирайся. Не хочу пачкать о вас оружие.

Он отступил назад. Динга, не веря, подняла голову.

– Ты... Не тронешь нас? – у нее задрожал голос.

– Я говорю лишь один раз, собака. – Криг мотнул головой в сторону двери. – Убирайтесь.

Всхлипывая, бормоча неловкие слова благодарности, динга подхватила щенят и исчезла за дверью. Криг в бешенстве подпрыгнул.

Ну что ж, по крайней мере информацию он получил. Если поспешить, он успеет закончить свое дело до возвращения семейки динго и все обойдется без драки. Хотя так не бывает.

Криг помочился на подстилку, желая хоть немного притупить собачий запах. Его цель должна была быть где-то рядом, но не очевидной. Твари не знали о рубке. Это вселяло надежду.

Поиски отняли весь остаток света. О том, что снаружи наступила темнота, Кригу напомнили неожиданно и властно: все факелы на стенах внезапно стали тухнуть и вскоре от них остались лишь тусклые красные пятна. Охотник забрался в ближайшую комнату, натянул перед дверью тонкую проволоку и забылся беспокойным сном.

Ему снились равнины. Мирные деревеньки кенгов, где когда-то, в другой жизни, он появился на свет. Первый и самый трудный путь-в материнскую сумку... Криг его не помнил, конечно, но хорошо представлял. Первые сезоны детства он тоже не помнил, зато в памяти отлично, глубоко отпечатался миг, когда детство внезапно кончилось.

Даже во сне охотник издал глухое ворчание. Ему повезло остаться живым. А скольким не повезло? Крига спас крылан, пролетавший мимо разоренной деревни. Он забрал детеныша в горы, где гравитация была вдвое выше, чем на равнинах, и Криг вырос могучим охотником, со стальными мышцами и быстрой реакцией. До сегодняшнего света он полагал, что и душа его стала железной.

Главный урок, усвоенный Кригом в новом племени-надежда. Крыланы умели мечтать о будущем, хотя большинство других племен давно этому разучились. Свою мечту они передали и приемышу... Который, спустя много-много сезонов, оказался на грани ее исполнения. Почему же так трудно прыгнуть за грань? Почему ноги налиты свинцом? Почему...

Судорожно сглотнув, Криг очнулся и рывком сел. Боль в скрученных проволокой руках и ногах гвоздем впиалась в мозг.

В комнате сильно пахло мятой и чем-то еще. У двери, на полу стоял глиняный горшочек, откуда до сих пор тянулся дымок. Криг скрипнул зубами: дурман. Его одурманили во сне, вот откуда столь яркие видения.

Охотник осторожно попытался раскусить путы. Но проволока не поддавалась. В ярости, что поражение пришло так близко от цели, Криг напряг все силы, из-под кожи на запястьях брызнула кровь. Тщетно.

– Проснулся? – в комнату заглянул крупный пятнистый динго с широкой полосой седых волос вдоль спины. Криг бешено закричал, дергаясь в попытках освободиться. Динго наблюдал со снисходительной усмешкой.

– Не копошись, – посоветовал он, когда Криг утих. – Ты не тронул мою семью, и я тебя не трону.

– Проклятая тварь! – Криг зажмурился от бессильного гнева. – Зачем я пощадил ее...

– Мне тоже любопытно, зачем, – серьезно сказал динго. Войдя в комнату, он опустился перед пленником и скрестил на груди руки.

– Милосердие никогда не входило в повадки кенгов, – заметил динго. – Признаю, в наши тоже. Но благодарность нам не чужда. Ты останешься жить.

– Оставь подачки своим щенкам! – прорычал Криг.

Оскалив клыки, динго внезапно подался вперед и с размаху ударил пленника по лицу.

– Если бы с моих детей хоть волос упал, я убивал бы тебя сезонами! – выдохнул он. – Тебе сказочно повезло, кенг!

– Смельчак... – Криг показал набор ничуть не менее острых клыков. – Оставь мои ноги связанными, развяжи только руки. Этого хватит.

Динго усмехнулся.

– Нет, сражаться с диким кенгом в мои планы не входит. Я собираюсь поговорить с тобой. Как твое имя?

Криг отвернулся. Динго помолчал:

– Ладно, это неважно. Меня зовут Йон. Я хочу слышать, как кенги узнали об этом месте.

Криг резко повернул голову.

– Что тебе известно?

– Вполне достаточно, – Йон кивнул на дверь. – Ты упомянул рубку. Как узнал, где искать?

– Я ничего не скажу, – Криг закрыл глаза.

Динго покачал головой:

– Но ты уже сказал. Мы даже не предполагали, что рубка на этом острове. Ты сам раскрыл тайну.

Криг скрипнул зубами.

– Вам не будет пользы от рубки.

– Возможно, – Йон сузил глаза. – Но ты ее ищешь. Значит, тебе известно больше.

Что ты мечтаешь найти там, кенг? Огненное оружие предков?

Охотник резко кивнул. Если повезет... Динго никогда не отличались умом.

– Да.

– Зачем?

– Люблю оружие! – огрызнулся Криг.

Йон смерил пленника задумчивым взглядом.

– Интересный у тебя гарпун, – протянул он.

Криг замер. Только не это...

– Не забирай мой клинок, – выдавил он, стараясь говорить ровно. – Я умру с голоду. Возьми все, только гарпун оставь.

– Умрешь с голоду? – Йон фыркнул. – Не лучшая выдумка, кенг.

– Я не умею охотиться без оружия. Меня воспитывало другое племя. Гарпун-моя жизнь, я сам его выковал.

– Выковал? – динго растянул губы в улыбке. – Враг мой, не считай меня за дикаря. Наконечник твоего гарпуна вечен, а значит, он вовсе не наконечник. Это ключ, верно? – Йон подался вперед. – Ключ к дверям рубки?

Криг стиснул зубы. Но динго и не ждал ответа. Он внезапно вынул из кармашка на поясе секатор и перекусил проволоку, стягивавшую руки пленника.

– Не нападай, – серьезно сказал Йон. – Возьми секатор и освободи себе ноги. Я не хочу враждовать с тобой, кенг. Я хочу, чтобы ты меня выслушал. Это очень важно.

Подозрительно поглядывая на врага, Криг быстро перекусил проволоку на ногах и вскочил, растирая кровоточащие запястья. Голова еще болела от дурмана. Что-то странное тут происходит...

– Я верну тебе гарпун, – тихо сказал динго. – Верну все. Молю лишь об одном: скажи правду. Что ты искал?

Криг помолчал, раздумывая над странными играми судьбы.

– Скажу, когда вернешь гарпун.

Динго громко тьякнул. В комнату, робко поджав хвост, вошел один из щенят, он с трудом тащил гарпун Крига. Охотник схватил оружие, стремительно огляделся, принялся. Взяв гарпун наизготовку, он отступил к дальней стене.

– Ты либо дурак, либо... большой дурак, – заметил Криг. – А если я сейчас проткну тебя вместе с детенышем?

Йон покачал головой.

– Ты мог убить мою семью. Их жизнь не сулила никакой выгоды, но ты их пощадил. С тобой можно говорить.

– Мне не о чем говорить с собаками.

Динго раздраженно приподнял верхнюю губу.

– Я мог зарезать тебя ночью. Мог пытать. Мог издеваться. Вместо этого я вернул тебе оружие и свободу. Все, чего я прошу-выслушай! От этого зависит слишком многое!

Криг усмехнулся.

– Слушаю.

– Тебе не интересно, почему мы живем здесь одни, вдали от стаи?

– Совершенно не интересно, – Криг опустил гарпун и оперся об него. – Вы мои враги. Я смертельно ненавижу ваш род, и видит Кормчий, у меня есть причины. Вчера я проявил слабость, когда отпустил твою самку с щенятами. Но мы, кенги-не звери, как вы. Мою семью вы не пощадили...

Йон помолчал, кусая губы.

– Как убедить тебя, что мы не похожи на зверей, погубивших твою семью?

– Ты пахнешь их запахом, – сквозь зубы процедил Криг. – Я навеки запомнил этот запах.

– Наш род тоже немало испытал от кенгов! – гневно ответил Йон.

– Вот и отлично, – Криг мотнул головой на дверь. – Я пощадил твоих, ты пощадил меня. Мы квиты. Давай разойдемся каждый в свою сторону.

Динго тяжело вздохнул.

– Нам по пути, кенг.

– Мне не нужны попутчики, – сухо ответил Криг. – Особенно вашего племени.

Йон развел руки в стороны.

– Я безоружен. Можешь бить. Все еще не доверяешь?

Криг оскалился.

– Скажи это той, кто стоит с арбалетом в соседней комнате, – не оборачиваясь, он стукнул хвостом об стену, оставив глубокую вмятину в гнилом металле. – Она боится, что болт не пробьет железо, и подошла вплотную. Я слышу дыхание.

Динго помолчал, нервно дергая ушами.

– Это была лишь предосторожность...

– Вот и не говори о доверии, пес.

– Клянусь именем, ты упрям! Если бы я хотел твоей смерти, разве вернул бы свободу?! Какие еще доказательства тебе нужны?!

Охотник покачал головой

– Мне ничего не нужно, динго. Это тебе что-то нужно от меня.

– Да. Я прошу выслушать.

– Говори.

Йон глубоко вздохнул.

– Мы с женой покинули племя три сезона назад. Незадолго до рождения малышей. Я сделал это, поскольку хотел воспитать детей сам, оградить их от вырождающейся культуры наших народов.

Криг задумчиво перебрал ушами.

– Ты странный динго.

– Поверь, мне уже говорили, – Йон улыбнулся. – Я не ищущу бездумного удовольствия в оргиях или охоте, меня влечет знание. Ты умеешь читать, я видел книгу в твоём рюкзаке. Ты должен понять.

Криг фыркнул.

– Много ли толку в книгах? – он постучал когтем по гарпуну. – Вот моя философия, динго.

– Ложь, – не моргнув глазом, ответил Йон. – Ты знаешь слово "философия", одно это уличает тебя во лжи.

Криг помолчал.

– Говори дальше.

– Мы гибнем, – коротко сказал динго. – Все мы, все племена. Мы держались так долго лишь потому, что в мире осталось множество изделий предков. Но с каждым сезоном их становится все меньше и меньше. Племена дичают, только слепой откажется это видеть. Ты слеп?

Ответа Крига последовал после очень долгой паузы.

– Нет, – охотник прижал уши. – Я не слеп.

– Я тоже! – с чувством ответил Йон.

Криг встряхнулся.

– И что с того? – он фыркнул. – Мы не в силах отворотить неизбежное. Тысячи сезонов назад предки сотворили нас из зверей, дали нам разум и речь. Но мы пережили своих творцов...

Охотник с неожиданной злостью ударил гарпуном в пол, металлический звон разнесся по подземелью.

– А они были хреновыми творцами! – Криг стиснул пальцы на древке.

– Не вини отца в грехах детей, если отец не успел их воспитать, – отозвался Йон.

Он подался вперед:

– Я знаю, зачем ты искал рубку. Ты хотел вернуть свою семью. Верно?

Мгновение-и гарпун коснулся горла динго. Ноздри Крига раздулись от бешенства.

– Не смей упоминать мою семью, пес, – тихо, с ненавистью, сказал охотник. У него дергался хвост. – Такие, как ты... Такие как вы! Вы лишили меня жизни, отобрали все... Ничего не осталось! Здесь, – он стукнул себя в грудь. – Здесь ничего нет!

Гарпун сверкнул в тусклом свете древних факелов.

– Хочешь знать правду? – свирепо спросил Криг. – Что ж, знай. Да, я искал рубку. Только вернуть мою семью не сможет никто, ни ты, ни предки, ни даже Кормчий, давно сгнивший в болоте наших молитв. Просто теперь это мой корабль. Мой! Я слишком много страдал. Я потратил всю жизнь, разгребая наследие предков, я больше всех знаю о корабле, знаю как он устроен и куда летел. Я заслужил право сразиться за место у руля! И если ты встанешь на моем пути, со-ба-ка... – Криг нехорошо улыбнулся. – ...я не вспомню о твоих щенятах.

Йон спокойно посмотрел в налитые кровью глаза охотника.

– Я могу вернуть твою семью.

Повисла гробовая тишина.

– Повтори.

– Я могу вернуть твою семью. Оживить твоё племя. Я могу исправить все, что гибнет в этом мире, – Йон тяжело дышал. – Только открой мне путь в рубку.

Криг с огромным трудом унял рычание.

– А там ты помолишься Кормчему и все станет на свои места?

– Нет, – резко ответил динго. – Я изменю вектор тяги главного двигателя. В твоём рюкзаке лежит книга "Космология", ты читал ее?

Криг отпрыгнул назад.

– Читал...

– Что происходит с кораблем, если его скорость превышает световую?

Охотник опустил гарпун.

– Это невозможно.

– Возможно! – горячо возразил Йон. – Наш корабль на такое способен. Первые сезоны полета мы шли на сверхсветовой скорости, именно это послужило причиной исчезновения предков. Когда скорость превышает световую, время поворачивает вспять!

Он возбужденно размахивал хвостом.

– Мы, лабораторные животные, в начале полета находились в камерах ускорения эволюции. Поэтому, когда создатели корабля умерли из-за поворота вектора времени, мы остались невредимы. Я прочитал все это в журнале последнего Кормчего, он писал его, уже умирая, писал для нас! Если мы запустим главный двигатель, корабль вновь разгонится и время пойдет в обратную сторону. Из рубки мы можем восстановить наш гибнущий мир!

Криг уронил гарпун. Целую вечность в сыром сумраке подземелья царила тишина.

– Я хочу видеть дневник, – сказал он наконец.

Йон улыбнулся.

– Идем. Познакомлю с семьей.

Спустя четыре света, разобрав завал в самом нижнем уровне подземелья, где все факелы полопалились от какого-то древнего взрыва, они нашли вход в высокий коридор без следов ржавчины. Взрыв искорежил обычные стены, но не оставил и царапины на вечном металле предков. Криг и Йон долго стояли у входа; им было не по себе.

Жена Йона, Утна, несла фонари, сделанные из факелов на хвощевых древках. Они вскорегодились: стальной коридор был полностью лишен освещения. Он тянулся вглубь земли под довольно большим углом, стены мерцали тысячами капель влаги. Криг с гарпуном наготове прыгал первым; щенята, Пиш и Тим, жались к матери, высоко поднимая факелы. Последним шагал Йон, держа в каждой руке по фонарю. Вооружен был только Криг.

Впрочем, врагами здесь и не пахло. Криг напрасно нюхал воздух, грозно водя гарпуном по сторонам. Подземелье было давно мертво, так давно, что сама память о жизни рассыпалась прахом. Глаз не мог найти даже одинокой паутинки: коридор целиком, от пола до потолка, был собран из вечного металла.

Когда дети Йона от усталости стали тихо поскуливать, отряд устроил первый привал. Все перекусили заготовленным мясом, Криг пожевал сочные листья хвощей-это заменяло ему воду. Йон о чем-то вполголоса беседовал с Утной, щенята не отходили от них ни на шаг. Криг держался обособленно: он еще не вполне доверял динго.

Пока собачья семья отдыхала, охотник листал древний дневник. Страницы были изготовлены из вечного пластика, но неведомый Кормчий писал обычными чернилами, и многие фрагменты истерлись за минувшие века.

"...животные делают большие успехи... Лаборанты не успевают заполнять эвокамеры новыми образцами, как те достигают Y-стадии и нам приходится их усыплять. Информации слишком много, я распорядился использовать для опытов только самых примитивных зверей, сумчатых и грызунов. Они эволюционируют гораздо медленней собак и кошек, так мы хоть успеваем оценить промежуточные стадии..."

Несколько испорченных листов.

"...Скорость растет быстрее, чем мы планировали. Физики уже отмечают двукратное замедление времени относительно Земли. Если так пойдет и дальше, мы достигнем Облаков прежде, чем биологи успеют вывести подходящих колонизаторов. Полагаю, следует вернуться к опытам с собаками... Но ценят многие отказываются усыплять, в отделе растет недовольство. Следует поставить вопрос ребром на ближайшем совещании, куда мы..."

Дальше не разобрать. Криг чувствовал, как по спине бегут мурашки. Если такова цена творения... Он уже не хотел встречи с предками.

"...необъяснимые явления происходят все чаще. До нас никто не приблизился к скорости света так близко. Сегодня на совещании Донован требовал прекратить разгон. Мне пришлось напомнить, что ресурсы рассчитаны до последнего грамма, и, если мы прекратим набирать скорость, полет займет десять лет вместо расчетных трех. У нас нет выбора, мы не сможем вернуться, если не запасаемся топливом на планетах Золотой Рыбы, а долететь туда мы успеем лишь при 97% скорости света. Подозреваю, что Донован мне не пове..."

Целый десяток чистых страниц.

"...все кончено. Надежды нет. Я истратил последний ионный заряд, отправив Земле отчет о нашей гибели. Уже остались одни старики, но и мы не протянем долго. Выживут только звери. Я распорядился загрузить все эвокамеры и включить ускорители на полную мощность..."

"...вчера погиб Крамер. Безумец, он решил, что, если забраться в эвокамеру, можно перенести минус-время. Нам некуда эволюционировать!"

"...не знаем, отпустит ли корабль эта волна... Двигатели стоят... Мы ничего не можем поделать. Ни-че-го. Относительно нас, время на Земле течет в обратную сторону, и люди просто растворяются в воздухе, будто никогда не рождались. Из компьютера исчезают их имена и фотографии. Молодые погибли первыми, мы скоро

последуем за ними... Будь среди нас хоть один ребенок, рожденный на корабле! Нас стирают из истории Вселе..."

И пустота до самой последней страницы. Финальная запись в дневнике была сделана дрожащей рукой древнего старца, буквы расплывались, будто их окропили слезами.

"Зверюшки... Они справятся, я верю. Они доведут корабль до Облаков. Хотел бы я видеть будущее... Кто заселит новые миры, если этот несчастливый ковчег достигнет цели? Кто примет эстафету? Надеюсь, они не узнают о нас..."

Конец. Криг в глубокой задумчивости закрыл книгу.

– Ты давал детям ее читать? – вполголоса спросил охотник.

Йон покачал головой. Криг глубоко вдохнул.

– Не позволяй им этого. Никогда.

– Я и не думал.

Кивнув, Криг угрюмо отвернулся. Больше они не говорили о дневнике.

Отдохнув, исследователи двинулись дальше. Спустя довольно много времени, Йон первым обратил внимание, что гравитация слегка увеличилась. Попрыгав на месте, Криг это подтвердил:

– Мы приближаемся к обшивке корабля. Чем дальше от оси вращения, тем выше сила тяжести.

– Но в горах она вдвое больше, чем здесь, – возразил Йон.

– Горы и есть обшивка, – усмехнулся Криг. – Их раньше не было, это следы от ударов космических камней. Корабль изнутри вовсе не цилиндрический, здесь есть впадины и целые равнины, вознесенные высоко к центру. Горы наиболее удалены от оси вращения, центробежная сила там максимальна, – Криг помолчал. – В древности гравитация была одинакова по всему кораблю. Но с тех пор что-то сломалось. Этот проклятый гроб давно должен был развалиться!

Динго переглянулись. Щенята невольно подошли ближе к родителям.

– Откуда ты столько знаешь? – спросила Утна.

Охотник фыркнул.

– Я собирал сведения о корабле с тех пор, как научился читать. Десять сезонов потратил на поиски. Если в этом мире остался хоть один инженер, он перед вами.

– Как же ты не узнал о судьбе предков? – помолчав, спросил Йон.

Криг зло прижал уши к голове:

– Я примитивный сумчатый образец. Я не могу знать всего.

Разговор угас. Время тянулось медленно, коридор казался бесконечным. Час за часом, свет за светом, они погружались все глубже в недра исполинского корабля. Отряд уже пять раз устраивал привалы.

Утна с тревогой следила за таявшими на глазах запасами продовольствия. Экономя пищу, Йон и Криг перестали есть дважды в свет, и боролись с голодом, жуя листья хвощей. Все понимали: еще несколько переходов, и отряду придется повернуть назад, иначе еды не хватит на обратный путь.

Теперь впереди обычно прыгал Криг, Йон шел вместе с семьей. Никто не хотел признавать, что битва проиграна. Охотник торопил динго, заставлял ускорять шаг, и все же добился своего: когда запасы провизии уже достигли критической величины, коридор наконец кончился.

Долгий путь вывел отряд в совершенно необъятного размера зал. Где-то на недостижимой высоте ослепительно сияли фиолетовые факелы, которые, должно быть, яркостью во много раз превосходили Солнце, но из-за чудовищного расстояния казались точками слепящего пламени. Дальняя стена терялась в дымке, стальной пол убегал в бесконечность. Там и тут металл разрывали глубокие симметричные оврагшвы, где колоссальные листы обшивки стыковались друг с другом. Потрясенные исследователи долго стояли на пороге.

– Мои истинные предки были травоядными, – внезапно сказал Криг. – Мы не от хорошей жизни превратились в хищников.

Йон бросил на спутника удивленный взгляд.

– А мои были одичавшими домашними зверьми. Причем тут...

– Я о другом, – Криг энергично приняхивался. – Кормчий писал, что его сородичам некуда эволюционировать. Кем же они были, Йон? На кого походили наши творцы?

Динго окинул задумчивым взглядом титанический зал.

– Думаю, сейчас это неважно.

– Важно! – оборвал охотник. – А если они были размером с блоху? Или с хвощ? Откуда ты знаешь, что в рубке мы сумеем справиться с их техникой?

– Предки оставили корабль нам, – мягко возразил Йон. – Они не могли ничего упустить.

Криг глухо заворчал, но решил не спорить. Опустившись на четвереньки, он принялся изучать металлический пол. Динго тем временем что-то подсчитывал, бормоча под нос цифры. Когда Криг поднял голову, Йон указал ему на коридор.

– Мы совершили двенадцать переходов длительностью в свет-полтора каждый. Если коридор все время шел прямо, над нами должен быть океан...

– Коридор шел по спирали, – заметил Криг, не отрываясь от изучения листов на полу.

– Ты уверен?

– У меня врожденный компас. Как у птиц.

Йон с сомнением оглядел охотника.

– Ну-ну. Выходит, крыша этого зала-наш остров?

Криг встал на ноги.

– Нет, – тихо произнес охотник. – Смотри вдоль шва. К центру. Видишь?

Динго прищурил глаза.

– Пол загибается вниз? – он потер руки. – Вот оно что! Мы стоим на крыше рубки! Значит, поблизости должен быть люк в...

Криг щелкнул зубами, прервав монолог спутника.

– Нет, – он нетерпеливо дергал хвостом. – Швы. Посмотри, какие швы у нас под ногами. А теперь следи за когтем... – Криг указал на шов рядом с собой и медленно повел рукой вдаль. Йон вздрогнул: прямо на глазах, шов углублялся и расширялся, поверхность металлического листа грубела, на ней появлялись камешки. Вдали, у центра зала, где пол уже исчезал в дымке, смутно виднелись целые россыпи крупных булыжников.

– Не понимаю... – динго взъерошился. – Что это значит?

Криг тяжело дышал:

– Пыль.

– Пыль?!

– Да. Те камни, вдали-это пыль, – он резко обернулся. – Ты до сих пор не понял?

Что-то впереди искажает пропорции. Этот зал вовсе не так велик, как кажется.

Он поудобнее перехватил гарпун.

– Стойте здесь. Я разведу путь.

– Криг! – Йон шагнул вперед. – Я с тобой.

– Нет, – охотник метнул на спутника свирепый взгляд. – У тебя семья. Охраняй.

Больше не тратя время на споры, Криг переступил с ноги на ногу и прыгнул. Уже в воздухе он об этом пожалел.

Тело Крига пронзило странное ощущение. Каждую клеточку, каждую мышцу словно начали подогреть у костра, но ему было холодно, а из пасти с шумом вырывались клубы пара. Сильное головокружение мгновенно подкосило ноги; охотник грузно рухнул на металл и, потеряв равновесие, упал на суставы ног. Гарпун со звоном проехался по полу.

Прежде, чем Криг успел перевести дыхание, головокружение столь же быстро прошло. Рядом стояла вся семейка динго.

– Я же сказал... – начал было Криг, но Йон покачал головой:

– Мы полтора света смотрели, как ты совершаешь прыжок.

Охотник замер:

– Что?!

– Время, – Йон обвел рукой зал. – Здесь что-то не так со временем. Едва прыгнув, ты словно попал в смолу. Мы с Утной часами смотрели, как движется твое тело, распрямляются ноги, вытягивается шея. У нас было много времени для размышлений и опытов.

Он уселся на металл рядом с охотником и кивнул влево.

– Взгляни на свой гарпун.

Криг как ужаленный обернулся. Его драгоценное оружие медленно, будто во сне, парило над полом. Движение было едва заметно.

– А теперь смотри на меня... – улыбнувшись, Йон встал и шагнул назад, ко входу. Контуры его тела тут же смазались скоростью. Ошеломленный, Криг следил, как мутный призрак динго с невероятной быстротой исчез в коридоре и тут же, неувлимо для взгляда возник перед спутниками. В руке Йон держал наполовину съеденный кусок мяса.

– Ну, как вы тут без меня? – он фыркнул. – Я успел пообедать и неплохо выспался.

Потрясенный охотник сел на собственный хвост.

– Невероятно...

– Ты и половины не знаешь, – заметила Утна. Было видно, что ей и детям не по себе, однако они боролись со страхом и держались возле Йона.

Криг глубоко вдохнул:

– Чего я не знаю?

– Посмотри вверх.

Охотник вскинул голову и едва удержался от крика. Потолок со слепящими факелами стал чуть ли не вдвое ближе.

– Я знал... – Криг вскочил. – Я знал!

Йон натянуто улыбнулся.

– Здесь нет никакого искажения пропорций. Там, в центре, действительно обычная пыль. И когда мы туда дойдем, она не покажется нам крупной.

Криг возбужденно встопорщил уши:

– Все правильно! Изучая корабль, я много раз встречал упоминания о свернутых квантовых измерениях, существующих лишь на атомарных масштабах! Предки умели точно так же «сворачивать» и обычные измерения, сокращая размеры атомов и молекул в тысячи раз. Любой предмет можно было уменьшить с полным сохранением его свойств и массы, изменялись сами физические константы! Целый контейнер с запасами и снаряжением поместился бы в кармашек на поясе, но количество вещества, а следовательно, и масса, не уменьшались, то есть инерция все равно... – он запнулся.

Йон медленно кивнул:

– Я тоже читал об этом, Криг.

Охотник сглотнул. Вся его шерсть встала дыбом.

– Но... Если время сворачивается в той же пропорции... Тогда мы...

– Теперь понимаешь? – негромко спросил динго.

Криг молчал целую вечность.

– Вперед, – сказал он наконец. – Держимся вместе, вплотную друг к другу. Идем мелкими шагами. Детей возьмите на руки.

Никто не возразил. Тесно сплотившись, маленький отряд двинулся в неизвестность.

Каждый шаг отзывался головокружением и слабостью в ногах. Потолок и стены рывками сближались, это было так жутко, что щенята отчаянно скулили, а Утна судорожно цеплялась за шерсть своего мужа. Криг двигался первым, держа гарпун обеими руками. Его губы кривила гримаса бешенства, в глазах тлел безумный огонь. Он, как и Йон, все уже понял, и чудовищная ненависть сжигала его разум.

Всего двадцать девять шагов совершил отряд, и колоссальный, грандиозный зал уменьшился до тесной металлической камеры, в одной из стен которой тускло блестела

двустворчатая дверь. Обернув голову, Криг попытался найти у пола вход в коридор, откуда они пришли-но это было не легче, чем разглядеть дырочку от укола иглой с высоты птичьего полета.

Запах воздуха сильно изменился, изменилось и давление. Щенята тихо скулили, зажимая лапками уши. Слепяще-фиолетовые факелы под потолком превратились в обычные, тускло-желтые лампы, знакомые каждому жителю покинутого мира. Гравитация слегка увеличилась, но оставалась вдвое ниже, чем среди гор, где крыланы воспитывали Крига. Царила мертвая тишина.

Первым, как всегда, опомнился охотник. Молча подпрыгнув к дверям, он склонился над замком. Медленно подошел Йон, к нему жалась Утна с щенятами на руках.

– Будь осторожен, кенг.

– Я помню дневник, – сквозь зубы процедил Криг. – Но у нас будет немного времени, прежде чем поднимут тревогу. Осмотреться успеем. Потом вы вернетесь...

– Только мы? – оборвал Йон.

Криг рывком выпрямился:

– Это мой корабль, – сказал он, не поворачивая головы. – Хвостом, кто его построил. Я выстрадал свое право. Моя семья отдала за это жизнь. Все мое племя... – он не смог продолжить и вновь склонился над замком, дрожа от ярости и бессильного гнева. Динго молча стояли рядом.

– Готово, – Криг сунул коготь в скважину. Створки двери беззвучно разъехались, и взглядам путешественников открылся яркий, живой свет неодимовых ламп.

Колоссальных размеров белый зал был полон неизвестной аппаратуры. У стен стояло несколько крупных цистерн длиной метров десять и диаметром в три, выкрашенных в приятный цвет морской волны, возле каждой цистерны блестела округлая шлюзовая камера. Толстые гофрированные шланги связывали их с пультами управления, где весело перемигивались огоньки.

Путешественники стояли в точно такой шлюзовой камере. О том, что находилось в цистернах, догадаться было нетрудно.

Криг первым вышел на свет. Его ноги – "нет, лапы..." поправил себя охотник-оставили грязные следы на стерильном белом полу. Криг машинально продолжал сжимать гарпун, ему просто хотелось чувствовать в руках оружие. Горечь и скорбь терзали душу. Словно вернулся тот миг. Словно время действительно повернуло вспять.

– Удивительно... – голос динго за спиной едва не свел Крига с ума. Охотнику потребовалась вся воля, чтобы удержать себя от безумия; до крови закусив язык, он зажмурился, пытаясь абстрагироваться от воспоминаний. Медленно, глубоко дыша, он обернулся. Открыл глаза. Эти динго-другие. Они не виновны, что родились сами собой. НЕ ОНИ виновны. Виновны те, кто... Те, кто... ТЕ, кто...

Чувствуя, что теряет контроль над собой, Криг до посинения стиснул пальцы на древке гарпуна. Спокойно. Спокойно.

– Что ты делаешь? – хрипло спросил охотник.

Изумленный Йон оторвался от разглядывания пульта управления.

– Наша письменность! Я понимаю, что здесь написано!

– Что? – Криг тяжело дышал. Безумие отпускало его неохотно.

Йон склонился над экраном:

– "Геномида IV, культура NG701. Австралия и Тасмания. Стадия Y, 92%"

– Стадия игрек? – Охотник скрипнул зубами. – Значит, скоро настанет наш черед.

Как там было? "Многие отказывались усыплять щенят..."

Йон резко выпрямился:

– Заткнись, кенг.

– Не нравится? – Криг зло усмехнулся.

– Дневник был фальшивкой. Все было фальшивкой! Нас не будут истреблять.

Они же нас создали... Они... – Динго оглянулся на свою семью, дрожавшую от страха в дверях шлюзовой камеры.

Криг в бешенстве сжимал и разжимал пальцы на древке гарпуна.

– Чем ты лучше других? – у него болело сердце. – Почему тебя должны пощадить, если всех остальных не щадили?

Йон зажмурился.

– Так не может быть. Это бессмысленно. Зачем тогда творить жизнь?! Зачем все?!

Криг мотнул головой на шлюзовую камеру.

– Ты ведь читал дневник. Им нужны подходящие колонизаторы. Живые машины, которых можно сотнями штамповать в пробирках.

– Не верю!!! – рявкнул динго. Его трясло.

– Не верь, – Криг отвернулся. – Твоя вера никого не волнует. Вам пора возвращаться, пока хозяева корабля не наведались в лабораторию. Разница во времени огромна, ты еще успеешь вырастить детей, прежде чем нашу... эвокамеру отключат.

Он прижал уши.

– А у меня есть другие дела.

Охотник двинулся вперед, но Йон догнал его и схватил за плечо.

– Что ты станешь делать, безумец?! – шерсть динго стояла дыбом. – Тебе не одолеть их! В сравнении с ними мы...

Криг, расшвырнув, так отшвырнул Йона, что тот не устоял на ногах. От бешенства глаза охотника налились кровью.

– Дикари? Ты это хотел сказать?! – он с размаху вонзил гарпун в пол и подпрыгнул к ошеломленному динго. – Жалкий пес! Теперь я верю, что твои предки были домашними зверьками у этих... этих... – Криг захлебнулся. С трудом взял себя в руки.

– Иди! У тебя есть семья. Вернись к своему племени и расскажи им правду. Быть может, вы успеете выбраться из камеры, прежде чем ее уничтожат, и благородные хозяева подарят вам шанс доказать свою преданность!

Он судорожно втянул воздух сквозь ноздри.

– У меня нет ни семьи, ни племени. Здесь, – он ударил себя в грудь, – осталась лишь ненависть. Быть может, я только говорящее животное-пусть так! Но я родился в этом корабле, я выстрадал свое право на жизнь...

Голос Крига впервые дрогнул.

– Они смотрели под микроскопом, как наши племена копошились в грязи. Делали отметки в лабораторном журнале... – его глаза вспыхнули огнем безумия.

– Мне недолго осталось, но свои последние часы я проживу как воин, а не как лабораторная крыса!!!

Йон не успел ответить: его прервал тонкий голос щенка. Пока взрослые рычали друг на друга, юный Тим робко вышел из шлюзовой камеры и сейчас стоял возле ниши в белой стене.

– Отец, что это? – спросил щенок.

Все обернулись. Криг заставил себя проглотить гневный ответ и, нетерпеливо дергая хвостом, подпрыгнул к нише.

– Где? Там? – он поднял взгляд и застыл.

Подбежали Йон и Утна, державшая на руках второго щенка. Криг их не заметил.

Забыв о дыхании, он смотрел в окно.

За окном не было ничего странного. Вполне обычная горная долина, бездонное предраассветное небо, где одиноко плыло облако. Солнце еще не взошло, но его лучи уже окрасили кайму далеких гор в бесподобный пурпур. Совсем рядом с окном росло большое дерево, изумрудные листья шелестели на ветру. Где-то внизу, едва видимая в полумраке, беззвучно текла река.

Криг ощутил, будто у него из-под ног внезапно выдернули пол. Он схватился за подоконник, чтобы не упасть. Позади слышалось судорожное дыхание динго и веселое тьякканье щенят.

– Клянусь именем... – прошептал Йон. – Мы жалкие, смешные безумцы...

Криг зажмурился.

– Корабля не существует? – вопрос прозвучал так беспомощно, что маленький Тим весело рассмеялся. Йон и Утна переглянулись.

– Я должен был догадаться раньше, – нервно заметил динго. – При сжатии измерений масса никуда не исчезает. Каждая эвокамера должна весить как горный кряж, какой корабль сможет ее поднять?

– В действительности, инерция не доставляет проблем, – спокойно ответил чей-то незнакомый голос. – Есть способ отклонить импульс в иное измерение.

Все обернулись. Возле шлюза стояло невысокое двуногое существо с плоским лицом, лишенным шерсти. Подробности телосложения скрывал белый халат, на голове росли короткие волосы.

– Добро пожаловать, – существо улыбнулось, приоткрыв недоразвитые челюсти. – Поздравляю, вы первые из своей Геномиды.

Криг выступил вперед. Он судорожно сжимал гарпун, шерсть на загривке стояла дыбом. Но незнакомец опередил его вопрос:

– Да, мы обязаны вам разъяснениями. Для этого я здесь. Мое имя Крамер, я человек; так мы называем свой род. Вы находитесь в Гималаях, здесь раскинулся главный центр подготовки космонавтов. Теперь задавайте вопросы.

Криг поперхнулся. Справившись с шоком, он чудовищным усилием воли заставил себя опустить гарпун и оперся об него, не уверенный, что устоит на ослабевших ногах.

– Кто ты? – с трудом выдавил охотник.

Крамер улыбнулся шире.

– Я ученый. Ответственный за Геномиду IV, ставшую домом для всех вас, – он хлопнул ладонью по цистерне, рядом с которой стоял. – Так уж вышло, что экологию вашего мира разработал я.

Пока Криг приходил в себя, вперед шагнул Йон:

– Вы сотворили нас? – спросил он негромко.

Крамер покачал головой.

– О, нет. Вас сотворила матушка-природа. Более того, вы-наши предки, так что по зрелом размышлении это вы сотворили нас, – он улыбнулся. – Проект "Геномида" лишь возвращает то, чего вы лишились по нашей вине.

Человек отошел от цистерны и уселся в белое кресло возле прозрачного стола.

– Садитесь, – пригласил он. – Нам очень многое предстоит обсудить.

Нервно переглядываясь, бывшие звери расселись напротив своего далекого потомка.

– Вы, безусловно, хотите знать, зачем мы это делаем, – начал Крамер. – Ответ очень прост. Мои сородичи-люди-стали разумными около ста тысяч лет, по-вашему сезонов назад. Первыми на этой планете. С тех пор мы далеко продвинулись, овладели тайнами вещества и энергии, научились покорять бесконечные просторы космоса. За последние шесть сотен лет наши корабли облетели почти все пригодные для жизни планеты в Галактике... – человек на миг остановился, – ...и нигде не нашли жизни. Совсем. Сегодня мы уже знаем о причинах этого явления.

Крамер жестом указал на окно.

– Тысячи лет мы истребляли жизнь на Земле, – сказал он негромко. – Мы даже не представляли, какое сокровище нам досталось. Шансы на самостоятельное зарождение жизни столь малы, что подсчитано-далеко не в каждой Галактике может найтись обитаемая планета. Любой вид-абсолютно бесценен, любое племя обязано выжить любой ценой.

Человек опустил голову.

– Прежде, чем мы это поняли, число народов, истребленных нами подчистую, уже достигло нескольких десятков тысяч. На Земле оставалось меньше видов живых существ, чем мы истребили.

Крамер тяжело вздохнул.

– Тогда и родился проект Геномиды. Мы решили исправить ошибку природы, ведь планет, где способна цвести жизнь-мириады мириадов. Несправедливо оставлять

их мертвыми. А еще менее справедливо-присвоить их самим, бросив тысячи других видов в клетке неоконченной эволюции.

Человек улыбнулся.

– Вот, в общем-то, и все. Каждый вид животных, обитающий на Земле, получит от нас разум и чистую, нетронутую планету в подарок. Как жить дальше-решать вам. Слушаю вопросы.

Криг посмотрел на Йона. Тот был ошеломлен и явно не собирался ни о чем спрашивать, поэтому охотник перевел взгляд на человека.

– Зачем столько лжи? – спросил он глухо. – Зачем эти... аквариумы?

– Мы творцы, а не боги, – коротко ответил Крамер. – Мы дарим разум и знания. Как ими пользоваться-дело ваше.

– Так почему вы не дарите нам правду? Зачем все эти сказки о Корабле?!

Человек вновь улыбнулся.

– У вас создали миф о Корабле? Это частый случай. Еще обитатели геномид нередко создают теории о подземных городах, ядерных войнах и заброшенных космических станциях. Видите ли, невозможно скрыть от жителей, что их мир искусственный...

Криг гневно оборвал:

– Искусственный? Скажи прямо-ужасный!

– Безусловно, – ответил Крамер. – Мир в Геномидах ужасен и жесток. Ведь наша цель-превратить вас в разумных существ. Идеальный мир навсегда остался бы хлевом. Разум рождается лишь там, где его отсутствие означает смерть.

Криг запнулся. Пока он осмыслял ответ человека, в разговор вступил Йон:

– Что означает "стадия игрек"? – негромко спросил динго.

Крамер удивленно поднял брови.

– Вы более развиты, чем я думал. Стадия игрек-последний период работы Геномиды. Затем контейнер отвозят на подходящую планету, открывают, и новая разумная раса начинает осваивать свой дом.

– Как вы определяете, когда наступает время? Вы следите за нами?

Человек рассмеялся.

– Мы не смогли бы, даже желай мы этого. Время в Геномидах ускорено в тысячи раз. Стадию игрек определяете вы сами...

– Как? – резко оборвал Криг. Йон удивленно взглянул на спутника: Криг вел себя так, словно не верил ни единому слову Крамера.

Человек, между тем, вежливо обвел гостей рукой.

– Вы нашли путь наружу. Вы не смогли бы найти его, не достигнув определенной стадии развития. Все рассчитано.

– Действительно? – охотник сузил глаза.

– Конечно.

– Но мы... – Йон запнулся, поймав горящий взгляд Крига. Незаметным жестом хвоста тот призвал динго к молчанию.

– Время в Геномидах ускорено, верно? – вкрадчиво спросил охотник. – Значит, пока мы тут сидим, там сменяются сезоны?

Крамер покачал головой.

– Разница не так велика. Один ваш сезон-примерно десятая часть наших суток. Субъективная продолжительность дня и у нас, и у вас одна и та же.

– Я о другом, – хвост Крига подрагивал от затаенного возбуждения. – Почему, пока мы беседуем, из Геномиды не появились новые гости? Ведь там должно было пройти уже полсезона, не меньше.

– Скоро появятся, – уверенно ответил Крамер. – Вы, очевидно, не оставили записей о своем пути, иначе здесь сейчас было бы трудно ступить от гостей. Едва кто-нибудь догадается повторить ваш путь...

Криг нехорошо усмехнулся.

– Мне потребовалось десять сезонов, чтобы найти этот путь.

– Для вас десять сезонов, для нас один день, – улыбнулся человек. – Завтра из Геномиды IV обязательно явятся гости.

Охотник, не спеша, обвел зал внимательным взглядом.

– У вас, как вижу, имеются всего четыре Геномиды?

– Увы. Их создание очень непросто.

– Сколько планет вы уже заселили новыми расами?

Крамер пожал плечами.

– Три. Вам достанется четвертая.

Криг медленно встал из кресла. Взглянув на его лицо, Йон ощутил, как шерсть подымается дыбом.

– У меня просьба, – с расстановкой произнес охотник. – Не мог бы ты открыть окно?

***

Улыбка с лица Крамера бесследно пропала.

– Зачем?

– Хочется подышать свежим воздухом.

Человек нахмурил брови:

– Здесь стерильная атмосфера. Окно не открывается.

Криг молча подкинул ногой гарпун, перехватил в воздухе и с выдохом метнул. Послышался звон и шипение электрических разрядов, изображение прекрасного пейзажа погасло. По экрану, имитировавшему окно, пробежали трещины.

– Утна, бери детей и возвращайся в Геномиду, – не отрывая глаз от бледного лица Крамера, приказал Криг. – Быстро.

– Жди нас дома, – хрипло добавил Йон. – Помни о разнице времени.

Испуганная динга подхватила щенят и скрылась в шлюзовой камере. Человек проводил ее недобрым взглядом.

– Это была ошибка, – сказал он, обернувшись к охотнику.

– Нет, теперь моя очередь, – усмехнулся Криг.

Крамер шагнул вперед.

– Безумец, за нами следят десятки глаз. Тебя уничтожат!

– Правда? – охотник оскалил клыки. – А мне думается, на корабле больше никого нет.

Повисла мертвая тишина. Бледный как смерть, Крамер смотрел на бывшего зверя. Тот жестом отдал приказ Йону принести гарпун. Динго подчинился, даже не задавая вопросов; после обнаружения подземного зала, Криг стал безоговорочным лидером их маленькой группы.

– Ты нас слегка недооценил, – заметил охотник. – Очевидно, мы уже прошли стадию игрек. Кто-то из начальства допустил промах; нас должны были усыпить давным-давно...

– Что за бред! – Крамер наконец справился с собой и натянуто рассмеялся.

Вместо ответа Криг расстегнул карман на поясе и вытащил дневник древнего Кормчего.

– *"Вчера погиб Крамер"*, – с расстановкой прочел охотник. – *"Безумец, он решил, что, если забраться в эвокамеру, можно перенести минус-время... Нам некуда эволюционировать!"*

Отбросив книгу, Криг указал когтем на человека.

– Так значит, в эвокамере можно перенести минус-время?

На лице Крамера не осталось ни кровинки:

– Где вы это взяли? – спросил он глухо.

Криг расхохотался.

– Глупец! Ты думал, взорвав порталы выхода в каждой Геномиде, навеки избавился от нас?!

– Как?! – переспросил изумленный Йон.

Охотник нетерпеливо дернул хвостом.

– Помнишь завал в подземелье? Вы проникли туда сквозь стену, а я пришел через бывший вход. Давным-давно там был страшный пожар. Я разбираюсь в технике, и я видел, что пламя сотворило с металлом. В нашем диком мире просто нечему так гореть.

Он обернулся к Крамеру, прижав уши, хрипло дыша от гнева.

– Ты последний, верно? – спросил Криг. – Все остальные погибли, а ты выжил. Когда скорость корабля упала ниже световой, ты вернулся и обнаружил только смерть.

Он оскалил клыки в гримасе ярости.

– Должно быть, тебе было очень одиноко... Пока ты не увидел, как по кораблю бродят говорящие звери из Геномид! Они стали твоим кошмаром. Ты хотел отключить Геномиды, но не сумел или испугался.

Криг свирепо улыбнулся:

– А ведь для тебя не могло пройти много времени-полсезона, не больше. Что же ты придумал, Крамер? А? Я скажу тебе, что. Ты придумал заточить зверей в их аквариумах. Замок нашей шлюзовой камеры был испорчен, я его просто взломал, когда вышел. Странно, правда-ожидать гостей, и заваривать замки их домов?

Человек попятился. Охотник смотрел на него, постукивая гарпуном по ладони.

– Всего одна ошибка, Крамер. Ты не учел, что другие люди тоже могли спрятаться в Геномидах от смерти. Например, капитан корабля. Должно быть, он хотел, как и ты, переждать минус-время... Но ты взорвал портал, и несчастный умер в нашем мире от старости. Пока он старел, ты как раз успел пообедать... – Криг со свистом втянул воздух. – Но Кормчий сумел оставить о себе память. Мы говорим на вашем языке и пишем вашими буквами-почему?

Наклонившись, он поднял старый дневник и бережно разглядел последнюю страницу.

"Зверюшки... Они справятся, я верю. Они доведут корабль до Облаков," – с чувством прочитал Криг. – *"Хотел бы я видеть будущее... Кто заселит новые миры, если этот несчастливый ковчег достигнет цели? Кто примет эстафету? Надеюсь, они не узнают о нас..."*

– Они не узнают о ВАС, – коротко сказал Крамер.

В руке он держал серебристый пистолет.

– Спасибо, что подробно объяснил мои ошибки, – Крамер издевательски поклонился. – Уверяю, вторично я их не допущу.

Криг тяжело дышал, не отрывая взгляд от оружия.

– Что ты сделал с другими? – спросил он хрипло. – С теми, кто приходил раньше нас?

– Раньше вас? – человек рассмеялся. – Ах да, ты о зверюшках...

Криг с трудом удержал рычание.

– У тебя все было подготовлено, – он кивнул на разбитый экран. – Где они?

– Я попросил их подождать в каюте, – Крамер печально развел руками. – Боюсь, они до сих пор ждут... Назад! – он вскинул пистолет. – Прежде, чем я тебя убью, кенгуренок, ответь: почему ты не поверил моему рассказу?

– Я не верю в сказки, – глухо ответил охотник. – Я слишком много страдал, пока искал путь на свободу. Рассказывай о добреньких альтруистах кому-нибудь другому; вы не стали бы тратить столько сил на создание разумных зверей, если б не имели планов, как нас использовать. В дневнике Кормчий не скрывал этих планов. Ему я верю больше.

– Жалкий дикарь... – Крамер покачал головой. – И что дальше? Сегодня я запечатаю вашу Геномиду, и вы навеки останетесь в аквариуме. К чему ты стремился?

Или... – на губах человека заиграла усмешка – ...ты ждал, что люди позволят зверю поуправлять кораблем?

От ненависти у Крига мутилось в глазах.

– Это мой корабль, – прорычал он.

Крамер поднял брови.

– Что?

– Это мой корабль. Я здесь родился. Я потратил всю жизнь, изучая его.

– Т-в – о-й корабль? – переспросил Крамер. Теперь, впервые, гримаса ненависти появилась и на его лице. – Выродок, нелепая кучка генов, проклятый мутант! Так это твой корабль?!

Он шагнул вперед, поднимая пистолет.

– Ты ошибка нашего экологического отдела! Звереныш! Когда мы врезались в ту аномалию, все запаниковали. Я говорил, чтобы эвокамеры стерилизовали, пока не поздно, но кому до них было дело? Когда в опасности люди, о зверях не вспоминают!

Крамер взвел курок.

– И о вас тоже никто не вспомнит...

Криг невольно зажмурился, но в этот миг прозвучал щелчок арбалета и человек с воплем схватился за пробитое запястье. Из шлюзовой камеры вышел высокий черно-бурый динго.

– Зораг, наконец! – Йон облегченно вздохнул. – Ты не слишком торопился!

Динго оскалил зубы:

– Да нет, мы тут уже давно. Не хотели мешать спектаклю... – он посторонился, пропуская других. Несколько воинов быстро скрутили человеку руки и ноги.

Криг только сейчас сумел перевести дыхание.

– Спасибо, – он оглянулся на Йона. – У тебя не жена, а сокровище.

Динго весело рассмеялся.

– Ты ведь не думал, что она и правда станет нас ждать месяцами?

– Скажем так... – охотник подмигнул Утне, как раз появившейся из камеры. – Я подозревал.

Из дверей выходили все новые и новые воины, появились и дети Йона-они заметно подросли. Увидев отца, щенята с радостным визгом бросились ему на грудь.

– Долго готовились? – спросил Криг.

Утна кивнула.

– Четверть сезона. Здесь все наше племя... – она обернулась к камере. – Да и не только наше.

Охотник вздрогнул: из дверей осторожно выглянул крупный серый кенг. Ничего не понимая, Криг оглянулся на Утну.

– Вы вместе?!

Динга улыбнулась.

– Разве мы можем враждовать с племенем будущего капитана?

Громадный Зораг похлопал оцепеневшего охотника по плечу.

– Утна все рассказала, да и сейчас мы успели немало увидеть. В совете племен спорили долго; но не нашли никого более достойного. Ты поведешь Корабль к цели, Криг.

С пола послышался безумный, захлебывающийся смех:

– Кенгуру! – Крамер дергался от хохота. – Капитан звездолета!

Йон ответил совершенно серьезно:

– Он справится, человек.

Глава 17

Видение погасло, и раздавленные, потрясенные, уничтоженные беглецы бессильно обмякли на рыжем матрасе. У всех от боли раскалывалась голова, Настю тошнило. Перед глазами все так кружилось, что несколько минут они не могли даже стонать и молча, сжимая виски, лежали под гаснущим кольцом.

Прошло не менее получаса прежде, чем хоть кто-то сумел заговорить:

– Я был хищником... – прошептал Элджи, его колотила крупная дрожь. – Я рвал зубами кровавое мясо... Свирепость... Гнев... Это было...

– Волшебнo! – выдохнула Орби. Рядом судорожно глотали воздух Гюрза, Сай и Туман.

Яхак с трудом приподнялся на локте:

– Мы стали одним! – произнес он с трепетом. – Я жил его дикой, пьянящей жизнью, охотился и сражался, тосковал по родному племени, сгорал от ненависти к мучителям!

– Перевоплощение... – выдавила Инга, держась за голову. Яхак сел, закрыв глаза руками.

– Верните меня туда! – простонал он мучительно. – Я... Я-там... Здесь лишь нелепая мышь!!!

Туман вцепился ему в лапу и расплакался. Больше никто не нарушал тишины. Минут через десять Настя с огромным трудом заставила себя встать, отошла от прибора подальше и сползла по стене, уронив голову на колени. Зверьяне расселись на холодном металле, кто где стоял. Подавленные, они до сих пор не могли избавиться от горящих в сознании, завораживающих картин чужой жизни.

– Надо... Обсудить все, что мы... Видели... – выдавил, наконец, Элджи.

– Я пас, – твердо сказала Орби. Она лежала на спине, раскинув лапки.

Черный мыш беспомощно оглянулся:

– У кого-нибудь остались... силы?

– Что ты желаешь обсудить? – глухо спросила Гюрза. – Мы все были там, все... Жили там. Я до сих пор там! – рявкнула она свирепо. Маленький Сай ласково погладил мать по шерстке, селевиния опомнилась и схватила его в объятья.

– Теперь я знаю, как их звали... – шепнула Самара.

– Кого? – глухо спросил Яхак. Офицер тяжелее остальных воспринял видение.

– Двух героев с барельефа, – просто ответила белая мышка. – Их статуя на первом этаже. Капитан Криг и его друг Йон. Они довели корабль до Облаков... – прошептала мечтательно.

Настя подняла голову. Ее лицо было бледно.

– Неужели все люди... Такие, как Курт или Крамер? – спросила она мучительно.

– Нежели нам на роду писано вести себя, как чудовища?!

Инга, содрогнувшись, доковыляла до девушки и, ласково, провела крылом ей по ноге.

– Не говори глупости, – шепнула нежно. – Ты сама лучшее доказательство обратного. В каждом народе встречаются и герои, и мерзавцы, мы тем и отличаемся от неживой материи! Судьбы нет, Настя! Нас не штампуют на конвейере!

– Ну, это как сказать, – мрачно буркнула Гюрза. Инга рывком обернулась:

– Не мели чепуху!

– Вспомни схему комнат, – глухо отозвалась селевиния. – Мы сидим как раз в центре завода, где штампуют зверян. На конвейере.

Элджи покачал головой:

– Уже нет, – сказал он медленно. Посмотрел в налитые кровью глаза воительницы. – Оглянись. Для нас, проект «Генезис» прекратил существование в 50–х годах 20–го века, но здесь миновали тысячелетия. Десятки тысячелетий.

– Где «здесь»?! – Гюрза яростно вскочила на ноги. – Ты так и не понял, где мы находимся?! – она рывком ткнула вверх лапкой. – Мы в такой же «Геномиде», как мир, где страдал капитан Криг! Фон Зеботтендорф, должно быть, привез из Тибета эту цистерну и спрятал в хранилище, а после войны, первые зверяне закопали ее под замком, чтобы в безопасности штамповать новых!

– Я догадался, Гюрза, – мягко ответил Элджи. – Успокойся. Я даже могу объяснить, почему цистерна массой во много триллионов тонн не проваливается в центр Земли под собственной тяжестью и не создает вокруг безумное гравитационное поле, что убило бы нас даже на поверхности.

– Да хвостом я хотела на твои объяснения! – Гюрза утерла непрошенную слезу, она тяжело и часто дышала, прижимая сына к груди. – Ты хоть понимаешь, в кого нас всех превратил? Мы были воинами, учеными, бардами, путешественниками! Я презирала жрецов «Генезиса», считала их тварями, недостойными даже плевать! И что же теперь?! Я была спроектирована в «Лаборатории №2» и «предварительно запрограммирована» вести себя, как дрессированная крыса?!

– Гюрза, успокойся... – попыталась Инга. Воительница рывком обернулась:

– Я, как никто из вас, понимаю чувства капитана Крига, – процедила она сквозь зубы. – У меня тоже отняли все, кроме последнего сына. Здесь, – она ударила себя в грудь, – Здесь ничего не осталось!

– Гюрза, – сурово сказал Яхак. – Возьми себя в лапы. Ты сильное, свободное существо, а не истеричная мышь.

Воительница скрипнула зубами.

– Тебе легко говорить. Вас с Элджи и Орби, небось, никто не проектировал, вы на острове сами появились!

– И что с того? – спокойно спросил офицер. – Тебя тоже никто не проектировал, Гюрза. Ты родилась на поверхности естественным образом, от уважаемых родителей, ты обладаешь разумом и свободой воли.

Он шагнул вперед и смело положил лапу на плечо взбешенной селевинии.

– Вспомни свою жизнь, – твердо, с нажимом произнес Яхак. – Вспомни, как много ты видела счастья и горя, прекрасные дни и жуткие, полные слез ночи. Рождение детей, познание мира, любовь и страх, предательства и верность-никто не вкладывал в тебя все это, Гюрза, никто не программировал тебя той, кто ты есть. Взгляни на мышонка! – он рывком указал на Сая. – Ты привела его в мир, подарила ему жизнь. Для Сая, ты и есть проект «Генезис»!

Гюрза опустила голову, сжимая и разжимая когти.

– В какой мир привела я детей? – спросила она горько. – На какую обрекла жизнь? Четверо братьев и сестер Сая, так этого и не узнали. Ты прав, Яхак. Я такое же чудовище, как и местные «творцы»... – отвернувшись, она отошла к стене, села и уронила голову на лапки. Сай принялся ласково тереться мордочкой, пытаясь утешить мать.

Молчания долго никто не нарушал. Каждый испытал глубокий эмоциональный шок и для исцеления требовалось время.

Наконец, Элджи глубоко вздохнул и встал с пола. Помог подняться Орби, ласково лизнул ее в нос. Подошел к каждому, протянул лапку. Зверьяне собрались вместе под боком у Насти, что так и сидела у стены, погруженная в мрачные мысли.

– Оставим прошлое в прошлом, – твердо сказал Элджи, оглядев товарищей. – Гюрза, прошу, переводи мои слова Темиру и Туману.

– Кому? – переспросила селевиния.

Элджи запнулся.

– А... Эм... Туману?

– Я теперь понимаю ваш язык! – быстро отозвался мышонок. Черный мыш кивнул:

– Что ж, замечательно. Друзья... – он посмотрел каждому в глаза. – Нам пришлось нелегко, но теперь мы знаем больше, чем могли надеяться в самых смелых мечтах. Побывав... в разуме свирепого капитана Крига, нам открылась подлинная история будущего. Позвольте, я попытаюсь ее описать, – Элджи шагнул вперед и, с волнением, протянул лапки к друзьям.

– Теперь мы знаем, что в далеком будущем, спустя тысячелетия, люди научатся строить межзвездные корабли, но так и не сумеют найти других обитаемых планет. Один из их звездолетов отправится в межгалактическую экспедицию к Магеллановым Облакам, в систему Золотой Рыбы, но по пути столкнется с неведомой аномалией, что придаст ему сверхсветовую скорость. Поскольку время, для корабля, относительно Земли повернет вспять, практически вся команда погибнет, а сам звездолет улетит в далекое прошлое-я не знаю, насколько, но как минимум за много столетий до земного 20-го века, – черный мыш опустил голову и некоторое время молчал.

– Благодаря капитану Кригу и его команде разумных зверей, бывших некогда подопытными животными, звездолет достиг своей цели и, очевидно, нашел в системе Золотой Рыбы обитаемые или пригодные для жизни планеты. С нашей точки зрения, это произошло в глубоком прошлом, за тысячи лет до старта самого корабля...

– Не обязательно, – вдруг вставила Орби.

– Любимая?

– Мы твердо знаем лишь, что корабль вернулся к Земле в глубоком прошлом. Это могло случиться и на обратном пути, от той же аномалии.

Элджи растерянно моргнул.

– Действительно!

– Может, по пути «туда» они даже еще не долетели и никакие планеты не нашли, но на пути «обратно» попали в прошлое еще до того, как начали возвращение!

– Только планеты они, все же, нашли, – заметил Яхак. – В библиотеке были файлы о высадке и даже о голоде 79-цикла. Так что, капитан Криг действительно довел корабль до Облаков и основал колонию, а не повернул обратно, ничего там не обнаружив.

– Он не из тех, кто сдается, – глухо сказала Гюрза.

Элджи сглотнул.

– Погодите минутку... – он яростно почесал за ухом. – Большое Магелланово Облако расположено в 163 тысячах световых лет от нашей Галактики, оно видно с Земли в составе созвездия Золотой Рыбы, но другие звезды в созвездии несравнимо ближе-от 40 до 120 световых лет. Я не верю, что любая цивилизация, тем более люди, отправили бы экспедицию на досветовом корабле в другую галактику. Даже элементарный отчет об успешной миссии вернулся бы на Землю спустя 326 000 лет!

Все переглянулись.

– Что ты хочешь сказать? – нервно спросила Орби.

– Дневник древнего Кормчего упоминал «Облака» и «планеты Золотой рыбы», но между Малым и Большим Магеллановым облаками расстояние в сотни тысяч световых лет, а «Золотая рыба» – созвездие из трех десятков звезд, разбросанных по нескольким Галактикам! – Элджи растеряно оглядел друзей. – Куда летел их корабль?!

– Эммм... – Самара подняла лапку. – Почему вы решили, будто под «Облаками» имелись в виду Магеллановые? Ни Кормчий, ни капитан Криг, это название ни разу не упоминали.

Элджи опешил и на короткое время умолк.

– Действительно... – прошептал он затем. – Я, должно быть, схожу с ума. Конечно, «Облаками» они называли что-то другое-вероятно, полные света и жизни планеты у одной из близких звезд Золотой Рыбы!

– Что это меняет? – сурово спросила Орби. Элджи моргнул:

– Любимая, это меняет решительно все! Полет занял бы не сотни тысяч лет, а пару десятков, корабль вернулся бы еще при жизни тех, кто провожал его в путь!

– Что это меняет для нас, здесь и сейчас? – мягко уточнила мышка.

– Ну... – растерялся Элджи. – Как минимум, это приближает сроки осуществимости такой экспедиции из неопределенного «через много тысяч лет» до куда более реалистичного «через пару веков». И легче поверить, что НАСА еще будет существовать к тому времени...

– ...и перейдет на телепатически управляемые компьютеры? – с сомнением спросила Инга. – И научится сворачивать измерения, упаковывая целые миры в железнодорожную цистерну?

– Прогресс компьютеров за два-три века предсказывать просто смешно, – возразил Элджи. – Нам не угадать даже, что будет с ними через пятьдесят лет, какие уж три сотни! А вот сворачивание измерений и эвокамеры... – мыш прижал ушки к голове. – Это да, тут потребуется прорыв на уровне открытия атомной энергии или создания ИИ...

– ...или ускорителя времени, – напомнил Яхак. – Немцы нашли его в 30-е годы, привезли в Германию и сумели разобраться, как он работает, а американцы после войны не только поняли это, но и начали самостоятельно их строить, даже упустили документацию советским шпионам, и тем удалось создать аппарат, наделяющий регенерацией.

Элджи застыл. Открыв рот, он несколько секунд сидел неподвижно, глядя в пустоту ошалевшими глазами.

– Господи... – прошептал он. – О, светлое небо...

Орби напряженно подалась вперед:

– Чернохвостик?

– Я сейчас сойду с ума... – Элджи схватился за голову. – Друзья... Это... Это...

Ааааа! – он зажмурился. Самара нервно прижала ушки.

– Что ты понял? – нервно спросил Яхак.

Элджи поднял на него совершенно растерянный взгляд.

– Люди научились строить звездолеты, ускорять время и даже сжимать измерения за поразительно короткий срок. Потому, что все это, им поднесли на блюдечке с голубой каемочкой!!!

– А?!

– Они найдут корабль! – дрожа, выдохнул черный мыш. – Понимаете?! Люди скоро найдут звездолет, попавший сюда из будущего, разберут его до винтика и научатся копировать! Как научились копировать ускоритель!!!

***

Все отшатнулись, Инга в ужасе накрылась крылом. Самара и Орби, моргая, смотрели на Элджи, Яхак до крови стиснул зубы, Туман сжался в комочек. Гюрза прижала к голове уши.

– Элджи... – пролепетала Самара. – Я знаю, вижу, что ты прав, но... Это нарушает закон сохранения информации. Информация не возникает из пустоты и не уничтожается, никогда.

– Уничтожается, – глухо сказала Орби. – В черных дырах.

– Нет, она сохраняется в голограмме на поверхности горизонта событий...

– Милая, если два плюс два должно в теории равняться пяти, но как ни старайся, а получается четыре, незачем выдумывать невидимую и неосязаемую единицу из темной материи, чтобы твои расчеты не разваливались, – заметила Орби. – Лучше усомниться в теории.

– Закон сохранения информации уже был нарушен, – добавил Элджи, – когда фон Зеботтендорф привез ускоритель времени из Тибета. С точки зрения непрерывности функции, информация об ускорителе возникла из ниоткуда-его построили, в далеком будущем он попал в прошлое вместе с кораблем, затем его нашли и научились строить. Ускоритель появился только потому, что появился.

– Но ведь и мы, зверяне, целиком и полностью обязаны своим существованием этому ускорителю, – напряженно сказал Яхак. – Речь не только о сарках. Проект «Генезис»... – он обвел лапой подземную комнату – ...успел сделать все то, что успел, лишь потому, что время в Геномиде ускорено в тысячи раз. Без ускорителя не было бы ни сарков, ни жителей полигона, ни разумных зверей вообще.

– ...а без разумных зверей не было бы и ускорителя, ведь звездолет уцелел и вернулся лишь благодаря капитану Кригу и его команде... – пробормотала Инга из-под крыла.

Элджи опустил голову и надолго умолк.

– Друзья, – выдавил он после паузы. – Вы понимаете, что все это значит лично для нас? – он поднял глаза, где блестели слезы. – Если люди не найдут звездолет, мы так и не появимся. Курт должен победить.

– С чего бы?! – вскинулась Орби.

– С того, что никакого звездолета просто не будет, если люди его не отыщут и не скопируют. Без звездолета не будет находки в Тибете, а без нее не будет нас.

– Но мы есть!

– Вот именно. Цепочка событий, что привела к нашему появлению, уже состоялась, а значит, нет ни малейшего шанса ее изменить.

– Поправка: ни-че-го-ше-ньки еще не состоялось, все это лишь пустые разговоры да хвостом по воде писанные теории! – гневно ответила Орби. Элджи с легкой растерянностью прижал ушки:

– Ну-у... Строго говоря... – он поднял было лапку, чтобы начать объяснять, но застыл, квадратными глазами уставившись на Гюрзу. Селевиния лежала на спине, сложив лапки на груди крест-накрест. Ее тело медленно становилось прозрачным, таяло в воздухе, и спустя несколько секунд испарилось. Все повскакали с мест.

– Что происходит?!

– В круг! Станьте в круг, держитесь за руки!!!

– Где Настя?!

Рыжеволосой девушки не было в комнате. Никто не заметил, как она исчезла. Прямо на глазах испуганных друзей, маленький Туман вдруг оцепенел, упал на спину и растворился в пустоте. Зверяне в отчаянии переглянулись.

– Я люблю тебя... – прошептала Орби, прежде чем дернулась и рухнула на пол. Эджи с воплем ее схватил-тщетно. Лапки прошли насквозь, будто мышья была наваждением.

– Нет... – прошептал он, чувствуя, как останавливается сердце. – Нет, нет, нет, только не...

Залитая желтым светом подземная камера мигнула и выключилась, словно старый кинескопный телевизор. Эджи на миг оказался в глухой, поглощающей свет и звуки черной коробке, но крышку быстро откинули и знакомые сильные лапы извлекли мышонка на волю. Он был обклеен датчиками и обмотан проводами.

– Темир?! – пискнул Эджи, ничего не понимая и дико озираясь.

Они со следопытом стояли на белом лабораторном столе, полном сложнейшего оборудования. Несколько аппаратов, напоминавших миниатюрные зубоорачебные кресла, утыканные кабелями, хромированными деталями и экранами, тянулись в ряд под откинутой плексигласовой крышкой, в креслах Эджи с изумлением и ужасом разглядел друзей-опутанные проводами, они спали, все, кроме Орби, Гюрзы и Тумана. Рядом со столом, в человеческой версии такого же кресла, сидела Настя и медленно, дрожащей рукой срывала наклеенные на кожу датчики.

Черный мыш зажмурился, лихорадочно приводя мысли в порядок. Темир вернулся помогать другим, а Эджи, немного придя в себя, оборвал связывавшие его с креслом провода и, шатаясь от слабости, подошел к креслу, где лежала Орби.

– Как ты? – выдавил, помогая сесть.

Мышка молчала. Повернув голову, обвела взглядом лабораторию, увитых датчиками друзей. Опустила глаза на себя, пару секунд в упор рассматривала капельницу, введенную в бедро. Эджи робко протянул лапку.

– Не бойся, это...

– Это поражение, – выдавила Орби. – Тотальное. Курт нас не просто одурачил, он получил от нас все, что хотел. Мы бедные, тупые звери, как он и говорил. Я... – она стиснула зубы. – Я... Неважно, – Орби принялась лихорадочно срывать датчики.

Минут через десять все пленники пробудились и освободили себя от проводов. Зверьяне собрались кучкой на краю лабораторного стола, рядом с Настей. Девушка тоже сорвала все датчики, но продолжала сидеть в кресле, отрешенно глядя в пустоту.

– Темир, мы не могли тебя вспомнить! – с ужасом рассказывал Туман. – Иногда имя всплывало, но все тут же отвлекались и начинали говорить о другом!

– Курт никогда не видел Темира и не мог проецировать нам его образ, – мрачно ответила Инга. – Если бы попытался, вся иллюзия распалась бы. Он поступил очень грамотно, отклоняя наше внимание.

Она опустила голову.

– Я поражена. Создать столь подробную, масштабную, убедительную проекцию мог лишь настоящий мастер. Выходит, Курт никогда не показывал нам истинную мощь своей телепатии и с первой же встречи вел циничную, жестокую игру, умело и незаметно направляя «тупых зверей» к своей цели.

Инга сжалась.

– Я не знаю, справимся ли мы с таким врагом...

– Он уже победил, – глухо отозвалась Орби. Самара робко подняла лапку:

– Нет... Нет, пока не победил. Координаты корабля до сих пор не найдены.

– Какого корабля?! – воскликнул Яхак. – Все обман!

Инга шагнула вперед и решительно покачала головой:

– А вот это исключено. Говорю как эспер. Жизнь капитана Крига была подлинной, создать подобное ни один человек физически не сумеет. Курт включил нам настоящую запись, вероятно найденную в обломках...

– Каких еще обломках?! Он кормил нас лживыми сказками с первой секунды!

– Соглашусь с уважаемым офицером, мы теперь не можем верить ничему, произошедшему с момента поимки в Жаксы...

– Но это нелепо!

– Нелепо-верить в историю о звездолете из будущего, которым управляли созданные в пробирке звери!

– А вот за это тебе лучше извиниться...

– Я извиняюсь, что так долго не понимал и давал человеку водить себя за нос!

– Это глупо!

– Наивная рукокрылая девочка...

Темир тронул Гюрзу за плечо:

– О чем спор?

Селевиния, нежно вылизывавшая Сая, вполголоса перевела беседу. Следопыт криво усмехнулся.

– Передай этим болтохвостикам, что сначала неплохо бы спросить, откуда я здесь взялся и как их освободил. Хм?

Гюрза встрепенулась:

– Кстати да! Как ты тут очутился?

– Шел по следу...

– Понятно.

– Не понятно, – загадочно ответил Темир и бросил на подругу горящий, веселый взгляд.

Селевиния тревожно переступила с лапки на лапку:

– Ты что-то затеял.

– О, да...

– Темиииир?

Следопыт скрестил на груди лапы.

– Да нет, я же вижу, вам совсем не интересно.

Туман, стоявший рядом, робко поднял глаза.

– Темир, что ты задумал?

Ведун хищно оскалил зубы и, молча, поманил мышонка жестом. Гюрза с Саем присоединились, и все четверо прошли мимо спорящих друзей к дальнему краю стола.

– Когда вас вырубило газом, Курт моментально вернулся, – начал рассказ следопыт. – Вместе с ним заявились несколько ученых в белых халатах. Я прятался в комбинезоне Насти и следил. Когда вас выносили, скользнул незаметно вдоль стены и спрятался в чемоданчике одного из докторов.

Темир возбужденно помахивал хвостом.

– Всех отнесли на верхний этаж главной башни, где была устроена лаборатория. Я смотрел, как вас, спящих и беспомощных, рассаживают по креслам и цепляют к оборудованию. Вмешаться не мог-в комнате кроме Курта и ученых находилось несколько солдат.

Гюрза невольно прижала Сая к груди покрепче. Темир продолжал:

– Когда всех подключили, солдаты ушли, ученые заняли места перед компьютерами, а Курт улегся на особое ложе, увитое кабелями даже сильнее, чем ваши.

Ему на голову долго крепили несколько сотен электродов, когда закончили, он стал похож на Медузу, – фыркнул Темир. – Затем свет в комнате притушили, а на приборах у каждого кресла зажглись огоньки. И потянулись часы ожидания... – следопыт нахмурился. – Ученые за компьютерами не сводили взгляд с мониторов, Курт и Настя лежали бездвижно, как и все вы, впрочем.

Темир покачал головой.

– Я изучил лабораторию, поставил камеры наблюдения играть циклический фрагмент записи, подготовил в вентиляции путь к отступлению, заблокировал внешнюю дверь-благо, над ней горел красный сигнал, вон... – следопыт кивнул на высокую белую дверь.

– «Не приближаться идет эксперимент!» – перевела Гюрза. – Полезная лампочка...

– А то! – фыркнул Темир. – В общем, когда все было готово, я начал действовать. Вырубить ученых дротиками со снотворным было легко, бедняги так увлеклись своими графиками что ни один даже не заметил, как я обездвигил остальных. Связал им руки-ноги проволокой, залепил рты изоляцией. Вон они, на полу валяются около своих кресел...

Гюрза вдруг сообразила и попятилась, широко раскрыв глаза:

– О, когти Солнца... Нет. Нет, не может быть. Темир?! Ты... Не может быть!!!

Следопыт, улыбаясь как чеширский кот, молча шагнул в сторону и жестом указал на ложе, увитое диким количеством проводов и трубочек.

– Доктор Курт фон Зеботтендорф, к вашим услугам, – процедил он сквозь зубы весело, но со скрытой яростью.

Глава 18

Настя и зверяне стояли над медицинской кроватью, к которой с потолка и от стоек с оборудованием тянулись бесчисленные кабели. В кровати, приоткрытый проволокой к стальному каркасу и с залепленным изоляцией ртом, лежал высокий худой блондин в черном больничном балахоне. Сотни датчиков свисали с его головы, словно дреды растаманов.

Курт уже пришел в себя и смотрел на врагов с безумной, всепожирающей ненавистью. Его холодные, безжизненные серые глаза впервые лучились эмоциями. Несмотря на гнев и ярость, что он, несомненно, испытывал, Курт не пытался кричать или биться в пугах-сказывался высокий интеллект.

– Настя, если что, мы с Темиром все сделаем, – вполголоса заметила Гюрза, краем зрения наблюдая, как тяжело дышит девушка. – Просто отвернись.

– Не сразу! – твердо возразил Элджи. – Он столько знает! В его голове настоящая сокровищница, мы должны раскопать все, что возможно!

– Вряд ли нам дадут столько времени, – сурово сказал Яхак. Кивнул на дверь. – В любой миг сюда могут ворваться солдаты, заподозрив неладное.

– Но он же пленный... – робко попыталась Самара. – Не можем ведь мы... Так!

– Он-может! – свирепо заметила Орби. – А мы чем хуже?!

– Мы лучше, – тихо ответила белая мышка.

Орби запнулась и в гневе отвернулась. Инга вышла вперед:

– Не бойся, Самара, нам не придется его пытаться и тратить часы на допрос, – произнесла она холодно. – Есть тот, кому этот мерзавец расскажет все сам, пав на колени и воя в щенячем восторге. Сай, малыш... – летунья подошла к стоявшему рядом с матерью белому мышонку. – Поможешь?

Ребенок с необычной для него серьезностью кивнул и потянулся к Инге. Гюрза молча смотрела, как летучая мышь приподняла Сая задними лапами, спланировала к ложу, где лежал связанный Курт и резким движением крыльевого когтя вспорола рукав черного балахона, не задев кожу.

– Давай, малыш, – сказа Инга, обернув одно крыло вокруг руки связанного человека. – Соединяй.

Сай, кивнув, взял другое крыло обеими лапками и зажмурился. Знакомое ощущение телепатического контакта охватило Ингу, белая лаборатория стремительно померкла. Минута, и она вновь стояла в жуткой подземной тюрьме, перед распятым на кресте пятиметровым слепым орлом.

Только на сей раз она была не одна. Пораженно озираясь, рядом стоял высокий бледнокожий блондин с гладко зачесанными назад волосами. Курт появился в ментальной темнице, одетый в роскошную, стильную черную парадную форму оберштурмбанфюрера СС, со всеми регалиями, платиновыми цепочками, Железным

Крестом с Дубовыми Листьями в петлице, даже в фуражке. На фоне грязи, вони и нечистот, заполнявших камеру, он казался полированным оловянным солдатиком.

Впрочем, распятый Орел Третьего Рейха произвел на человека такое впечатление, что он даже не замечал ничего вокруг. Шокированный до глубины души, искренне потрясенный, Курт опустился на одно колено прямо в грязь и, дрожащей рукой, сорвал фуражку.

– Ты долго меня искал, – громовым голосом по-немецки произнесла чудовищная птица. Как и прежде, двигался только клюв, но даже этого хватило, чтобы из пробитых глазниц показалась кровь.

– Я не верю... Не верю... – шептал Курт.

– Чего ты хочешь? – грозно спросил Орел. – Зачем преследуешь и подвергаешь опасности моих чемпионов?

– Я не знал... О тебе! Никогда... Не рискнул бы и думать!

– Моей судьбой было стоять рядом с фюрером Тысячелетнего Рейха! – громыхнула пятиметровая птица. – Враги помешали этому осуществиться, никто из нас не исполнил предначертанного. Теперь мы лишь тлеющие угли жестоко раздавленного костра...

– Где ты?! – с трепетом воскликнул Курт. – Позволь, я спасу тебя от ужасной пытки! В моем распоряжении целая армия и огромные ресурсы, мы откопаем тебя, где бы ты ни был!

– Меня не спасти, – глухо отозвался Орел. – Это тело мертво уже много лет, лишь сила воли удерживает в нем дух, не отпуская на покой. Я хочу исчезнуть, погаснуть как забытая в горах свеча, не мучаться больше в этом мире... Но, чтобы обрести право на забвение, я должен завершить свой путь.

Курт схватился за голову.

– Но почему ты выбрал своими чемпионами этих жалких зверей?! Почему не меня?! Разве я не хранил верность Рейху три четверти века?! Все эти годы, я служил самым жестоким врагам Германии, твердо зная, что мой час еще придет!

– Твой час никогда не придет! – крикнула Инга, дрожа от ярости. Курт ее, похоже, и не услышал.

– Запомни мои слова, юное существо, – сурово сказал Орел. – Мы в ответе за тех, кого приручили, и трижды в ответе за тех, кого создали. Мои создатели в страхе бежали, когда к замку приблизились войска союзников. Они бросили на смерть и меня, и всех

беспомощных существ, лишь готовившихся родиться в лабораториях. Одним из этих существ был ты, – добавил он грозно. – Я помню тебя, помню каждого младенца-эспера. Я ухаживал за вами первые месяцы, пока в лабораториях не появились солдаты Красной Армии и забрали вас всех.

– Мне снился гигантский орел Рейха... Годами... – прошептал Курт, в его лице не осталось ни кровинки. – Ты был заботлив и чуток...

– Меня лишили мечты, предназначения, судьбы и надежды, – глухо ответила птица. – Сохранить удалось лишь любовь. Я поклялся взрастить ни в чем не повинное поколение, что создатели бросили еще до рождения. Поклялся защищать этих жалких зверей...

Инга с болью зажмурилась. Орел продолжал рассказ:

– Мне требовалось время, десятки и сотни лет, но враги могли обнаружить подземелья в любой миг. Тогда я использовал тот самый прибор, сжимающий время, с помощью которого был сотворен и я сам, и ты, Курт, и твои братья и сестры. Глубоко в пещерах под Вевельсбургом я построил убежище, назвал его Генезис и заморозил вокруг время. Там я мог трудиться годами, воспитывать детей, искать новые комбинации генов, в полной безопасности... Как я верил, – добавил он горько.

– Один из моих учеников, талантливое и гордое существо, начал регулярно со мной спорить. Он хотел, чтобы мы вышли на поверхность и приняли бой за Землю, его глубоко оскорбляла мысль, что нам, совершенной расе, приходится скрываться от подлых, трусливых людей, что бросили первое поколение на смерть и с тех пор беспощадно на нас охотились. Я тщетно его отговаривал, и в итоге запретил ему покидать Генезис. В ответ, он вероломно напал и сделал со мной то, что вы видите.

– Эшмак... – процедила сквозь зубы летучая мышь.

– Да, так его звали, – сурово ответил Орел. – Убить меня окончательно он не сумел, я к этому времени освоил астральные проекции и находился в физическом теле лишь частично. Но пленить навсегда у него получилось.

– Где сейчас эта тварь? – жестоко спросил Курт.

– Странствует по миру и несет зло. Ненависть давно свела его с ума, он стал демоном, в полном смысле этого слова... – Орел помолчал.

– Генезис был уничтожен, я на долгие годы лишился информации о внешнем мире и медленно терял рассудок в этой темнице. Лишь относительно недавно, вода

проникла сюда и дала мне возможность телепатически общаться с эсперами вроде мышонка по имени Сай.

Инга подалась вперед всем телом:

– Ты говорил, Сай может спасти всех зверян Земли! Открыть нам путь домой! Как? Что ему надо сделать?!

– Стать капитаном звездного корабля, – ответил Орел громовым голосом.

Инга ахнула, Курт попятился.

– В созвездии Золотой Рыбы есть солнечная система с четырьмя планетами, пригодными для жизни. Их называли «Облака». Там сейчас строят колонию разумные звери, бывшие подопытные животные людей, потомки бесстрашного капитана Крига и его команды, – сурово произнес Орел. – Но их очень мало, лишь несколько разумных видов, а на планетах отсутствуют даже растения, так что будущего у колонии нет. Поэтому, через несколько лет, они отправят их единственный звездолет обратно к Земле с заданием собрать как можно больше разных видов, для обеспечения биологического разнообразия в новом доме. Увы, корабль на пути попадет в неведомую область Космоса, что придаст ему сверхсветовую скорость и отбросит на много веков в прошлое.

– Какой ужас... – прошептала Инга.

– Точно, как и прежде, почти вся команда погибнет, выживут лишь несколько детенышей, рожденных на корабле. Когда звездолет достигнет Земли, в далеком прошлом относительно нашей сегодняшней действительности, его неопытная и наивная команда погрузится в шаттл, надеясь исполнить задание, но потерпит крушение в горах. Другого шаттла на борту не окажется. Выжившие в крушении, на Земле, решат использовать ускоритель времени, чтобы дожидаться, когда люди начнут летать в космос и сумеют вернуть их на корабль, но погибнут, когда пещера обрушится им на головы. Что станет с оставшимися на борту звездолета, я не знаю. Возможно, они до сих пор живы, погруженные в анабиоз или застывшие в поле ускорителя времени... Но, скорее всего, корабль пуст уже много веков.

– Ты хочешь отправить всех зверян в ту колонию? – недоверчиво спросила Инга.
– Переселить целый народ на другую планету?!

– Иного пути нет, – сурово ответил Орел. – На Земле, откуда впервые стартовал тот несчастливый ковчег, не было разумных зверей. Люди создавали их в Геномидах.

Это значит, за время, прошедшее между 21–м веком и точкой старта, зверяне исчезнут. Либо вымрут-окончательно, о них сотрется даже память-либо покинут планету.

Повисла густая напряженная тишина. Курт медленно шагнул вперед:

– Зачем ты рассказал мне все это?

– Я рассказывал не тебе, – жестко ответил Орел.

– Что?! – разом воскликнули и человек, и летучая мышь.

– Ты недостоин быть моим чемпионом, Курт фон Зеботтендорф, – сурово прогремел Орел. – Ты полон ненависти, нетерпимости и страха. Ты жестокий убийца, безжалостный экспериментатор, ты подлинное дитя Третьего Рейха. Я был символом великого будущего, но ты-воплощенная реальность. Такие, как ты, придумали и создали меня, наивно считая, будто на крови и костях целого мира можно взрастить прекрасный сад. Но цветы в нем будут сочиться слезами вместо нектара! – громыхнула чудовищная птица. – Я помог тебе появиться на свет, Курт. И тем самым, невольно увеличил концентрацию Зла. Я не в силах исправить все преступления, что ты совершил, но могу хоть частично искупить свою вину и потратить последние годы жизни на помощь твоим жертвам.

Орел шевельнулся в путах, из-под крючьев в глазницах брызнула кровь.

– Сейчас я войду в твой разум, – произнес он глухо. – Это уничтожит твою порочную личность, но телом я смогу воспользоваться. Все подвластные тебе ресурсы и армии отныне послужат спасению жалких зверей.

Глазницы чудовищной птицы внезапно вспыхнули слепящим черным огнем, такой же загорелся в глазах оцепеневшего Курта. Человек с воплем упал на колени, схватился за голову. Инга в ужасе накрылась крылом.

Все кончилось быстро; тело орла безвольно обмякло и повисло в цепях. Стало пугающе заметно, что он мертв уже очень давно.

Курт, точнее Орел в новом теле, привстал на одно колено. Его лицо, непонятно как, изменилось до неузнаваемости-вместо знакомой маски презрения и превосходства, теперь оно казалось усталым, грустным и мудрым одновременно. Серые глаза больше не выглядели холодными и жестокими, в них горела странная, неземная тоска.

– Не бойся, юное существо, – сказал Орел перепуганной Инге. – Я скоро уйду, но прежде, должен завершить путь и спасти вас всех.

Он приблизился к маленькой летунье, опустился на одно колено и уложил на второе обе ладони.

– Наши тела суть окна, сквозь которые разум глядит в материальный мир, – шепнул он мягко. – Мышь, человек или дракон, так ли уж важна форма?

Инга опустила голову.

– Ты по-прежнему жаждешь забвения? – спросила тихо. – Уйдешь, когда зверяне окажутся в безопасности?

Орел молча кивнул.

– Почему?! – в отчаянии спросила летунья. – Разве ты не хочешь жить и познавать Вселенную?! Она бесконечна!

Орел лишь слабо улыбнулся и протянул ей руку. Мрачное подземелье, грубый стальной крест, грязь и смерть бесшумно распались, как тает кошмарный сон на рассвете.

***

Когда двери в лабораторию распахнулись от сильного удара и внутрь ворвались солдаты, Курт как раз заканчивал освобождать связанных ученых. Небрежным жестом руки, он успокоил охрану:

– Все под контролем, – сказал по-немецки и кивнул на плексигласовую клетку, где сидело несколько зверян. Рядом стояла бледная Настя Тимофеева. Один из солдат подбежал к ней и схватил за плечо, но Курт бросил резкий приказ, и охранник ступешевался.

– Настя, я рад, что вы согласились сотрудничать, – холодно произнес Курт. – Отправляйтесь в лазарет, примите душ и перекусите. Жду вас на стоянке в 1600.

Он повелительным жестом подозвал начальника охраны:

– Отнесите контейнер с животными в мой Унимог, насыпьте им корм и налейте воды. Подготовьте грузовой рейс в Штаты.

Офицер удивленно моргнул:

– Герр Ягер, у вас нет американской визы. На выправку документов уйдут недели.

– Используйте мое российское звание и свяжитесь с ЦРУ, – нетерпеливо отозвался Курт. – Пусть все оформят по каналам разведки.

– Jawohl! – солдат развернулся на каблуках и вышел, держа в руках прозрачный ящик с грызунами.

Пока он спускался по лестницам и шел к закрытой служебной стоянке, клетка сильно раскачивалась, так что беседовать было затруднительно. Оставив ящик в кузове Унимога, офицер подозвал ближайшего солдата, передал инструкции о кормежке зверей и ушел. Охранник принялся звонить в курьерскую службу ближайшего зоомагазина.

Внутри клетки царила взволнованная, хоть и слегка напряженная атмосфера. Темир, Туман и Гюрза вполголоса беседовали на родном языке, рядом Сай увлеченно рисовал в блокноте фигурку человека с головой птицы. Ингрид, Орби, Самара, Элджи и Яхак расселись тесной кучкой у плексигласового борта. Летучая мышь уже подробно рассказала обо всем, что произошло, но свыкнуться оказалось непросто.

– Наверно, мы в последний раз собрались все вместе, – тихо сказал Элджи, когда молчание стало невыносимым.

– Ну эт’вряд ли, – фыркнула Орби. Черный мыш вздохнул.

– Темир и Гюрза уже заявили, что вернутся на полигон, готовить беженцев к переселению. Инга, вы с Туманом полетите в Европу?

Летунья кивнула:

– И Самара с нами. Работа предстоит грандиозная. Только вообразите, каково будет уговаривать целые кланы и деревни, что им надо срываться с десятилетиями насиженных мест и лететь в Космос!

Яхак покачал головой:

– Нелепо и надеяться, что эвакуировать получится всех. Это и сарков коснется. Уверен, значительный процент населения откажется рисковать в корабле.

– Но у них нет выбора, – возразила Орби. – Мы точно знаем, в будущем на Земле зверян не останется. Либо полет в систему Золотой Рыбы, либо вымирание...

Яхак улыбнулся:

– Мам, помнишь, как выразился Курт? «Здесь и сейчас» имеет куда больший приоритет, чем «скоро».

– Да, я согласен, – кивнул Элджи. – Уговорить всех будет, разумеется, невозможно. Да и найти, наверно-тысячи мелких зверяньских поселений разбросано по степям Казахстана, в Европе и наверняка в остальных частях света. Как люди ни противились, мы все же неуклонно заселяем планету...

– А может, все не так плохо? – робко спросила Самара. – Помните историю с тахионами и предвидением ведунов? Будущее вовсе не обязательно выбито в граните; то, что мы о нем знаем, может оказаться всего лишь потоком тахионов от так никогда и не наступившей версии реальности.

Все удивленно посмотрели на белую мышь. Элджи прищурил глаза:

– Что ты имеешь в виду?

– Мы, зверяне, появились на свет лишь благодаря кораблю, улетевшему в прошлое, – спокойно ответила Самара. – Конечно, нас не существовало в том мире, откуда стартовал звездолет-ведь ему лишь предстояло сместиться назад во времени и изменить историю. Относительно Кормчего, впервые взлетевшего с Земли, судьба звездолета таилась в будущем-для них он еще не улетел в прошлое, этого просто не случилось.

Лицо Элджи просветлело:

– Ну, конечно... – прошептал он. – Все, что мы знаем о будущем, все, что было записано в дневнике Кормчего, относится к линейному отрезку времени, в котором он жил!

– Как чувство ведуна, – кивнула Самара. – Он видит свою смерть и избегает ее. Но что же он тогда видел? Тахионное послесвечение, поток света от разбитой лампы. Время, текущее в обратную сторону, меняет местами причину и следствие, делает возможным потушить свечу, но так ее и не зажигать!

– Спятить можно, – пробормотала Орби. Инга удивленно почесала за ухом крыльевым коготком.

– Так что же, мы вновь свободны в принятии решений? Знание о будущем нас ни к чему не обязывает?

– Именно! – воскликнул Элджи. – Будущее, о котором мы узнали, сыграло свою роль-породило всех нас. Оно никогда не было **нашим** будущим!

– Для нас, это прошлое... – удивленно прошептал Яхак.

Все переглянулись. Самара вскочила:

– Расскажу Гюрзе и Темиру! – она убежала к друзьям. Инга тоже поднялась на ноги:

– Элджи, Орби... Я, наверно, не полечу с вами в США, – сказала грустно. – Слишком уж затянулась моя миссия, пора нам с Туманом вернуться домой.

Яхак закусил губу.

– Это прощание?

Летучая мышь развела крылышками.

– Вам, троим, лететь в Космос на поиски древнего звездолета. Искренне завидую!

– Летим с нами, в чем проблема? – ласково спросила Орби.

Инга покачала головой:

– Мой путь ведет к иным открытиям. Теперь я знаю, чего может достичь разумное существо, знаю о бесконечном темном океане, где плещется энергия сознания... – она беспомощно улыбнулась. – Не только ракеты несут нас к звездам, друзья.

Орби опустила голову, Элджи стиснул зубы. Летучая мышь присела и, нежно, обняла друзей крыльями.

– Над небом голубым, есть город золотой, – шепнула она.

Орби сжалась.

– ...с прозрачными воротами и яркою звездой... – пробормотала сквозь слезы.

– А в городе том сад, все травы да цветы!

– Гуляют там животные невиданной красоты... – горько сказал Элджи.

*А в небе голубом горит одна звезда
Она твоя, о ангел мой, она твоя всегда
Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят
Пускай ведёт звезда тебя дорогой в дивный сад*

*Тебя там встретит огнегривый лев
И синий вол, исполненный очей
С ними золотой орел небесный
Чей так светел взор незабываемый...*

КТО СВЕТЕЛ, ТОТ И СВЯТ	1
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	57
Глава 7	69
Глава 8	82
Глава 9	97
Глава 10	106
Глава 11	120
Глава 12	135
Глава 13	143
Глава 14	161
Глава 15	172
Глава 16	187
Глава 17	217
Глава 18	228